

Андрей Белый

Африканский дневник

Андрей Белый

Африканский дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3134845

Аннотация

«Цель этой книги дать несколько картинок из жизни и быта огромного африканского континента, которого жизнь я подслушивал из всего двух-трех пунктов; и, как мне кажется, – все же подслушал я кое-что. Пребывание в тихой арабской деревне, в Радесе мне было огромнейшим откровением, расширяющим горизонты; отсюда я мысленно путешествовал в недра Африки, в глубь столетий, слагавших ее современную жизнь; эту жизнь мы уже чувствуем, тысячи нитей связуют нас с Африкой. Будучи в 1911 году с женою в Тунисии и Египте, все время мы посвящали уразумению картин, встававших перед нами; и, собственно говоря, эта книга не может быть названа «Путевыми заметками». Это – скорее «Африканский дневник». Вместе с тем эта книга естественно связана с другой моей книгою, изданной в России под названием «Офейра» и изданной в Берлине под названием «Путевые заметки». И тем не менее эта книга самостоятельна: тему «Африка» берет она шире, нежели «Путевые заметки». Как таковую самостоятельную книгу я предлагаю ее вниманию читателя...»

Содержание

Вместо предисловия	7
Культура Тунисии	8
Дорога в Кайруан	20
Перед Кайруанской стеной	26
Сговоры	29
Кайруан	33
Аглебиты	48
Тонкий соблазн	53
Кафе	63
Дервиш	68
Кобра	72
Старинное	77
Мороки	80
Карфаген	85
Сиди-бу-Саид	94
«Двадцать две» Франции	101
Вновь Радес	114
Али Джалюли	120
Знакомство с Али Джалюли	124
На Carthage	129
Валетта	134
Arcadia	140
Порт-Саид	150

До Каира	156
«Хаха»	162
Каир	167
Вблизи города	177
Нил	184
Кварталы Каира	189
Арабская улочка	193
Толпа	196
Форма мечетей	200
Султаны Египта	204
Каир с Цитадели	212
Принилийский Каир	216
Каср-ешь-Шамах	221
Центры	224
Течение	230
Экваториальная Африка	234
Сады	249
Акхуд-Куфу и Уэр-Кхафра	252
Приближение к пирамидам	256
У пирамидного бока	261
Сфинкс	266
Египет	274
Вновь пирамиды	278
На пирамиде	283
Музей	293
Мемфис	295

Саккара	306
Гробницы Акхутхотепа и Ти Серапеум	308
По пустыне	313
Сфинкс	316
Лорды	325
Последнее впечатление	329
Эпилог	332

Андрей Белый

Африканский дневник

«Африканский дневник» писался как вторая часть «Путевых заметок» (первая и наименее удачная часть вышла под заглавием «Офейра» в «Книгоиздательстве писателей» в Москве в 1922 году и под заглавием «Путевые заметки» в издательстве «Геликон» в Берлине); банкротство книгоиздательства «Геликон», его закрытие, застало в наборе вторую часть «Путевых заметок». Гранки автор взял себе.

Эту часть автор считает за ненапечатанную и очень удачную свою книгу.

Но ему надоело ждать, когда предпримется новое издание 2-х томов. И он, желая сохранить рукопись-уникум, предпочитает отдать в архив, чем подвергать случайностям хранения у себя.

Здесь 120 гранок.

Андрей Белый

Вместо предисловия

Цель этой книги дать несколько картинок из жизни и быта огромного африканского континента, которого жизнь я подслушивал из всего двух-трех пунктов; и, как мне кажется, – все же подслушал я кое-что. Пребывание в тихой арабской деревне, в Радесе мне было огромнейшим откровением, расширяющим горизонты; отсюда я мысленно путешествовал в недра Африки, в глубь столетий, слагавших ее современную жизнь; эту жизнь мы уже чувствуем, тысячи нитей связуют нас с Африкой. Будучи в 1911 году с женою в Тунисии и Египте, все время мы посвящали уразумению картин, вставших перед нами; и, собственно говоря, эта книга не может быть названа «Путевыми заметками». Это – скорее «Африканский дневник». Вместе с тем эта книга естественно связана с другой моей книгою, изданной в России под названием «Офейра» и изданной в Берлине под названием «Путевые заметки». И тем не менее эта книга самостоятельна: тому «Африка» берет она шире, нежели «Путевые заметки». Как таковую самостоятельную книгу я предлагаю ее вниманию читателя.

Андрей Бельй

Культура Тунисии

Тысячу лет развивается культ Магомета в Тунисии; берберы тесно вплелись в мусульманство; читайте историка их, Ибн-Каль-дуна¹, увидите, как отраженно влияла Берберия на самые судьбы арабства; самая Мавритания вскормлена соками их благородной крови²; что вспоило Альгамбру, чем ныне пленяется взор в Альказаре, то создано ритмами берберской жизни, взволнованными голосом Августиновых дум; и потом расходившимися в мысленных ритмах Аверроэсовой мудрости; без существенных импульсов малефитского толка суннизма беднее бы мы мыслили жизнь магометовых культов; не только Багдад простирает свой блеск на Египет и Сирию; свет из Берберии строит культуру Египта, и создает Ель-Кахеру (Каир); Кайруан – основательней, строже, древнее Каира.

Немедленно после смерти пророка – проходят: наследник его Абубекр; и – Омар, но Али, близкий кровью пророку, волнует сердца правоверных; и открывается при Омейидах солдатами; скоро солдаты Али объявляют себя правоверными; и вдохновляют мечом кореджитскую ересь; признававши трех первых калифов, они отрицают наследственный има-

¹ *Ibn Khaldoun. Histoire des Berberes, trad. de Slane, 1852-56.*

² *El-Edrisi. Description de L'Afrique et d'Espagne.*

мат, выбирая имамов.

И тотчас вплетается голос Берберии в судьбы арабской культуры. Приняв мусульманство, тунисские берберы быстро его преломляют; вся почва Берберии дышит своим славным прошлым; и древние римские культы, и культ христианства, и ереси (Мани, Доната), и гнозис недавнего прошлого – все обращает культуру арабов в Берберии порохом, разрывающим ересями культуру арабов; Берберия борется с правоверными знаменами кайруанских суннитов; опора она кореджитству; сунниты вступают с Берберией в ярые при.

Правоверный наследник Омара, Отман сочетает священные тексты Корана с преданием; сборник преданий есть Сунны; он, собственно, хартия вольностей для четырех мусульманских обрядов; четыре различные в частности церкви начало берут из него: для Западной Африки, для Багдада, для Индии; в Иемени, в Египте господствует толк – мафеитский; для турок слагается толк – ганефитский; для Индии – ганебалитский; а в Северо-Западной Африке толк малефитский³, четыре различные толки слагают костяк правоверной религии; в Суннах им всем место есть.

Полководец Сиди-Окба, основатель старинного Кайруана, оттуда развеял священное знамя суннизма; Тунис возмущен, к середине восьмого столетия дружно войска⁴ кореджитов идут из Туниса на им ненавистный суннизм.

³ Mercier. Histoire de L'Afrique septentrionale.

⁴ В 740-м году.

И пылая священнейшим гневом на это воскликнул калиф из Багдада:

– «Клянуся я Богом, пошлю на них войско, которого хвост еще будет при мне, как глава его будет вторгаться в их страны».

И тысячи жизней скосила война; но все тщетно; Берберия долго кипит ересями; многообразные трибы – Луата, Хуара, Айрига, Нефуса, Нефзайа, Айбера, Кетама, Санхаджа, Гомара, Хескура, Бени-Фатем и другие, волнуясь⁵, порождают пророков, прославленных иересиархов, меджи и провидцев; приходят тяжелые дни: Кайруан перед тем лишь возникший, взят войском мятежников: – «Только что правоверные утвердились в Берберии, как Кайруан должен был быть разрушен не раз, но не должен был он уничтожаться вовсе; провидение Божье хранило его; и большая мечеть – удивление миру, была уж построена... Окба был отозван... Тогда поднялись обитатели этой страны, возглавляемые предводителем берберской трибы Аубера... Арабский правитель разбил и преследовал их... Возвратился Окба... И опять возродил Кайруан»⁶.

Кайруан в это время – единственный центр правоверия; лишь в плоскогорьях Марокко ответные отклики слышит суннизм. Все же прочие местности гложутся ересью; вот как

⁵ Ель-Бекри.

⁶ En-Noweizi (apud Ibn Khaldoun, t. I, p. 340)

гласит Ибн-Кальдун⁷; «Салех говорил, что он будто Медхи, долженствующий встать перед нами в конце мировой эпопеи; воистину: он утверждал – по арабски звучит его имя «святой», по сирийски... «король», по персидски «мудрец», по еврейски «владыко», по берберски... «тот, который отменил пророков».

Процарствовав сорок семь лет, он ушел на восток, завещав свою проповедь новой религии сыну; и обещая вернуться во время правленья седьмого пророка из рода его... Так гласит Ибн-Кальдун о каком-то пророке.

Когда же возникло течение суфизма, оно разлилось, залетев из Египта сюда; и суфизм – это орденство, подобное францисканству искание бедности, подвиг, аскеза характеризует суфизм; суфи – мудрый (*sophos*), или имеющий опыт, «умеющий жить»; отзвук йоги проходит в суфизме; жизнь суфи полна испытаний; проходит ступень за ступенью он; шейх, например, плюет суфи, ведомому к посвящению, в рот, чтобы выдержал испытание⁸.

Суфизм процветает в Берберии; и ряды орденов здесь гнездятся, как например, орден Кадрия; Абд-ель Кадер – основатель его; говорит о нем мудрый историк: «Да, если бы Бог не избрал нам Сидна Магомета... чтобы кладезем сделать пророков его, он избрал бы для смертных Сиди Абд-ель Кадера, из всех людей умом, добродетелью, милостью ближе

⁷ «История берберов» (*фр. пер.*).

⁸ *Schmölders*: Essai sur les doctrine philosophique chez les arabes.

всего он к Аиссе⁹, которого он по-особенному почитал». Вот выдержка, нам гласящая о другом громком ордене: шейх Се-
нусси гласит о стадиях восхожденья в экстаз:

«А шестая ступень есть экстаз... восхищаются десятиты-
сячи светлых светочей... Наконец, в седьмой степени...
поднимаются к десятитысячию тайных светов, последних...
Иные из шейхов приводят такую таблицу для объяснения»¹⁰.

Характерна таблица: ее привожу я сполна; показывает она
напряжение мистико-схоластической мысли арабской Бер-
берии.

Таблица жила для того, кто шел жизнью пути, или твор-
чеством жизни в себе.

В 800-м году Ибрагим-бен-Аглеб, завладевши страной, из
твердынь Кайруана отдал всю Тунисию в руки калифа Га-
рун-аль-Рашида; в стране водворилась династия бен-Аглеба;
и вот аглебиты сломали ветвистое дерево, дымящейся ереси;
и кореджитство сломалось, чтоб вскоре дать место другой,
еще более опасной напасти; шиитству, в котором погрязла
доселе мятежная Персия; первых имамов (трех первых: на-
следники Абубекра, Омара, Отмана) признали сполна ко-
реджиты; но их отрицали шииты; лишенный калифства, Али
был законным имамом для них; возникает опасная линия:
тайного имамата; потом пресекается; но шииты в нее все же
верят; Абу-Абд-Аллах, эмиссар их, опять возглавляет рассе-

⁹ Христос.

¹⁰ По *Piquet*. Les civilisations de L'Afrique Nord.

янный толк бунтарей, проповедуя царство Медхи¹¹. По его научению берберы в Африку тайно зовут проживавшего где-то имама шиитов; Обеид-Аллах, тайный имам, появляется в вольных пространствах Тунисии; берберы, мстя арабам за то, что последние некогда их растоптали, принимают опаснейший лозунг шиитства, сливая с ним лозунг освобождения от арабов и лозунги собственной независимости; арабы вновь гонятся прочь; вновь борьба закипает.

Династия царственных аглебитов низвергнута; изображение Обеид-Аллаха, имама, тогда появляется вдруг в кайруанских стенах; ожидается царство Медхи; со стотысячной армией грозный имам гонит прочь аглебитов; в восстании принимает участие триба Санхаджи; то все происходит в десятом столетии¹².

Так получает престол в Кайруане шиит Обеид-Аллах, вскоре потом задушивший Абу-Абд-Аллаха, которому был он обязан победе; он вскоре покинул столицу, в которой гнезился суннизм, основал город Медхиа, быстро расширив владения.

Династия Феца склонилась перед властью его; от него истекает династия фатимидов; и берберский ренессанс начинается; сын Аллаха, по прозвищу «Божьяго права опора» повсюду является под защищающим зонтиком, напоминаю-

¹¹ Медхи должен появиться в конце мира.

¹² *Commandant Kannezo. Madhia. Notes historiques. Revue tunisienne 1907; Bibliographie des questions religieuses. Ch. IV.*

щим видом приподнятый щит на копьё; этот зонтик – эмблема династии; бьется преемник имама с Сардинией, Корсикой, Генуей; и получает удар из Египта; ему наследовал сын Эль-Мансур; за ним следует знаменитейший Ёль-Моэцеддин-Аллах, покоритель Египта, туда перенесший свой трон.

В это время Тунисия вновь потрясается; вновь кореджиты восстали, – уже против гордых шиитов – правителей под предводительством Абу-Иезида, хромого пророка; сто тысяч берберов, вставших под знамя его, разнесли Кайруан, взяли Сузы; шиитские трибы из Константины, Санхаджи, Магреба боролись с восставшими; и Ель-Мансур подавил эту вспышку.

Десятый век в войнах.

В то время над всею страной стоит Кайруан; он насчитывает сорок восемь роскошнейших бань, строй мечетей, базаров; в нем главная улица тянется две с лишним мили; до тысячи крупных быков убивают по праздникам в день для обильных пиров¹³.

Восьмивратные Сузы – морской арсенал всей Тунисии; там на месте Акрополя финикийских купцов по словам Обейд-ель-Бекра возвышается гордая Касба¹⁴; и ткани готовятся здесь; разбиваются плантации вкусных оливок; в Габесе стоят корабли из всех стран; там готовят шелка; там разво-

¹³ С. Loth. Histoire de la Tunisie.

¹⁴ Крепость.

дят тростник и бананы; вся область Гафсы богатеет; в ней множество жителей; в многих оазисах видим культуру фи-сташек; в джеридских оазисах рдеют шары апельсинов; повсюду проводят каналы; в пространствах бывлой Зегитании сеют пшеницу, разводят миндаль, и лимоны, и фиги; цветет благоденствием край после войн по словам Ель-Бекра¹⁵.

Но одиннадцатое столетие возвышает Тунис; Кайруан – умаляется.

С водворением в Египте династии фатимидов шиитство угасло в Берберии; но не ослабло влияние берберов; триба Санхаджи, борясь с фатимидами, ныне сидит в Кайруане; хотя санхаджийские берберы и исповедуют Сунны, они к христианству терпимы; Тунисия мирно кишит христианскими лавками; сеть христианских епархий покрыла ее; принимает посольство от берберов в Риме Григорий Седьмой; но Санхаджи – теснят; и теснят фатимиды – с востока; норманны Сицилии – с севера.

С 11-го до 16-го столетия независимы тунисийские берберы; трудно живется им; в веке 12-ом давит Рожер Сицилийский от севера их; им приходится много считаться с династией альморавидов, простерших от запада Африки власть над Испанией; но в Магребе восходит звездой Медхи от высоко-го Атласа; имя ему Ибн-Тумер; он рождается в горах; научается многим наукам в Кордове; уходит потом на восток; приобретает тайнам суфизма; астрологи Атласа предрекают уже:

¹⁵ *Victor Piquet. Les civilisation de L'Afrique du Nord.*

поднимается с запада новая власть; Ибн-Тумер, углубленный в высокую мистику и окруженный толпой почитателей, как просветитель, – восходит; он учит студентов в учейнейшем Тлемсене; и просвещает науками юного Абд-ель-Мумена; потом обличает в Марокко калифа в губительной ереси, изгнанный, учит в горах он суфизму; альморавиды Марокко тревожатся; новый Медхи – Ибн-Тумер, объявляет, что он возведен Магометом; и он – собирает войска; подчиняет Магреб, осаждаёт Марокко, берет его приступом.

Так возникает в Марокко священная власть альмохадов; былой ученик Ибн-Тумера, почтительный Абд-ель-Мумен, – выбирается; первый калиф альмохадской династии – он; покоряет Берберию он, проявивши себя полководцем и тонким политиком; он украшает Марокко, прославленный зданием Бадиа, о котором гласит его видевший Лев Африканский, что это система дворцов и торжественных храмов, стоящих в огромнейшей крепости, равной пространством городу; еще в XVI веке Бадиа была целой и невредимой.

Конечно, тунисские берберы скоро восстали на новую власть, как они восставали на каждую власть; независимость – их основная черта; как они помогли возвышению Медхи, Ибн-Тумеру; так после они помогали разбитым наследникам альморавидской династии.

В веке XIII Абд-ель Уад водворяется в Тлемсене; он ослабляет из Тлемсена власть альмохадов в Марокко; центр жизни – в борьбе между Тлемсеном, Фецом, Марокко; пульсация

жизни теперь оттянулась к западу; все же Тунисия в ней принимает участие; в то же время Гафсиды надолго себя укрепили в Тунисе; Абу Зекерия становится ныне эмиром в Тунисе; он ширит владения свои через Алжир до Танжера; испанцы Валенсии шлют ему дань; прославляют поэты его; Гогенштауфен, Фридрих Второй, заключает торговую сделку с эмиром Туниса; в его управление край благоденствует; библиотека заключает в Тунисе не менее 36 000 томов, а в правление сына его ворвались крестоносцы; Людовик Святой выгружает отборную рать в Карфегене; но он умирает; позднее легенда его наделяет чертами святого, в те дни обитавшего здесь; той легенды не знает почтенный историк Кальдун; «Король франков, гласит он, поставил условием мира – принятие христианства; ударил его Божий перст, он погиб от чумы». В это время Тунис процветает; «Король чернокожих... сюда посылает жирафов... Кастильский король шлет посольство сюда... Двор наполнен учеными; множество андалузийцев здесь вертится; и среди них есть... поэты, писатели, принцы... воители... Вся процветает страна»... Так гласит Ибн-Кальдун. Династия гафсидов здесь держится прочно до турок.

В шестнадцатом веке являются турки; Карл Пятый, Испанский, шлет флот на подмогу Тунису; но турки на время уйдя в Кайруан, появляются вновь под Тунисом; испанцы бегут.

И доньше в Тунисе повсюду возвышены стройки испан-

цев (мосты, например); мост, где мы отдыхаем, гуляя, – испанский.

В Алжире теперь бейлербей управляет всей Северной Африкой: именем турок; но всюду паша узурпирует власть; так в Тунисе начальник совета, дей («дядя») вершит все дела, вскоре бей, полководец начальника дея, берет круто власть; и становится он номинальным лишь данником турок; в Тунисию турки внесли фанатизм, изуверство; турецкие данники Триполи, Феца, Алжира, Туниса воюют друг с другом; семнадцатый век протекает в войне.

В XVIII веке правительство бея Гуссейна завязывает отношения с Францией. Нежный Гуссейн есть мечтатель; он «плачет в садах Кайруана, вздыхает над памятниками опустевших дворцов» – этот Людвиг-Баварский Тунисии¹⁶ делает серии опытов, окружаясь толпою алхимиков, мудрецов и ученых.

Наследник Гуссейна, Али, меломан и эстет, отличается страшным обжорством; не думает он о Тунисии, а лишь о том, как ему переплести ту, или эту любимую рукопись; их собирает он.

Быстро финансы страны истощили потомки Гуссейна; громадные подати ими наложены; жизнь дорожает; страна – голодает. И вот появились французы, сначала вмешавшись в контроль, а потом превратили контроль над страной во власть над страной.

¹⁶ *Mohamed Joussef. Soihante and d'histoire de Tunisie (фр. пер.).*

История старой Тунисии долго меня занимала в Радесе. Вставал Кайруан, центр суннизма, сразивший двух гидр: кореджитство, шиитство; шииты не любят его; овладев его храмами, быстро его покидают, возвысив в Египте Каир (Ель-Кахеру), основанный ими. Недаром так любят священные стены старинного града все суфи, все дервиши, все марабу; и недаром доньше прославлена школа высокого дервишизма – здесь именно; именно здесь образуются все Ассауйя; кто был в Кайруане, тот может не быть даже в Мекке.

Запал Кайруан; мы давно собирались туда; наконец и мы тронулись.

Я рад, что там был.

Каир 911 года

Дорога в Кайруан

Свежело; туманилось; в раннее утро воскликнул петух; и – был ветер; озябли мы; поезд прошел на Тунис; показались вагоны вдали кайруанского поезда.

Вот и поехали.

Быстро рванулись с места С. Виктор, Гаммам-Лиф; прососались ущельем меж гор Джабель-Ресса и дикой Двурогой; кружились деревни; и – сыпался в окнах миндаля розоватыми стаями; в скважину почвы на миг прорвалось голубое пятно Средиземного моря, и, выскочив, высилась крытая лесом гора, где три года сражался у входа в залив Сципион Африканский; десяток бурнусов провеял с унылой платформы, крутимый ветрами; соломою крытые крыши приниженных гурби¹⁷ деревни Громбалия, где провели с Асей день – потянулись, прошли, отошли; гребенчатая почва изгладилась в плоские холмики; свеялся весь живописный ландшафт; облетели кругом миндали; провалились в маслины мечети пузатые купола; быстро-быстро разъялись маслины в отдельные кучки деревьев, прижатых друг к другу: равнины, равнины...

По ним пробежали фаланги извившихся, низко склоненных стеблей; из-под них дружно вырвались космы дичаю-

¹⁷ Хижин.

щей спаржи, прогнав тростники; и бессильно иссякнув – в сплошном малотравии; вдруг просияли повсюду песчаные лысины.

На запустениях издали прополосатились пятна палаток, да стадо верблюдов, похожих на страусов, замерло издали в мертвом покое; у рельс протрепался лепечущий кармин платка; бедуинка глядела на поезд; и – станция; желтенький домик среди степи, да два-три бурнуса, летающих в ветре, крепчающем в бурю.

Редели и станции; жизнь побережий развеялась; травы, культура деревьев – все только каемка: у берега моря; врезается в роскошь плантаций с разгону широкая степь; сквозь нее пробегают с разгону летучим песком аванпосты Сахары.

Из желтых песчаников нам пробелели под Сузой деревни; и – станция; Калаа-Спира; пересадка.

Вот издали – поезд; к товарным платформам прицеплены два-три вагончика; жалко стучали колесами; медленно поезд тащился по желтой равнине – в крепчающей буре, в неведомой стае вижжащих, хохочущих ветряных джинов; будь мы на сутки пути поужней, мы б попали наверно в Самум, потому что пески здесь – залетны; твердеют кругом солонцы; это все же спаленная степь, – не пустыня; а танцы песочных столбов – только пена, летящая прямо на нас из Сахары; будь почва песчаная, все б здесь взметнулось, темня белый день... Что за звуки? То – взвой невидимых тысяч гиен, заглушающих стук поезда; этих звуков не слышали мы – ни-

когда. С Асей мы наклонились к стеклу; что могли мы увидеть теперь? Застрелявшие массы песка забурили окрестности; желтые мути вижжавших пространств проносились; и я начинал понимать, что – то песни песков, о которых так много читал, о которых поведали те, кто бывали в Сахаре.

В Сахаре песок издает мелодичные речи; то воет, то что-то твердит непонятно и жалобно, – там, где есть дюны; в Сахаре есть горы из кварцевых, или известковых песков в 200 метров от уровня почвы; и – выше; дохнет ветерок – дюна вдруг загрустит, извлекутся нежнейшие отзвуки; как ветер окрепнет, она – закуритя; иные тревожные тоны взвоятся; песок побежит – («sable vif»): так его называют французы. Вот как путешественник наш Елисеев, бывший на юге Тунисии, в Триполи, в далях Туата, в оазе Уаргла¹⁸ и в песках рокового Ерга повествует о песне песков¹⁹.

– «Но вот в раскаленном и неподвижном воздухе послышались и затрепетали какие-то чарующие звуки»... «Слышишь, как запели пески», произнес, словно просыпаясь из... полузабытья Ибн-Салах – «то пески пустыни, не к добру эти песни. Песок Ерга поет, зовет ветер, а с ним прилетает и смерть...» Особые звуки песка извлекаются там, где два слоя: один отвердевший, и верхний – сыпучий, бегущий, летающий, металлический шум; порой – визги и вой.

Есть в пустыне другая мелодия; крики камней, когда ска-

¹⁸ Северная часть Сахары.

¹⁹ Елисеев А. В стране туарегов; По белу свету.

лы в жаре дают трещины; трески – так нам говорит Елисеев – теперь «объясняют легенду... обитателей пустыни, которая говорит, что сердце их родины заставляет кричать самые камни и пески»²⁰.

Так гора близ Синая поет металлическим голосом; так по Пржевальскому скалы монгольской пустыни поют; так бормочущий Газ-ель-Ханван аравийской пустыни возносит молитвы под небо; и так говорил с Озирисом Мемносский Колосс. И Реклю отмечает поющие дюны Игиди; поющие дюны Ерга описал Елисеев.

Мы смотрим в окошко, стараясь увидеть сквозь бурные мути – окрестность; и воет окрестность, танцует; и – бурные мути: в окно дребежат, разорвутся; и – рвутся, и – рвутся, и – рвутся; и – все улетели; и – ясны пространства сожженной степи (солонцов – меньше здесь; оттого и пески упряжили куда-то, крутятся горизонтами).

В этой равнине есть что-то от русской равнины; такие же овраги ползут; я не знаю строения почвы; может быть, тот же лес; те же метелки из пляшущих трав; остановка; чу – звоны бубенчиков (как и в России): сквозь ветер; такие же пески наползают с востока в пространствах лихих оренбургских, самарских степях; и – такие же верблюды; нет – те все – двугорбые.

О – что за ветер! Я вижу, что поезд на станции еле заметно сдвигается с места; то – вижу по буквам за рамой исчезающей

²⁰ Елисеев А. В стране туарегов.

шей надписи станции; «Э, посмотри же, ветер нас немедленно двигает, слышу я голос француза; мы – едем; пытаюсь открыть дверь вагона наружу, и громкие ярости бурыми струями бросились в дверь; дверь – рванулась, чуть-чуть что не вырвав меня из вагона; мы боремся дружно с распахнутой дверью, пытаюсь захлопнуть ее; наконец – удается.

Тускнеет, дымеет, вижжит и хохочет; и нет ничего, кроме хаоса желтых, кричащих, летящих песков за окном; прорвалось что-то; пятна мелькающих проясней; в них – пылевые столбы, сплошной проясень – снова; во мгле – горизонт.

А французик, военный, зуав, в яркокрасных штанах, очевидно душой любивший все здешнее, весело стал вспоминать о недавних годах:

– «А вот прежде здесь не было вовсе железной дороги; мы ехали в дилижансе, а около Кайруана есть спуск, так поверите-ль? Мы, отвязав лошадей, так-таки и катились под кручу».

– «А как пассажиры?»

– «Ну что ж? Коли падали на бок, ломались ноги; все было естественней, веселей, чем теперь, хоть... опасней»...

– «Теперь что-то слишком уж много комфорту».

Опять пересадка.

* * *

И вот.

Из песков – намечается: мертвенно желтым песком Кайруан; и вся даль – изошла минаретами; точно песчаную кистью прошлись по буреющей мути; и муть полосатится, перпендикулярно к равнине, являя глазами аберрацию: плоскости башен; под ними стена не видна; только носятся бурые клубы, как волны; на них овоздушенно виснет из воздуха – марево.

Каир 911 года

Перед Кайруанской стеной

Остановка: мы лезем в отверстие двери, а бурая буря нас нагло толкает обратно в вагончик; мы – вылезли (плащ на жене завивается вверх), все схватились за шапки.

Пески, солонцы...

Недалеко от станции – строчка маленьких домиков; и уж от них отступая, затвердели желтеющие стены зубцами, как в нашем Кремле, защищая со всех четырех сторон света кипящий народами город от серых пригорков и рытвинок солончаковой равнины, – и злой и сухой; в эти бурые дали – к Сахаре, и – далее (через Сахару) бросает столетия нити верблюдов своих Кайруан – в Тимбукту; и тяжелые ящики красных товаров отсюда расходятся там, за Сахарой, по грязным поселкам, лежащим на Нигере.

Вздернулся морок облуплин зубчатой стены, за которой ломаются сухо гортанные говоры, точно солома, да скрипы колес; Кайруан, точно Кремль, необросший домами. Где пригород? В массе, которой затянуты ноги, туда уходящие прямо до щиколков – в массе песку, среди которого мы, пробираясь к отелю, завязли, который уже заедает глаза и играет извивами струй с перевивами складок – в буреющей, веющей массе щитами зубчатой стены; заслонились мечи минаретов и башен (квадратных), как будто мечи чалмоносных гигантов, грозящих Сахаре отсюда, – отставленных друг от друга

роями тюрбанов, принадлежащих гигантам; роями продольно-изрезанных, гладких совсем, желтоватых, яичного цвета и белых, и малых, и очень больших куполов, отовсюду пропертых; и – кажется: вот размахнутся мечи, подлетят в небеса локти рук, распадется стена на ряд плоских квадратных щитов, приподы-²¹

И – вздрогнет Европа: и новый медхи опрокинется бурей бурнусов... в Испанию...

Но это – прошлое; весь Кайруан – грезит прошлым, то было когда-то...

Топорщится крупная башня широко желтеющим кубом; оскалилась краем зубчатой стены; в бурой буре маячит; бледнеющим прожелтнем, – старым и злым; и чернеет разъятою пастью ворот, под которыми бледно змеится живая дорожка неярких бурнусов сквозь клубы взвихряемой пыли, влетающей в город отверстием стен из Сахары, в пути, может быть, позасыпавшей негрский, спешащий сюда караван.

На желтеющем башенном кубе рождается в небе песков – удлинение башенки; с башни, опять-таки, в небо песков поднимается новая башенка, быстро кончаясь остреюющей пирамидочкой крыши; то – все минарет; он трехъярусен: принадлежит он, должно быть, мечети, которой второй минарет (одноярусный) просто длинится под бурое облако пыли, кончаясь беззубой и плоской крышенкою с черною точкою окна, над которой привстал кубик малого домика с точкою окна;

²¹ Фраза прервана. Обрыв текста (*примеч. публикатора*).

из окна ввечеру голосит тонкогорлый мулла над квадратами желтых и белых домов; между двух минаретов надулся простой полукруг; это – купол.

Из пляски приподнятой пыли сваялся мираж этих стен, – потому что нам, быстро спешащим к той кучечке европейских домов (где отэльчик, казарма, что-то еще) – нам мерещится, что и нет ничего, кроме маленькой кучки домишек в покатосях почвы; а стены есть морок, возникший в глазах на разводах летящей пыли, упавший, как занавес; гомон далекий и скрипы повозок за желтой стеной, причитанье пустыни, – все это, как есть ничего; завелось оно так себе, – в воздухе; нам говорили, что здесь загуляли миражи; и вот: Кайруаж, о котором так много читал я в Радесе, – возникший мираж вереницы столетий в моем утомленном от чтения взоре.

Смотрю: вокруг стен – ни домов, ни базаров, ни малой оливки, мирящееся с жаром; лишь стены: за ними гортанным гремением выскочил город; дох на него жаркий ветер – рассеется.

Кайруан 911 года

Сговоры

Малюсенький, бедный отэль; отвели нам убогую комнату; уж вечерело; мы долго себя освежали водой, отмывались от всюду попавшего слоя песка; в этой мебели, в этих предметах, в олеографиях, изображающих мавров, – печать захламленности; мне вспомнился город Ефремов; французский Ефремов возник среди кучки домов, отстоящих от города и называемых важно «французским кварталом»; туристов почти не приехало с нами; приехали два англичанина, несколько служащих здесь офицеров-зуавов, чета постаревших туристов; как видно она – из Америки: муж и жена.

Проходя сюда в комнату, я сговорился уже с очень бойким арабом, с цветком за ушами, по прозвищу «Мужество»; он будет нас провожать здесь повсюду; меня он уже подбивал: углубиться в Гафсу, там нанять трех верблюдов, палатку; и с ним унырнуть вглубь пустыни, слегка зачерпнувши Сахару; проект этот очень пленяет меня.

Посмотрел я в окошко: как зло, как желто!.. Ветер – стих; все пески опустились; и яркое, яркое небо – синеет; и – солнце бросает лучи; но какая ужасная сушь.

Три уж года, как не было ливней здесь (так говорил мне «garçon» из отэля); а были лишь дождики; капнет, покапает, не прибывая летающей пыли; и – снова бездожде многих недель варит почвы; сирокко пожарил здесь все; нет накосов

травы.

В довершение бедствий уселась саранча в прошлом году, обглодала все листики персиков, здесь разводимых за городом: прямо в песках; три уж года верблюды жуют здесь сухую щетину колючек; малиновым жаром лишь взвивается яркий закат над семьей куполов; Кайруан славен дымом миражей и яркостью красных закатов; он славен коврами, мечетями, кожами, славен еще боевыми верблюдами он; и – строжайшею школою дервишей.

С нашим арабом по прозвищу «Мужество» мы побродили под старой стеной городской, созерцая два малых отеля, чуть сносных, муниципалитет и казармы, и не рискнув провалиться в жерло растворенных ворот, за которыми гвалт двадцати с лишним тысяч арабов, суданцев, завешанных густо литамом, галдящих по улочкам шатунов-туарегов, где всех европейцев, живущих за городом – двести едва человек; и из них – сто зуавов.

– «Как жалко: приехали вы слишком поздно, в субботу, – не в пятницу; раньше бы днем, – и увидели бы вы пляску дервишей в самой большой из мечетей; туристы сюда приезжают для этого в пятницу; или – в четверг».

Так докладывал мне проводник, наклонивши оливковый нос; и роняла ему на лицо розоватая ветка цветы миндаля; эту ветку заткнул он за ухо (громадный букет миндаля увезли мы с собою в Радес через несколько дней); мы стояли у входа в гостиницу, точно условясь: с утра забродить по ба-

зарам.

– «Да, жалко, уже не увидите пляски; а – впрочем, когда подберется компания, можно собрать сумму денег; и дервиши за хорошую плату – не прочь повторить свою пляску: ну – завтра»...

И «Мужество» вновь опустило оливковый нос.

– «Можно ли видеть теперь настоящего дервиша?»

– «Фокусника где угодно вы встретите завтра; их много блуждает у нас на базаре... А дервиша, – нет, вы не встретите».

– «Так-таки встретить нельзя?»

– «Нет, постойте: быть может, за эти два дня разыщу одного; погодите, мосье, надо быть терпеливым... Тут ходит один; я побегаю ночью сегодня по разным кафе, кое с кем потолкую; и, может быть, мы нападём на след дервиша; надо застигнуть его, где-нибудь невзначай; и потом упрямить показать своих змей; представления он не дает; но порой соглашается он из любезности... впрочем, за плату».

– «О, этот-то подлинный, будьте уверены»...

Так говорили мы с «Мужеством»...

* * *

Вечером после обеда мы с Асею подошли уже к темнеющим окнам; полнеба блистало коричневым отсветом сумерок, и угасало зеленой, отчетливо стеклянеющей высью;

и пурпур густой, бархатеющий – ярко раскинул огромные крылья огней, – состоящих из многого множества перистых тучек, чернеющих пурпурных, красных и розовых; воздух еще там пылал; и врезался туда четкий холм черным контуром; черная кралась фигурка по линии черного контура в яростной красени неба; и черная лопасть одежды за ней билась в ветре, легко проносящемся; толпы больших минаретов слагали отчетливый строй, розовеющий в вечере нежными колоритами фламинговых крылий.

Кайруан

Облупленный, жженный стоит Кайруан, – не как белый надменный Тунис, молодеющий, напоминающий бледного мавра в роскошном тюрбане; он «ветхий деньми», непокорный, подставивший спину Европе, глядящий расширенным, воспаленным болезнями глазом в Сахару, зовущий к себе... не Тунис: Тимбукту; презирающий озеро Чад, где еще все кишит бегемотами.

Не велико расстояние от группы домишек до стен; мы легко пробежали воротами, влившись в дорожку бурнусов; и вправо, и влево от нас черно-белые росписи стен записали орнаментами; здесь черно-белые пестрят повсюду; а краски Туниса – зеленые, желтые, синие; там сплетаются линии в цветики, в дуги, в стебли; здесь – более шашечек; здесь и толпа – чернобелая вовсе; как флер, чернобелые пятна людей вместе с дугами, клетками, шашками стен полосатят глаза похоронно; вот черные, белые шашки на мощной дуге обращенных ворот; приглашающих в крытые «сукки» (базары); вот – черные, белые полосы под куполами мечетей; в Тунисе арабка закутана в снежени шелка; а здесь, в Кайруане, чернеют шелка на ней; всюду из белых бурнусов чернеет пятно залепетавшего негра (суданца), пропершего тысячи верст караванными трактами; караванные тракты отовсюду ведут в Тимбукту, посылая сынов Тимбукту, чтоб они чернобелы-

ми пятнами зычно бродили под черной и белой росписью шашечек.

Много колонок, которые перетащили арабы с ближайших развалин; развалины – римские; римской колонкой обставлены; стены домов, все подъезды, ворота, балконы, которых так много, мечети; стена – безоконна над ними на два этажа; выше – купол; меж ним и стареющим надоконным карнизом зачем-то стоит колоннада, на выступе; и проветшала откуда-то сбоку опять капитель; и в лавченке, где дряхлый купец утонул в кайруанских коврах, и в кафе, и на дворике, где вы, просунувши нос, затерялись, – колонки, колоночки, более полутысячи их расступились рядами на мощном квадрате двора кайруанского храма; сто восемьдесят мечетей пылятся среди улиц; колончатые – все.

Вот – наполнена площадь верблюдами; сплющили нас, все – горбы; и – грифиные, гордые морды; кладу на одну свою руку; она – как отдернется; недовольна – чего еще доброго плюнет со злости; мы – прочь; и бежит, что-то крикнув на нас, недовольный хозяин верблюда; все стадо вскочило (верблюды лежали); и вот голенастые ноги зашлепали прочь на мозолях; и все потемнело от пыли; и мы – задыхаемся.

Славится город верблюдом; особое здесь воспитание он получает; становится он драчуном (бой верблюдов я видел уже); и верблюды пасутся среди жареных кактусов, где-то за городом; щиплют желтеющие корни когда-то здесь бывшей травы; и сухие колючки жуют; вечерами горбатыми стаями

полнятся улочки; раз набежала на нас одна стая, затерлась десятком шерстяных боков об одежду мою; плыли тощие остовы, гордо возвысься горбами, на нас повернувши лениво мешки волосатых зобов; проходили линючие самки; висели клоки на протертых боках; пробежал верблюжонок, дрыгающий ножками с выпренной мордочкой, жалко мигающей; прыгал подкидистый маленький горбик.

Прилавки лавченок пестреют приятными пятнами, кожей; желтые туфли повсюду; и – лавочки, лавочки; это – базары; мы топчемся; долго ломают нам локти – бока, грудь и спину; суданец в синейных штанах чуть ее не сломал; и как все характерно: как мало Туниса!

Базары давно превратились в Стамбул – в плохие пассажи; в ряды; и в них запада нет; и восток – выдыхается; черный Каир переполнен базарами; но не ищите в Каире Египта; сирийский бурнус, ткань Кашмира, кавказский кинжал, испанская ваза, божок из Китая, коробочка скверных серых сигареток из нашей Одессы увидите вы на каирском базаре; и только не встретите вы одного: характерно каирского; в Иерусалиме базары пестры, но в изделиях нет благородства: Дамаск посылает товары свои; грубоваты они; в Кайруане базар – кайруанский; здесь множество местных вещей; оттого провалились мы в них среди глянцеv, курильниц, шерстей и шелков; я купил себе сельский бурнус, заплатив всего-навсего франков пятнадцать.

Наш друг проводник, по прозвищу «Мужество», весело

так запахнувшись в свою гондуру, под стремительным солнцем пописывал дуги коричневым носом, ломаясь летучей тенью на желтых и белых стенах, исходя остроумием, кланяясь быстро с купцами, стреляя запасы знаний мне в ухо:

– «Вот видите – дом».

Мавританское здание с черной и белой росписью, с каменным малым балконом, которого крышу подперла типичная коринфская капитель.

– «Вижу дом».

– «Важный он...»

– «Чей?»

– «Живет здесь полковник»...

– «Какой?»

– «Да французский полковник; он – бывший полковник; в Париже живут его близкие; так у него целый дом»...

– «Да зачем же он здесь?..»

– «А он принял Ислам»...

И – надменно скрестив свои руки, наш «Мужество» смотрит на нас; на лице – торжество.

– «Почему же принял он Ислам?»

«Потому что он верит, что вера, которую мы исповедуем – правая».

– «Вот как?»

– «Прекрасной души человек: убежденный; его можно видеть в мечетях; его уважают у нас»...

Мы молчим, озираясь на дом:

– «Он женат на арабке; и дети его – мусульмане; каид – его чтит; население – любит его».

– «А вот этот вот дом» – мы киваем на дом с превосходной верандой, подпертой колонками; росписи в чашечку (черное с белым) – на арках, колонках, над дверью.

– «А здесь проживает каид»²².

И позднее с отцом его мы познакомились; он из фамилии чтимой весьма: Джалюли. Его дядя есть байский министр, – что ли Витте Тунисии.

– «Я покажу, как здесь делают коврики»...

– «А?»

– «Вы хотите?»

Мы кружим в сплошных закоулках; араб бьет в кольцо перед дверью; за дверью же женский, приятный, совсем не испуганный голос; переговоры; и – дверь отворяется; прячется кто-то за дверью:

– «Идите, а я постою у дверей, мне – нельзя»...

Мы заходим; арабка с открытым лицом, очень статная, с татуировкой на коже ведет меня в комнату; девушки в комнате тихо сидят на ковре – над ковром, заплетая в него прихотливые нити; старуха – комочек, совсем шоколадный, – прячется в тень из угла; мы глядим на узоры ковра: прихотливы, затейливы, пестры; уверенно, быстро, без всякой модели плетут две арабки, а третья – взирает на нас.

– «Не боитесь вы спутать рисунок?» – спросила жена; но

²² Губернатор.

арабка смеется; и – знаками, частью вставляя слова кое-как в разговор (по-французски), она объясняет, что держит рисунки – вот здесь: в голове.

Мы – выходим; наш спутник сидит на припеке, на корточках, нас ожидая; увидев, – мгновенно взлетает; и быстро влечет – в лабиринт закоулков:

– «Но отчего не закрыта арабка» – к нему пристаю я.

– «Зачем быть закрытой ей; дома она; а мужчина не вхож к ней; как видели, я оставался наружи».

– «Но я же: я был на дому? Я – мужчина»...

– «А, это другое у нее дело; турист вы, случайный проезжий, женатый при том; и – с женой; говоря откровенно не вы заходили к арабке, жена заходила; а вы, так сказать, контрабандой прошли; ничего, ничего; вы – турист; и на днях уедете; если бы жили вы здесь, в Кайруане, то вас не пустили бы в дом».

– «Как они обучаются здесь ремеслу?»

– «А – их учат; потом – заставляют рисунки выдумывать: видите», – наш проводник показал на ковры, – «те ковры – все ручная работа; их делают так, как вы видели; все же рисунки – придуманы; это арабки работают; наш Кайруан поставляет ковры для Туниса; и даже – Парижа».

Воистину здесь, в Кайруане торговля – кипит.

Кайруан – центр священный; здесь – множество дервишей; каждую пятницу криком и топотом их оглашаются стены мечети; их учат рядом испытаний; и – тайному знанию: резать себя, очаровывать змей и глотать пауков, скорпионов, колючки и стекла; они с собой носят магический жезлик, заостренный, и – с шаровым набалдашником на рукояти; тот жезлик себе безбоязненно дервиши тыкают в нос и в глаза; кто пройдет все ступени познания, того назовет ассауей имам.

Вот мечеть Трех Ворот; это – белая башенка, в выси несущая стены: оконные глазки квадратны и малы; края плоской крыши зубчатые; нигде не блестит изразец; не проходит лепная работа; все линии четкие и строги; ее минарет – примитив; прототип минаретов Тунисии, после уже изукрасивших тело свое изразцами; мечеть Трех Ворот – схематический план всех мечетей Тунисии.

В белом Тунисе проникнуть в мечеть невозможно; был случай: проник журналист, но – был узнан; и – чуть не убит: в Кайруане, в единственном пункте Тунисии; можно в мечети входить, потому что сквернили французы постоем во время своей оккупации их; с той поры дверь мечетей, уже оскверненных, открылась для гяуров: здесь в Кайруане.

Я – был в них: меня поразили они.

Магомет был сперва проводник, как наш «Мужество»; бедствовал он, но женившись на очень богатой вдове, он остался всю жизнь обеспеченным; и – погрузился в комфорт медитаций; теперь, появляется вдруг перед ним Гавриил, начинается – проповедь нового культа.

Извне говоря: магометовы культы – слагались комфортом; «комфорт» очень важный момент этих культов; отсюда – печать позитивности, вкуса к изящному, вещность и чувственность; магометанин всегда позитивен; живут в нем эстет и рассудочник; таинство, чудо всегда умалется; и выдвигается – быт, государственность; небо – орудие жизни земной; мусульманство везде вырождается в черствость и чувственность; трезвая государственность черство диктует ему стиль концепций религии; трезво учтя фанатизм, как орудие государственной спайки народов, он нам объявляет священные войны, которые – все лишь политика; а эстетизм и врожденное эпикурейство внутри рационально построенной схемы религии бьет семицветным фонтаном веселой и чувственной жизни; былых покорителей, трезво облекших своих сарацинов в бесцветную белость бурнусов, как в маску асивзы, заботит земное строительство жизни для верных; и этих верных они облачают под белым бурнусом в роскошную пестроту шелков; и прекрасные гурии – девы небес – лишь орна-

мент земного гарема: комфорт эстетизма; здесь всюду вошел Эпикур в жизнь страны; эзотерика жизни – шуточные игры терпимости, а экзотерика: меч фанатизма, грозящий неверным; он – хитро задуман друзьями пророка; без жертв фанатизма, без войн и набегов нельзя было вылепить этот комфорт; но создавши огромное царство культуры, эстеты, забыв фанатизм, отдались всем изяществам тонкой, терпимой, скептической жизни, воздвигнувши стену из белых фанатиков; здесь фанатизм – для остротки; он – «маска» как бы; никогда не проелся он в жизнь; христиане церковной истории чаще бывают фанатиками; вспомним: мягко боролись с неверными, лезшими к ним, все султаны Египта; с какой благодушною легкостью шел Саладин на уступки, торговые сделки, на мир; и в XII веке все жесты калифов гласят: «Да оставьте же нас, ради Бога в покое; мы вам не мешаем, мы мирно живем близ фонтанов, в роскошных аркадах дворцов; позабудьте о нас».

Папы – рвались в бой; а невинные дети «кротчайшей, святейшей» Европы безумились дикою мыслью: о брани с неверными.

Фридрих Второй Гогенштауфен, – он среди немногих возвысился над современной Европой, перемигнувшись с калифами; и оттого-то был дважды он проклят дичавшими папами; и темплиеры хотели предать его в руки неверных; владыко неверных отверг эту сделку; и Фридрих за это был верен ему; если б Фридрих Второй победил бы во мненьи Европы,

быть может, давно уже иссякнул бы и весь мусульманский вопрос, разогретый искусственно: там, где в арабстве религия подлинно всходит, там нет фанатизма; турецкий султан политически теплит его; где упал престиж Турции, сразу меняется плоскость вопроса.

* * *

Комфорт и воинственность (чувственность, черствость), затейливость явно круглеющих линий арабства, нашедших свой стиль в «арабеске», и – строгость, линейность, кубизм (кубы стен, минаретов, домов) создают антиномию в жизни араба, переплетая жесткость с шутиливою мягкостью скептика; та же раздвоенность в облике; белая тень, утаившая радугу красок под внешним покровом; и – двойственность дома; сплошная стена монотонно нежеет наружу, да ряд друг на друга надетых зеленых решеток – над окнами; а за квадратами стен – живой дворик, фонтаны, аркады и глянец цветных изразцов; и религия, внутренний дом его, – двойственна: пять медитаций, обряд омовений, рассудочная неуклонность, сплошной педантизм; и – сплошной анекдотик во вкусе Вольтера о старой горе, не внимавшей пророку; весь скепсис Ислама здесь вылился, догма, молитвы, запрет и... привольный смешок; покрывало арабки и... речи ее на дому, заставлявшие Асю, бывшей в арабских домах, багроветь от стыда.

Араб – двоица.
Тоже – в мечетях...

* * *

Стоим перед Мечетью Цирульника, с виду она есть квадрат белых стен, окруженных гробницами; скупно расплоснулся купол над ними; простой минарет не высок, но мы входим во внутренний дворик, и хохот их садов, оскаленных точно зубами, колонками – живо галдит детворой; и – веселые смехи, галдеж арабчат, не смущаемых святостью места; в мечети – начальная школа; несутся затейливой черной и белой росписью своды; иные – в резьбе, поражающей вас изощрением: кубы и линии стали сплошной «арабеской»; лучи посылают лукавые глянца на пестрый стенной изразец; и опять мы вошли уже в здание самой мечети; она – небольшая, цветная, таит свою святость: гробницу Цирульника; сверху над нею висят приношения: яйца страусов, ленты, шелка пестротканых знамен; и – шары. Характерно: святой Магомедов цирульник – не мученик; он – культур-трегер, носитель комфорта, слуга богачей; и мечеть – именуется именем этой профессии.

Вот – «Мечеть Саблей»: умерший давно марабу, над могилой которого встал этот купол, был верно умнейший чудак, вроде нашего «барина»; вдруг осенила его пренелепая

шутка; он сделал себе непомерно огромную саблю и трубку (размером с дубину); их всюду таскал за ним раб; «анекдоту» теперь поклоняются верные; и – повисают над трубкой знамена; наверное был «марабу» – замечателен; но отступает куда-то весь облик его; «анекдот» – выдвигается; стены мечети гласят про огромную саблю и трубку; мечеть посвящается «Сабле»; и роскошь комфорта – святые реликвии.

Здание главной мечети построено здесь анекдотом; когда полководец Окба увидел, что собака в пустыне открыла колодец, сказал он:

– «Быть городу – здесь».

Проходящий верблюд подошел сам собою к колодцу; возник – Кайруан, а на месте колодца – огромная площадь: двора кайруанской мечети (квадрат); и полтысячи мелких колонн – обставляют его; так и здесь каламбур полководца, его прихотливый каприз, породил эту крепость сунизма со святостью; более поздние слухи прибавили, что сообщается с Меккой святейший колодезь; побыв у колодца, не надо уже путешествовать на Мекку (опять-таки хитрый расчет политической тонкой затеи; посредством комфорта внесение Мекки сюда, в Кайруан притянут богомольцев; тянулись – от весей Марокко, от струй нигерийских; арабы, гетулы, суданцы, дичающие на песках, туареги, несущие плитки из соли сюда; эти плитки – их деньги).

Мы входим в мечеть: лес колонн: и – опять анекдот; меж стеной и этой колонкой пройти толстяку невозможно; худой

человек – без усилий проходит; легенда гласит – кто три раза пройдет меж стеной и колонкой, очистится тот; и – лукаво она прибавляет: не так-то легко толстяку здесь протиснуться; взрывом арабского юмора ткани легенды, конечно, пестреют; и – смех водворяется здесь; во святилище.

Смех освящается храмом, как спутник комфорта...

* * *

Усталые долгим обзором мечетей, мы кружимся снова бесцельно по улочкам, где чернобелая пестрядь повсюду бежит на порталах, на дугах, подъездах, порой рассыпаясь в шашечки; гулы и грохоты толп чернобелых сжимают бока; всюду черные пятна губастых лопочущих лиц попросунули из белопыльных бурнусов; черные гуляют арабки, таясь меж колоннами, над иссушенными профилями нависают цветки (из-за уха); гробница: звездой, полумесяцем, гривистым львом запестрела стена ее; в росписи – те же цвета: черноватый и белый.

И вот перекресток: открытая дверь под колонками, на чернобелом ковре перед низеньким столиком тихо сидит в голубой гондуре седоватый мужчина, белея тюрбаном; очки уронил он на кончик мясистого носа; и – пишет, скосивши на нас любопытный зрачек; наше «Мужество», кистью метнув, наклонилось почтительно к уху араба; и – шепчет, араб соглашается; «Мужество» делает знак: подойти:

– «Нет не бойтесь, пожалуйста; это – нотариус; он приглашает взглянуть, как он трудится».

Робко подходим к арабу: он тихо сует кончик пальцев и тихо справляется: кто мы, откуда, зачем, как здоровье; потом, указав на сиденье, склоняется в книгу и старой рукой выводит арабские знаки письмян; отдохнувши немного, прощаемся мы; и – выходим на улицу.

Вновь из открытых дверей под чернеющей росписью детский галдеж; это школа; заходим: под малой колонкой сидит на циновке учитель Корана, перед ним, поджав ноги, – десятки мальчат, на коленях у каждого мальчика вижу я доску; на ней – письмена, все кричат, и учитель араб с длинной жердью в руке улыбается ласково – мальчикам, нам; хором мальчишки учат священные тексты; когда затвердят наизусть их, учитель отпустит; так день изо дня они учат по порции текстов.

Выходим: о, множество негров! Давно поселились они среди стен городских; Ибрагим-бен-Аглеб, повелитель Берберии, некогда здесь из суданцев составил почетное войско.

Уже вечерет, выходим из города, в пыльные тусклости вновь залетавших песков, пробирается к черным воротам какой-то кудесник; и – с жезликом он, у него за плечами мешок из затянутых кож:

– «Там в мешке у него верно кобры».

Перед городом дервиши ловят здесь кобр, из мешка выпуская ручную змею, за собой в западню приводящую: ди-

кую кобру; влезает в мешок она, быстро затянет его тогда дервиш.

Проходит бормочущий старый слепец; перед собою он щупает почву огромною палкой:

– «Это – профессор Корана» – нам шепчет наш «Мужество».

– «Он – знаменитость: каид его чтит».

* * *

Расплескали священные перья кровавые светы свои; ми-нареты уже розовеют... И я удивлен, оглушен, ослеплен! Все – смешалось: бурнусы, мечети, миндаль, полоса золотого заката; уж падает ночь; мы с Асей сидим: табльдот! за окнами ревы и гулы; мышинные пiski и шамканье старцев; неведомый кто-то стучится в окошко; кончается скучный обед; половина толстеющего американца теперь принимается за второй, вероятно, десяток открыток: с лубочными видами города; старый супруг ее – курит.

И прошлое – тихо восходит во мне.

Каир 911 года

Аглебиты

Седой Кайруан загляделся на славное прошлое; Сиди-Ок-ба пронизательно видел его, когда здесь, среди песков, он заметил:

– «Быть городу».

Крепость арабской культуры – возникла.

Уже в 800-м году здесь возвысился бербер, до мозга костей пропитавшийся духом арабства; Гарун-аль-Рашид поручил ему страны Берберии: звали же бербера – Ибрагим-бен-Аглеб; бербер этот выплачивал легкую дань калифату; так власть аглебитов возникла, возвысила город, ввела непокорный Магриб в русла чисто арабской культуры; в устройство комфорта: суннизм, или внешняя форма той миссии, здесь насаждался при помощи местных, туземных (не пришлых) властей; очень странно сказать, что политику Англии всюду вели покорители по отношению к покоренным народностям; крепкий нажим, диктатура, – пока в покоряемых странах вводились зачатки культуры; потом – автономия.

Дав Кайруан аглебитам, арабы себе создавали друзей, сокрушивших главу кореджитства в Берберии; все мусульманство суннитское, как понимаю его, *sui generis* форма масонства восьмого, десятого века, руководимое кучкой хитрых политиков, одушевленных известной культурною мис-

сией, – передовой и гуманной по отношению к множеству диких народностей, т. е. народностей павших под мусором синкретических бытов и культов, передовых в свое время.

И вот Ибрагим-бен-Аглеб, верный ставленник кучки арабов, блестяще вершит свою миссию; он водворяет порядок в стране; и однако: он – всюду на страже свободы Берберии; он – отражает претензии египтян, ослабляет суровости бывших доселе властей; земледелие всюду – цветет; бен-Аглеб поощряет в туземцах порыв к мореплаванию: строит в окрестностях славного города пышный дворец «Ель-Аббасию», организует милицию черных, чтоб ею ослабить сирийскую гвардию (или – засилье арабов, пришедших с востока), заводит сношения с Карлом Великим; и тот посылает послов в Кайруан; Ибрагим их встречает рядами роскошнейших празднеств.

Преемники этого тактика, большею частью, – пьяницы, чудачки, сибариты, эстеты; однако – своим бытием утверждают культуру комфорта они; в них историки видят подчас благородство, увы, заглушённое странностью; в них оживает сознание прав человека; они утверждают повсюду весьма характерную должность: чиновников-покровителей слабых перед сильными; и – заставляют трудиться; Абу-Ибрагим, шестой принц аглебитский – особенно кроток; историк о нем говорит²³, что «он шествовал часто ночами среди блеска огней, в окружении животных, навьюченных множеством

²³ Эн-Новеири.

денег, которые он раздавал... Посещал именитых людей, всем известных наукой и жалостью. Он понастроил огромное множество пышных построек; среди них он построил в Тунисе большую мечеть, обвел Сузу стенами»...

С калифами часты теперь нелады; так один из аглебит Магомет Зиадет, опьяненный вином, раз калифу послал свои гордые строчки —

– «Я – камень, огонь высекающий; и коли хочешь ударить его ты о сталь, то – попробуй. Я – лев, чье рыканье – защита; коль пес ты пролай на меня...; я – глубокое море; и коли ты пловец – в него кинься»...²⁴

Когда протрезвился он, тотчас был послан в догонку послу приближенный; – письмо отобрали; и робко калифу писал Магомет Зиадет в своем трезвом письме.

Наиболее царственен лик Ибрагима Второго²⁵, который дал блеск Кайруану; прославил себя он войной с хуарами Триполи, делавшими на Тунисию ряд беспокойных набегов; жестоко сломил он тунисский мятеж; он был крайне развратен и жаден до крови; однако историки пишут о нем: «Справедливейшим был повелителем он..., и с суровой строгостью гнал он богатых и сильных»...²⁶

Тип Грозного!

Злобно придравшись к ничтожному поводу, вдруг обез-

²⁴ Эн-Новеири.

²⁵ 875.

²⁶ Ибн-Кальдун.

главил он сына и братьев; когда ему тайно рождали наложницы, хитрая мать Ибрагима брала их к себе, отбирала от них дочерей; воспитавши шестнадцать из них, их послала к владыке, сказавши: «Владыка, хочу показать вам прекрасных рабынь». Он, увидевши их, воспылал любово­страстием к двум; мать сказала ему: «О, владыка, рабыни-то дочери ваши». Тогда Ибрагим приказал обезглавить их всех палачу, великану, суданскому негру с мечом; негр молил повелителя дать дочерям его жизнь; Ибрагим пришел в бешенство; и под угрозой казни палач обезглавил шестнадцать красавиц.

Владыка же тешил свои извращенные чувства в гареме из... мальчиков; раз, заподозривши нежные связи меж ними, их всех повелел он казнить:

– «Повелитель» – воскликнул один, – «мы – невинны».

Но тяжкою палицей, быстро вскочивши с высокого трона, виски разmozжил двум из них Ибрагим; прочих – бросил он в печь; все – зажарились: тут же.

Имел он обычай: насытившись ласками нежной любовницы, тут же ее убивать; раз сказала ему его мать:

– «Воспитала я вам двух рабынь; как прекрасно они распевают стихи из Корана, возьмите скорее с собою их спать».

Он их взял, через час послав матери их отсеченные головы.

Был он таков; между тем он всегда говорил:

– «Никому не дозволено, да, наносить другим людям какой бы то ни было вред. Что касается подданных, этой под-

держки престола, то пусть повелитель препятствует бедных теснить; да препятствует он богачам!»

Аглебиты вводили культуру комфорта: науки, искусства цвели вокруг них; есть огромная рукопись; муфтии рукопись эту хранят и доселе; принцесса писала ее золотыми чернилами; тщетно пытались французы ее напечатать; имам не позволил; французы ему уступили; так культ мусульманский доселе таит в Кайруане источники, нам недоступные, в них нарисовано прошлое, нравы и быт Кайруанских правителей.

Прошлое это поет голосами пустынь сквозь морок явлений, и невнятных еще европейцу; невнятнейшим мороком виснут над клубами пыли облупины стен и зубцов, утаивших гремяе гортанного горла; и – ревы верблюдов; дохнет жаркий ветер; и – прошлое это развееся²⁷.

Каир 911 года

²⁷ Сведения об аглебитах почерпнуты мною из увенчанного Академией сочинения В. Пика «Les civilization de L'Afrique du Nord» См. главу «Les princes Aghlebites de Kairouan».

Тонкий соблазн

Обсуждали, что – делать; и чувствовался во мне странный зуд: доходить до всего; изученье Тунисии, нравы, история, быт развернувшейся Африки будит во мне вовсе новую жилку; предпринимателя, авантюриста; я чувствовал то, вероятно, что чувствовал Пржевальский, Миклуха-Маклай, Елисеев перед тем, как им стать на их путь; я приехал в Тунис отдохнуть, переждать холода, и с весенними первыми днями вернуться обратно в Европу; нас ждали: Мессина, Катанья, Помпея, Неаполь, Равенна, Ассизи, Флоренция, Рим, галереи, музеи; а мы – засмотрелись куда-то в обратную сторону; юг и восток призывали; и голос Сахары раздался.

Два месяца жили мы в тихом арабском селе; все забыв, я бродил по полям и базарам, сидел по ночам над историей, картой Тунисии, в ней ощущал я сплетение артерий и вен, приносящих ей соки из Тлемсена, Феца, Ерга, Тимбукту; и я цепко хватался за ту или иную черту, для чего-то мне нужную в быте, в зигзаге орнамента; чувствовал тайную связь мелочей, перекличку эпох, мне доселе чуждых и неизвестных; какая-то мысль о народностях Африки, точно личинка, во мне – развивалась; какая-то бабочка новых узнаний пыталась прорезаться в ней, словом, был во мне миг, когда я, перестав быть туристом, мог стать путешественником; а Тунисию чувствовал базой, откуда мог бы я нырять в необъятную

Африку, как водолаз, прикрепленный канатом к судну.

Зачерпнуть хоть кусочек пустыни, неделю постранствовать, пересекая кусочек пустыни, до первых оазисов, до аванпостов, – вот, что возникало; я – знал: после этого буду я вовсе погибшим; как пьяница, буду стремиться к все более дальним, все более мощным экстазам путей; и просиживал я над развернутой картой Африки, видя уже ряд поездов, совершаемых – более смелых и дальних: нырнуть из Гафсы, в сахарийский залив и пробраться втроем, взявши «Мужество», через кусочек Салеха к оазам пленяющей Бискры; я знал, что потянет потом до Ерга²⁸: тут и риск, и захват; Елисеев прошел за Ерга, прожил несколько дней в Туарегском оазе; вставала мечта пересечь по кратчайшему тракту Сахару; с сухих плоскогорий – до озера Чад; этот тракт по пустыне не более тысячи верст; скоро поезд помчит туда толпы туристов; для этого надо отправиться из Мурзука – оазами; и – пересечь хребет Тиммо, оставив налево ужасные горы Тибести, уже относимые к западной части Ливийской пустыни, оставив направо плато Ахаггар, где погибла несчастная экспедиция Флаттера²⁹, остановится в базе Бильма, куда шлют из Судана верблюдов за солью³⁰, где 70.000 верблюдов проходят на юг ежегодно, снабжая Судан «драгоценным» продуктом; в Судане готовят искусственным

²⁸ Ерг – песок по-арабски.

²⁹ В 1881 году.

³⁰ Здесь находятся соленые озера.

образом соль: из золы.

От оаза Бильмы начинается, по уверению Фогеля³¹ – самое безотрадное место; грозитя безводная смерть у преддверий «тимтумской» пустыни (то – южный участок Сахары до озера Чад); этот тракт убелен черепами, костями и остовами; и потом прорезает пески уже травка Судана; и вот – нездоровое озеро Чад посылает пришельцам пустынь – желтый бич, лихорадку, сразившую здесь Овервега; проехали первые пионеры Европы в Судан; из Марзука отправились некогда; Гарнеман³², Клайпентон и Удней³³; Овервег Барт³⁴ (историк и археолог), и – Фогель³⁵, обязаны им первым знанием нравов, обычаев, флоры и фауны страны, простирающихся на юг, на восток на запад от озера Чад.

Еще ранее их Геродот описывает пустыню: и у него мы встречаем первейшие сведения об обитателях злого Тибести – о тибу; уж римляне проходили в пустыню; но берберы им на пути засыпали колодцы; Корнелий же Гальб (в первом веке) прошел за «хамады» Гаррудж, углубляясь в Феццан; Агатархид заявляет о почве пустыни: «Кто ступит без обуви, у того образуются пузыри на подошвах» (ожоги); уже

³¹ *Герман Вагнер*. Путешествия и открытия доктора Эдуарда Фогеля, с. 167 (русск. пер.).

³² 1799 г.

³³ 1821 г.

³⁴ 1846 г.

³⁵ 1853 г.

добросовестный Птоломей, кого хвалят и Вагнер, и Стэнли (впоследствии), верно рисует далекие африканские страны; по мнению его, за Ифрикией, среди пространства пустынь, возвышаются мрачные горы; должно быть, плато Ахаггар; уже он говорит о Судане с отчетливой ясностью, намечая водораздел (воды Нила и воды Нигерии); тракт совершен так недавно Маршаном; блистательно подтверждают позднейшие изыскания то, что когда-то сказал Птоломей.

Наиболее сведений о Судане до прошлого века встречаем, конечно, у прежних арабских ученых; известнейший марокканский географ, по имени Ибн-Абдалла-Магомет-эль-Эд-ризи, учившийся прежде в Кордове, потом проживавший в Сицилии у Рожера, дает много сведений; бербер, ученейший Магомет-Ибн-Батута на пятнадцатом веке проходит уже в Тимбукту, где его принимают с почетом; но более сведений у Альгазан-Ибн-Магомет-Альзавас-Альфаэи, описавшего до пятнадцати негрских владений в Судане (впоследствии взятый в плен, он крестился: то – Лев Африканский)...

Описанный тракт разделяет пространство, которое занимает объем, равный целой Европе³⁶, восточная часть, называемая Ливийской пустыней, ползет до зеленой принильской полоски; Каир выпирается прямо в пески; все пространство на западе (ныне французская область) – Сахель; зеленеют оазы в Сахаре; важнейшие суть: Сиуах, Дахель, Бильма, Ауд-желла, Куфра, Уаргела, Тафилельт, на котором стоит зелене-

³⁶ 8.000.000 квадратных верст.

ющий оазис; и – зеленеющая Бискра; Ауджела, Куфра занимают пространства Ливийской пустыни; последний оазис на карте означен огромным зеленым пятном; и сравнительно не далеко от моря, под Баркою; но европейцы недавно проникли сюда; он почти неизвестен, он в триста пятидесяти верстах от оаза Ауджела; сериры его отделяют; сериры – пространства, где нет ни песчинки песка; все усыпано – мелкими камушками; обыкновенно в серирах оазы, пески и источники вовсе отсутствуют; Рольфе говорит, что сериры – пустыни пустынь, в них песок или покров, заменяющий травы, отсутствует; тело пустыни – песчаные дюны, поднятые острыми гребнями, называемые по-арабски сиуф³⁷; они курятся в ветре; сериры – хрящи костяка Сахарийской пустыни. Хамады – безводные и беспесчаные камни, уступы, разорвины, полные трещин, являющие породы гранитов, или черных песчаников; здесь не желтеет, а мрачно чернеет пустыня; по заверению путешественников, в красном блеске заката хамады горят, как кровавые угли³⁸.

Лишь восьмая Сахары покрыта песками, или дюнами; прочие семь восьмых суть хамады, сериры, а не пески, как привыкли мы думать; образование хамад не от малости влаги; от действия солнца; Вогезы, Урал превратились бы тотчас в хамады, коль жар африканского солнца переместился бы в Европу. Хамады суть горы Тибести, хамады – плато Ахаг-

³⁷ Сиуф значит сабля.

³⁸ *Меч Сергей.* Сахара и Нил.

гар, туареги, сброенные здесь, нападают на мирных арабов, доходят до аванпостов Тунисии и до базы Уаргла, нападая и грабя; летают в пустыне на быстроногом «мехари» – особого рода верблюде, пересекая пространства до 1000 верст, отделяющие Уарглу от плато Ахаггар: ими был убит Флаттер.

Да, во Французской Сахаре, в Салехе, твердейшие, каменные грунты покрыты песками (в Ерга – там песок запекает «рожками»: знак гибели), а Ерга уже заходит в Алжир; а песчаные дюны Игиди уже в Марокко: в Туате; к Тунисии протянулись оазы Уаргла, а под ними – плато Тасили.

С мыса Нун до знакомого нам мыса Доброго, на расстоянии 2250 километров в длину слиплись вместе Марокко, Алжир и Тунис, образуя отчетливый остров, омытый на западе и на севере морем, омытый с востока и с юга пустынею; Риттер тот «остров» зовет «Малой Африкой», уподобляя его «Малой Азии». «Африка» эта отделена мировой пустыней от черного континента: Нигерии и Судана³⁹.

Туда – меня тянет; и я с удовольствием слушаю «Мужество»; а оно приглашает меня сделать первую пробу, нырнуть нам втроем; это значит увидеть Тугурту, расположенный в северной части Сахары, на юге Алжирии: он в оазе среди «Sahara algerien»⁴⁰.

³⁹ Сюда: Фридрих фон-Гельвальд: Земля и ее народы. Т. IV; *Daumas*. Le Sahara algerien; *Schirmer*. Le Sahara; *Duveyrier*. Les Touaregs du Nord. С. Меч: Сахара и Нил. Елисеев: По белу свету.

⁴⁰ Фридрих фон-Гельвальд.

Зеленейшую Бискру прозвали «Парижем» пустыни; здесь толпы туристов из Лондона, Петербурга, Парижа и Вены встречаются с толпами туарегов и форт «St-Sermain» охраняет туристов.

На «Мужество» я благоговейно смотрю снизу вверх: ведь оно «проводник», а в пустыне – «священное» звание это; у берберов группа людей соединенных для странствия – братская община, Джемма⁴¹. Предводитель же каравана – Кебир (господин); ну, конечно, Кебиром среди нас было бы «Мужество»...

Так я, размечтавшись, думаю: пересекши пустыню до озера Чад, пересечь ее снова: от озера Чад до Бахр-ель-Абияд (Белый Нил), повторив путь Маршана, отчетливо мной представляемый; Ася вступается тут:

– «Ты опять с авантюристами: и – никуда не поедем».

А все-таки в Бискру ей хочется – через пустыню и далее, хочется в Константину, Алжир, Оран, Фец и оттуда в Цеуту и кверху; и Альказар, и Альгамбра – пленяют: тогда закружится наш путь.

– «А Египет?» – так дразнится Ася.

А я, буриданов осел, меж пирамидою и Бискрой теряюсь.

Мы только вернулись с прогулки; смотрели плантации персиков (где-то за городом); персики тут вырастают в песке; нас коляска качала на плавных песках; из куста благовонных, чуть розово-нежных миндальных цветов, поднесенных ара-

⁴¹ Э. Реклю.

бами Асе, смеялись в закат, расплескавший кровавые крылья; туда прочертились ряды минаретов.

Теперь загорелые, бодрые мы продолжали смеяться и спорить:

– «Тебя представляю уже на верблюде: смотри, ты страдаешь морской болезнью, а все говорят, что езда на верблюдах у иных вызывает морскую болезнь».

– «Ах, пожалуйста... Ты-то хорош: десять раз в день хвататься ты будешь за голову, думая, что...

– «Что – удар?»

– «Знаю я»...

– «Все же, Ася, Египет, или... малый кусочек Сахары: малюсенький...

Тут постучались:

– «Entrez».

Распахнулась дверь; и – закутанный в плащ, появился таинственно «Мужество».

– «Есть».

– «Что такое?»

– «А помните, вы говорили про дервиша?»...

– «Как же».

– «Так вот, дервиш – есть, настоящий, совсем настоящий, навел я тут справки; сегодня сказали мне: «Дервиш», которого знаю я, все это время бывает в одном из кафе; он играет с арабами в шашки; при нем его змеи; мешок свой таскает с собою повсюду он».

– «Что же? И можно увидеть его?»

– «Ну, конечно же: если свободны, идите за мной в кафе, потому что потом будет – поздно»...

– «Сейчас, погодите»...

– «Да вы не спешите особенно: я подожду вас у входа».

Все брошено: карты, Египет и Бискра. Мы спешно, накинув одежды, спустились: «Мужество» ждал у дверей: полосато-сереющий плащ был наброшен на нем сверх бурнуса: качался фонарь в его пальце; мы – тронулись в путь.

Тусклово светил Кайруан, провалившийся в тени свои; завывающий ветер закидывал краем бурнуса бежавшего «Мужество» в нос; было жарко: громадно расширясь алмазы небес упали на плечи бежавшего «Мужества»; чудилось будто бежим мы по небу. Спустилась Вселенная, ниже, чем следует.

Выперли земли; и стены домов пообстали; кружились в пустых закоулках уснувшего города; там привиденье араба сидело без дела: на корточках (точно какая-то баба); глядело из ноющей ночи на нас, – ночи ноющей; тонко и остро колола нам уши откуда-то дудка; и плакала палица бархатно бряцнувшим басом о край барабана – «там-там»; и вот янтари фонаря озарили изрезанный верх зеленеющей двери:

– «Кафе?»

– «Да, кафе»...

– «Нам сюда»...

– «Здесь... Пожалуйста, смело входите, здесь, кажется

ОН»...

И фонарь подлетает в летающем пальце у «Мужества»;
ВХОДИМ, И...

Кафе

– и крепкие трески, и псиные писки: и бухнувших гудов, и ухнувших дудок; как в улье, – мы; лопотанье арабского рта:

– «Джарбаба»...

– «Раб-арап... парапа... обокрал... шкап арап»...

– «Абраам»...

– «Марр-баба»...

Ничего не пойму!

– Потолок, подпираемый стаями многих колонок оттенка желтеющей кости, сутулился дугами из ненаглядных, стреляющих глянец; везде изразцовые цоколи; а образцовый ковер заплетает орнамент немеющих змей; изошел петухами и птахами пестрых, лиловых, зеленых оттенков; и красные краски цветов нависают над дикими лицами белых турбанных арабов, прижатых к колонкам; помост золотеет, как лапоть, плетеными шашками той тростниковой циновки; и пестрая печечка – в шашечках. Чашечки! В чашечки фыркает черный кофе струей; и кофейник – хлопочет; и – потные лбы окружили его. И колени приподнятых корточек, рой разноцветных гондур, голосащие лица – маслинного цвета, кофейного цвета; и прочные черные профили негрских завейанных белостью знойных голов, и течение речей туарегов, сребренье бородок, и розовый ноготь простертого пальца, и белые мраморы мавра, раскрывшего рот, из которого в воз-

дух взлетают колечки дыма, и бульканье свежей водицы в синейшей бутылочке (то – наргиле), руготня, гоготня; и плащи – полосатые зебры; колпак капюшона над шеей с типичною кисточкой дико кирпичного цвета, угластые локти над досками, где расставляются шашки, – под тонкой колонкой – все это накинлось, вдвинулось в зрение; красный цветочек качается на стебелечке над темным лицом, озадаченным ходом противника (в шашки играет вот эта пестрейшая кучка); у всех за ушами – цветы:

– «Это – местный обычай: захочет араб веселиться, за ухо заткнет он цветок; все уж знают тогда: Ибрагим – веселится сегодня»...

Так шепчет мне «Мужество»; белые, желтые, синие цветики тихо качаются из-под тюбанов:

– «Ну что ж, есть здесь дервиш?»

– «Погодите, мосье, – ничего не видать» – приподнявшись на цыпочки шепчет мне «Мужество»; вдруг он бросает в пространство настойчивый крик:

– «Бха-ра-бан: дхар-бабан»... И несется в ответ ему:

– «Абра-кадабра», – какая-то...

– «Здесь», – улыбается «Мужество». – «Он за колонкою: в шашки играет он».

Вижу, что многие кучки, прервав разговор, на нас смотрят; но скоро, заметив, что мы законфузились, кучки от нас отвернулись и делают вид, будто нет нас и вовсе (давно я ценю деликатные жесты арабов: привык я в Радесе к тому, что

все делают вид, будто нет нас и вовсе, когда мы заходим в кафе в первый раз; если ж мы учащаем приходы в кафе, то иные любезно с помостов своих посылают «селямы», приветствуя нас, как знакомых; и – больше не смотрят).

Уже пробираемся мимо бурнусов, толкаясь, – на прочный помост, точно лапоть, желтеющий легким, сухим тростником проплетенной циновки; поднявшись на локоть, к которому он грациозно склонил свое тело, ленивый кутила лениво завил перевивы плаща, опроставши нам место; и – тащут для нас вдруг откуда-то взявшийся столик и стулья; арабы пьют кофе на ковриках, или на пестром плетеньи ступеней помоста.

Умолкнула музыка: «Мужество», жестикулируя, гаркнул в синейшие гари какое-то что-то; и гаркает что-то за синими гаями: переговоры заводятся: от головы к голове перекинулась дробь барабанного говора: «Абра-кадабра» какая-то там обсуждается; и размахались под пеструю лопастью руки вдруг чем-то довольного негра; костяшкою пальца зацокал в ларец этот старец, восставши с циновки; и, видимо, – чем-то обиженный; громко идет обсуждение нашего предложения; жесты, картинные позы; и пляшут мимозы над ухом сутулого, бурого турка; и вот обернулись все головы в сторону белой спины, наклоненной над шашками; шар головы неохотно на нас повернулся:

– «Вот – дервиш».

– «Он смотрит на нас, – соглашается он показать очаро-

ванных змей».

Разогнулась спина и над нею взлетел шар тюрбана; прыжком грациозной пантеры, серьезный и стройный красавец, не глядя на нас, пролетел на помост рядом с нами; желтоватое, цвета слоновой стареющей кости лицо его, точно точеное, мягким овалом теперь протянулось из нежных своих миндалей и вуалей тюрбана, твердея суровою гордостью сжавшихся губ, отдавая небрежный, такой грациозный поклон в нашу сторону: без неприязни прищурились длинные, точно миндаль, опушенные шелком разрезы косящих, блистающих как брильянты, двух глаз; очень черных, повергнутых будто в себя самого; и с надменною негой закрывшись, от нас отвернулись; забылись, забыли и нас и других; протянув две руки, будто взвесив на легких весах две жемчужины в воздухе, взвешивал что-то в душе своей он, загадав, «да» или «нет»: стоит нам показаться или, вдруг отказавшись, прыжком грациозной пантеры слететь к там оставленным шашкам, ломая изысканный контур над ходом противника:

– «Стоит», – как будто ответил себе: твердым шагом прошел прямо в угол (к мешку), изогнулся над ним, стал развешивать медленно:

– «Вот какой дервиш?» – подумал, не веря глазам: поглядев на Асю, увидел, что Ася в таком же как я состоянии:

– «Господи», – думалось, – «если бы хоть каплей такого же точно изящества поделился с «эстетками», с «дамами света», натертыми лоском или с хилыми дэнди: откуда в нем это сли-

яние строгости, грации, гордости, ясности всех непредвзятых движений и жестов, рисующих в воздухе письменность мудрых и трудно читаемых знаков».

– «Откуда он, кто он такой?»

Эта грустная мимика глаз: заклинатель змеиный – какая-то вовсе змея, завитая в безмолвие:

– «Этот – почти ассауйя: немного познаний еще и окончит он школу», – мне шепчет мой «Мужество»...

– «Вижу уж...»

– «Да, ассауйей он будет: вы знаете, кто ассауйя?»

– «Да»...

– «Тот, кто прошел школу дервишей, кто без вреда может есть скорпионов и саблей резать живот; он – имеет источник таящейся влаги, которую он сохраняет для добрых, таинственных дел; и клянется имаму он власть сохранить для добра; в Кайруане живут очень многие власти».

Но – взвизгнули трубы; оливковой кистью забило в «там-там» приведенье на корточках; сморщились черточки сухо пожаренных щек, на которых росла борода; залетала по струнам крючкатыми пальцами белую палкой сидящая рядом фигура; и крепкие трески, и псиные писки; и бухнувших гудов, и ухнувших дудок; и – хаос уже шевелился под ними.

Каир 911 года

Дервиш

Провеяли ветви соцветий в печали вуалей над профилем, темным, как... кофе над мраморным маврским лицом, над кольцом белых тел, обступивших плетеный помост; за мгновение до этого черный кофе тянули из чашечек, – здесь, в этих шашечках (желтых) (плетение кукурузного цвета); завеянный белыми веями ласковых складок бурнуса, как дерево, дервиш застыл.

Вдруг он дернулся, сдернув с себя дорогую повязку; и нервной судорогой рук бросил на землю ее: глухо ухали «у» гоготливые дудки; рассыпалась длинная прядь с непротриженной острой макушки, ему очерняя и лоб, и плечо, как змея; а в мешке копошилось что-то; —

– провеяли ветви соцветий в печали вуалей над профилем, темным, как... кофе, над мраморным, маврским лицом

—
– и кольцо белых тел (ряд за рядом) отпрянуло прыснувши прядями брошенных в воздух бурнусов... —

– в мешке – из мешка копошилось

* * *

Кто он?

Точно сдавленный, давний удар, раздробивший любившую душу, развеявший и море, и сушу, из дервиша сдержанным шелестом вдруг изошел; в шумный звук, в тайный дар, в давний жар непотухнувших умных наук:

– «Ассауйя».

Я вижу движение, слушаю...

...Такой глухой, глухой, глухой, такой немой; побледневший стоит, опадая овальным лицом, беспредметно надменным; медленно-нежным движением голых оливковых рук поднимает железный свой жезлик, поблескивая острием на цветных петухах и на птахах ковра, прикрепленного к стенке; вот кисти повисли как лилии; руки бросаются в звуки; лицо горбоносое, с прорезью маленьких усиков, – точно камья из камня, которую тайно точили, чертя испещрением черточек долгие годы художники; каменной маской лицо пронеслось над мешком; иссяклось выражение, которое потом вспоминал я в Каире, склоняясь над стеклянной крышкой... в булакском музее и видя – сухое лицо той кирпично-коричневой мумии, тело которой за тысячи лет называлось: – Фараоном, Рамзесом Вторым.

* * *

Темный хаос уже шевелился под этим худым, беспристрастным, бесстрастным лицом теперь древнего дервиша: тысячелетие лихо летело и плакало в черном безумии звукам

отдавшихся глаз; и ярчайший алмаз – прокипел под зрачками, под ликом, холодным, как чистая льдинка с упавшим налетом коричневой пыли земли; африканской земли; – звуком звука откуда-то ухнувших дудок он мучился в бурных безумиях: скрючился, выпрямился; и – взвился, как точно искристый диск, его лик: миротворного гения, в пении тихих молений, таинственных бдений: в забвенье видений.

* * *

Казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно золотого дня
Увлек незримо в царство тени⁴²

* * *

Скорбящие губы согнулись в кипящие трубы: затейливо змеиной усмешкой; и плечи, и шея, и грудь опрокинулись в желтый мешок; и чернея как змеями, прядями прядавших локонов бритой его головы с непростриженной вовсе верхушкой макушки, с откинутой как-то ногой и с летаю-

⁴² Тютчев. (Неточная цитата из стихотворения «Еще шумел весенний день». – *Примеч. публикатора*).

щим ярким железом железного жезлика в легких летающих складках; – напоминал в своем умном безумии он не уж му-мию: фурию!

* * *

Дернулось, дрогнуло белое тело араба; отпрянул за рядом ныряющий ряд белых тел, быстро прыснувши прядями брошенных в воздух бурнусов, когда привскочил, угрожая летающим жалом чернеющий перст, из отверстия; и – на циновку просыпалась скользкая кобра: извилистым, льющимся телом обежала она по плетениям желтых, как лапоть циновок.

Кобра

– «Никогда не укусит его», – зашептал нам «Мужество».

– «Власть он имеет над нею: глазами ее зачарует».

– «Имамом та власть отдается; и дервиш владеет змеею при помощи власти имама».

– «Он шейхом религии был посвящен в эту тайну; сначала в мечети помолятся оба; потом шейх религии, тихо коснувшись руки богомольного дервиша, шепчет ему никому неизвестное слово; слово то держит в уме посвящаемый дервиш; оно-то ему придает власть над змеями».

– «С этой поры повелитель он змей, никогда не подвластный змеиным укусам».

– «Они его крепко не любят; и часто кидаются, силясь ужалить; ужалить не могут они».

– «Посмотрите, смотрите».

Мгновение: веющий нежно соцветием складок, немеющий, дремлющий дервиш, кидается, дразнится; дерзко другая такая же кобра закопошилась; змеиные очи, древняя дарами ударов своих брильянтовых взглядов, из ключий летающих складок, угрозой ночи впиваются ярко: в змеиные очи; и вертится жезлик над гадкой головкой, поставленной точно на палке, в которую отвердела часть тела змеи, записавшей сварливо извивы хвостом... прямо целится птичья головка в колено, как будто головка молоденького драчуна-петушиш-

ки, когда петушишка нацелится в гребень такого же, как он, петушишки; заерзала птичья головка, заползало черное тело и быстро и ловко сквозь дрогнувших ног: на шуршащий и пляшущий в шелестах шашечек маленький, гаденький хвостик, стремительно он наступил своей желтою, голою пяткой; и отпустил его.

Быстро взлетевши широким листом своей плоско приплюснутой шеи, с которой вертелась головка, змея полилась черной струйкой на черных извивах, в янтарных отливах – к бурнусам; бурнусы – отпрянули; оборвались прибаутки испуганной дудки; отбарабанили варварские тары-бары «там-тама», слышались тихие шипы и шелесты шеи из шамкнувших шашечек:

– «Тсс!»

– «Ша-ша-ша!»

В воздух свистнула жалобой зычная злость извизжавшейся дудки опять; и дудящий араб, выгнув спину, оливковой шеей своей рисовал арабески; опять отливая оливкой, шархались грубою руганью руки араба о желтый пузырь барабана «там-тама»; змея повернула головку на дервиша, он повернулся спиною; и прыткими ритмами прыгал магический жезлик в ритмически вскинутой кисти.

– «Она не укусит его!»

Уж (из визглости) склизкая кобра, загнув листовидную шею, завившейся свиснувшей в воздухе извилиной, вдруг облизнула колено, стараясь ему нанести смертоносный укус.

– «Отчего беспокойна она?» – я спросил присмирившее «Мужество».

– «Да потому, что она еще – дикая: он, говорят, лишь сегодня поймал ее где-то в песках»...

– «Значит змеи не все подчиняются власти его?»

– «Все, но чары еще не вполне овладели змеею».

– «Когда ж приручит он ее?»

– «Через несколько дней»...

И – запрыгали друг перед другом: летающий дервиш с летающей черной веревкой под тусклою туникой: прядали пряди с верхушки макушки, как змеи, над белой камеей лица, наклоненного к гадкой змее; теперь приседало под змеями черных волос тело гадкой змеи, все немея, не смея кусаться; как каменным шаром о стены кидался «там-там»; и как каменным шаром кидалось ударами сердце мое; захватило дыханье, когда мой сапог, описавши большую восьмерку на желтеньких шашечках, быстро лизнул гадкий кончик хвоста змеи; вдруг она бешенно бросилась, быстро вздыбившись в пространстве большим вопросительным знаком на белый бурнус, незаметно присевший к помосту, но дервиш ее оборвал, наступив голый пяткой на хвостик; и лентою взвившийся злой вопросительный знак, оборвавшись, расплоснулся черною палкой в циновке. Но упрятана кобра.

Теперь из мешка высыпает он желтую кучу малюсеньких змеек, берет их руками; и их рассыпает; и весь осыпается ими; он – точно в длиннейших червях, записавших на белом

бурнуса свои крючковатые знаки; и дуги и петли: «алеф», «бэт» и «шин» быстро пишутся малыми тельцами змеек; «алеф» прописался уже к подбородку, всползая с колена; и силится «шин» заползти ему за ворот; пишется мудро змеиная письменность тайными знаками змеек; одну растянул на лице; и – свисает теперь с его носа, как дряблый нарост индюка, желтоватенький хвостик; и пальцами силится дервиш у глаз разомкнуть головенку змеи; пораскрыл – и как будто себя оцарапал колючкою зубика; после продев острие заблестевшего жезлика меж челюстями повиснувшей змейки, тихонько подносит ее к нашим лицам; и – видны: два зубика.

– «Это и есть ядовитые зубы: не вырваны – видите?..»

«Вижу я»...

– «Многие думают, что это фокус, что он истощает перед опытом силу змеиных укусов, дав им укусить что-нибудь до себя, отчего на короткое время укусы не действуют; были недавно два немца туриста тут – да; и они не поверили дервишу; спор завязался; и немцы купили теленка; его укусила змея; тут же бедный теленок, закорчившись, быстро издох».

Да, я верю не фокусам (не интересен вопрос об укусах), я верю осанке, лицу, выраженью застывших, как камень, двух глаз, обливающим нас протекающим в нас и расплавленным камнем.

И вот – представление кончено; тихо иссякли безумные звуки докучливых дудок.

Каур 911 годa

Старинное

В тьму оборвался как с кручи «там-там»; у колонки бесстрашием дышащий мавр, из-за сложенных красным колечком двух губ снова выкинул синие кольца кальянного дыма; и матовым сам себе так улыбается профилем; розовый цветок дрожит над щекою его.

А он – бледный дервиш?

Порыв изошел из него; и слетели на грудь напряженные темные руки, откинулась мертвенно вся голова отвисающей прядью; и вот подгибаются тонкие ноги; рука, упавая бессильно, – медлительно тянется за головную повязкою, брошенной наземь.

Таким он зажил в нашей памяти; мумией фараона Рамзеса Второго; казалось, что ветер провеявших дудок в прибое «там-тама» нечеловеческим что-то ему рассказал языком: о древнейших мирах.

* * *

О чем ты воешь ветер ночной,
О чем так сетуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумный?

Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке,
И ноешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки.

Казалось, что в образе невыразимого лика его говорили нам тайны: века и народы; известное что-то, что после забыть невозможно —

– «Ты знаешь меня?» – просунулось в складки его сумасшедшего лика из Вечности; лик этот я узнавал; я не раз уже видел его (я был должен увидеть его очень скоро: и много позднее)...

Я видел тот лик уже... в Нижнем; однажды, гуляя по Нижнему, встретил я бледный и белый таинственный профиль с кругами вокруг испугавшихся глаз; и – покрытый платочком:

– «Кто это, смотрите?»

– «Наверное это хлыстовка», – ответили мне: «через три поколения хлыстов у хлыстов прорезается этот разительный отпечаток».

И вот отпечаток такой же я видел у дервиша; видел и – ранее: на лице побледневшего Никиша за исполнением С-dur-ной симфонии Шуберта; у величайшей же исполнительницы песен Шумана и Гуго Вольфа, насквозь просиявшей духовным искусством, Олениной⁴³, видал я то выражение, когда на

⁴³ Олениной д'Альгейм.

эстраде она вырастала... до Атласа; вскоре увидел в Каире я то выражение у мумии Фараона Рамзеса Второго и после оно, выражение это, вперилося в меня из глаз – Штейнера.

Блеск брильянтовых глаз кайруанского дервиша в пестрых циновках и желтых колонках был – тот же; он лишь просветленный горел на лице Олениной; и рассказал о себе очень многое... в глазах Штейнера; блеск этот в дервише матово как-то подернулся давней тоскою о мире; и был как бы остро раздроблен ударами злой современности; взгляд поглядел из веков: это встала прекрасная мумия; проговорила; и – снова погасла.

Каир 911 года, Карачев 919 года

Мороки

Так Кайруан нам пропел свои сказки; стеною, мечетями, ревами, пляскою дервиша, коброю; мы колебались немного меж Бискрою, Сахарой, Ораном, Испанией и Палестиной, Египтом; Египет – взял верх.

Кайруан остается вратами в моем восприятии Африки; видели эти врата, не пройдя под колоннами их; оттого-то облупленный город стоит точно призрак, – сухой, пережаренный, злой, запахнувшийся в дымный бурнус из песков, гоготавших и в ночи, и в дни, взрывавших в душе первозданные хаосы; переплетались, проплыв перед взорами, мрачные мороки мраморных мавров: под лепетом лавров; и – громкие ропоты в черные ночи гогочущих негрских роев, разрастававшихся грозно под зданием белой мечети с развернутым знаменем черного мира – белейший бурнус, облекая чернейшее тело, сплетался в сознании в черный и белый орнамент, которым расписаны крепкие кубы глухих кайруанских домов, поднимающих башни и кровли над прожелтнем древних облуплин, обсвищенных ветром.

* * *

Мы вышли на станцию, бросивши взгляд на зубчатые сте-

ны; топорщилась башня желтеющим кубом; чернели разъятою пастью ворота, где бледно змеилась дорожка неясных бурнусов, сквозь клубы вихряемой пыли; стояли мечи минаретов среди приподнявшихся чалм куполов; и казалось: что вот приподнимутся все седобровые головы к небу; завоюют. и – вздрогнет Европа, и – новый Медхи опрокинется бурей бурнусов в ветшающий днями, в облупленный мир: в мир Европы.

* * *

Полезли в вагоны; и наглая буря толкала нас в спины; вуаль от жены отвивалась и билась по воздуху самовольными змеями; все мы хватались за шапки; пожал руку «Мужеству»; где-то там проходили верблюды; грифиные морды медлительно шлепали там на мозолях; и тощие остовы гордо возвысаясь горбами, тащили мешки волосатых зобов.

* * *

Тихо тронулись в вихри: тускнело, дымело, бурело, визжало; мелькало невнятными пятнами бури на выясне неба; и после мелькали нам пятнами просини в протемне бурого хаоса клубеней пыли.

Прощай, Сахарийское пекло, к которому рвался душою я здесь; еще я не увижу тебя, не увижу Габеса, Гафсы, не увижу Ерга, где качается на горбе туарег-копыеносец, в литаме, с мальтийским крестом на щите, пролетающий в ужасы красных самумов до вод плоскодольной Нигерии, где поучал Али-Баба, откуда бежали на юг негритянские толпы до Конго; там Конго в тропическом жаре лесов поукрыло одних мусульман миллионы⁴⁴; и – столько же, быть может, или более даже язычников; там лихорадка нас ест; там и воды кипят бегемотами; там баобаб – раздул ствол; там лениво бредет носорог, на ходу зашипнувши клочечек травы; и – приходит в жестокие ярости, внюхавшись в запахи бедного негра: бежит на него; с неожиданной прыткостью носом подбросивши в воздух, он с той же прыткостью, дико подпрыгнув на толстых обрубках, склоненной клыкастою мордой, как острым кинжалом, пропорет летящее кубарем в воздухе тело; и ловкий спортсмен ловит шарик на палочку, так разыгравшись с детьми – в биль-бокэ; в этих конгских лесах, еще есть до сих пор биль-бокэ носорога, ловящего палочкой рога испуганным шариком сжатое тело; оттуда когда-то по всей африканской земле забродил великан, ископаемый предок его, с непомерно огромным двурожием носа; чудовищный арси-потериум, кости которого были открыты Осборном⁴⁵; таин-

⁴⁴ По прошлой переписи: см. сочинение «Ислам», кажется, Гилярова.

⁴⁵ В 50 милях от Каира, в высохшем днище Меорийского озера; это данные палеонтологических раскопок экспедиции профессора Осборна в 1907 году.

ственный здесь обитал меритериум, или «слонорог».

Ты уходишь, о Африка; тайны свои мне открой; я хочу в Тимбукту, в Диэннею, на озеро Чад, или даже... в Габеш; где, как мы, православный король чернокожих украшен венцом белых перьев, и где золотистые шкуры прыгучих и злых леопардов слетают с плечей, как плащи.

Призывает нас юг, а мы едем на север; из высвистов сирых безгорий, танцуя проносятся бурые мути; и рвутся, и рвутся, и рвутся и все уплясали куда-то, крутя горизонтами; ясны пространства сожженной степи.

Пересадка: пропал «Sable vif»; пролысели, бессилясь чахлыми травами, пятна чистых солонцев не дымящих песками в ослабнувшей буре; рedeют они, пропадают и вновь пересадка под Сузою; то – Калаа-Спира.

Подали поезд, – уже настоящий, с комфортом; уже полосятся пятна палаток; есть люди; и станции – чаще; и – пятна лепящихся домиков – чаще; и – первый белеющий купол в нелысом пространстве; деревья, прижатые в купки, соломою крытые крыши приниженных гурби: Громбалия: почва гребнится; десяток бурнусов чуть веет ленивыми взмахами складок; косматая спаржа; мечети, оливки, уже облетевший миндаль; залиловился издали рог Джабель-Ресса; на миг прорвалось голубое пятно Средиземного моря; сосемся ущельями; вот пролетел Гаммам-Лиф.

И – Радес там стоит на холме минаретами: в блещущей зелени.

Каур 911 годa

Карфаген

Наконец мы увидели Карфаген.

Мы покинули утром Радес; пересели в Тунисе, и вышли на маленькой станции; скучных туристов с биноклями не было с нами; на станции мы увидели лишь несколько скромных колясок, да несколько скромных арабов; мы взяли с собой одного; и без торга уселись в пролетку (здесь цены – по таксе).

Кругом – ни села; зеленели травой холмы; чуть свежающий ветер ее колебал; зачернела – распашка.

И то – Карфаген.

Карфаген еще ждет своего Мариетта, тая глубочайшие недра столетий: под травкою холмиков; так еще мало раскопок; вот здесь мимо нас проблестит из травы изразец; мы сошли перед тяжелым куском обсеченного камня; две мраморинки я любовно себе опустил в саквояж; они – теплые все от солнца; то – мрамор позднейший: шестого или пятого века, – эпохи, когда молодой Августин, появившись сюда из провинции, стал упиваться риторикой цицероновой мысли, отдавшись страстям; протекает здесь чувственно первый роман Августина; здесь борется он со страстями позднее; здесь он отдается со всей прирожденною страстностью ереси Мани, вступая в ученые споры с приверженцем догмы Христа, здесь встречается с Фаустом, манихейским учителем, против

которого уже после составлен трактат «Contra Faustum»; отсюда он едет в Италию, в Рим и Милан. Эти мраморинки, вероятно, собой украшали фронтоны величавого здания в Августиново время.

Откуда-то сбоку на нас набегает толпа голоногих мальчишек с камнями и с карфагенскими лампочками; мы их гоним; они продают, вероятно, подделки. Садимся в коляску; и – едем, кругом начинаются всюду осколки развалин; здесь все – поразрыто.

Раскопки недавно велись интенсивно; подробности древнего Карфагена теперь установлены: улицы, виллы и храмы.

А тридцать лет ранее не было здесь ничего: были холмики; вид открывался на море; здесь можно лишь мечтать о былом; но столетием ранее вовсе не знали, что именно здесь восставал Карфаген, что холм Бирзы есть холм Карфагенский, что два озера перед морем – остатки пунических портов; на это впервые указано было по показаниям одного офицера, Шатобрианом (так, кажется).

В 1875 году кардинал Лавижери настоял на раскопках; теперь установлено место для римского и карфагенского города; много работало братство ученых монахов на этих местах; и до сей поры здесь обитает коллегия белого братства; и белые братья отсюда заходят в Радес: оказать медицинскую помощь; в белейших хитонах и в пурпурных фесках, с крестом на груди, опираясь на палку, они оббегают окрестности; многие среди них – археологи.

Обращают внимание остатки огромного акведука эпохи пунических войн: он – обслуживал римлян; уже от обильной кровавыми розами Эль-Арианы (поселка) повсюду – остатки его; и – среди этих холмов; тут же – мраморы римских распавшихся виллочек в веющей зелени плиты; и вот – следы цирка (арабы разграбили целость руин его: из карфагенского камня построен Тунис); тут же место мучений: бросали подвижников львам, обитавшим в обилии близ Карфагена когда-то: дорогу, ведущую от Карфагена к Тунису, когда-то украсили львами, прикованными цепями к столбам⁴⁶.

Вот, в разрытом пространстве, – арена; а около углубление (как бы коридор): это ход на арену от львиных припрятанных клеток; склонившись над входом из мест кругового партера, ленивые граждане видели бег разъярившихся львов: от прохода к арене; а вот – коридор (уже другой); здесь несли на носилках замученных; надписи на кусках балюстрады; и своды, и ходы; вот – текст одной надписи; он – заклинание⁴⁷: —

– «Божество, хорошо заключи ты в темницу рожденного Фелицатою – Мавра. Пускай он не спит: ты лиши его сна, Фелицатова сына... О Ты, Вседержитель: во ад низведи Фелицатова сына, ты, – Мавра. О ты, повелитель Кампаньи, о

⁴⁶ Флобер. Саламбо.

⁴⁷ Delattre. Un pelerinage aux ruines de Carthage.

ты, повелитель Италии, – Ты, власть которого простирается до болот Ахерузии, Ты низведи прямо в Тартар его; Фелицатова сына... свяжите, схватите и в цепи закуйте его, Фелицатова сына... сожгите все члены его, сердце, прочее все: все сожгите, что будет от Мавра, рожденного Фелицатой»... —

– В одном месте цирка часовенка в память затерзанных львами; и в ней – небольшая колонночка с надписью: «Evasi!»...

Вышли из цирка; мальченок пристал с амулетами; мы – покупаем: один, другой, третий; всего – не купишь; мальченок, второй – пристаёт; мы садимся в коляску; араб уж на козлах; мы – тронулись дальше: холм Бирзы на склоне отчетливо разрешается в древнее кладбище... карфагенян: саркофаги; и – черные дыры в земле.

Треугольную острою крышкой отмечен пунический саркофаг; большинство из них – каменные; здесь в одном месте нашли кучу сваленных старых скелетов; впоследствии обнаружилось: это – все жертвы чумы, бывшей здесь; о ней много рассказано Диодором⁴⁸.

Древности, здесь извлеченные, в трех находим пластах: тут арабские древности, относимые к средним векам (из эпохи святого Людовика, бывшего здесь); здесь – следы крестоносцев; есть древности Византии; но более – римских; остатки древнейшего Карфагена встречаются глубже всего, поражая изяществом.

⁴⁸ Эпидемия была в 196 году до Р. Х.

Вот – и сиденья, и сцена театра; вот – ложи; они сохранились вполне; вот – цистерны, или ряд полукруглых отверстий; в отверстиях, точно в пещерах, ютятся теперь бедуины (поселок); из рвани протянуты грязными лбами старухи; бедуинята бросаются к нам:

– «Аа!»

– «Бакшиш!»

– «Но мы – далее!»

Вот и музей; небольшой он; при входе с нас брат (белый брат) берет мзду; мы – проходим. Музей этот – частью раскинутый сад перед зданием скромных размеров, где стены уставлены глыбами пестрых сокровищ; часовня стоит посредине; она – в честь Святого Людовика, некогда здесь опочившего; статуи: вовсе безвкусны они; отразился упадок в них римского творчества: Гений, Виктория (т. е. Победа). Победа имела свой культ в Карфагене: пространство музейного садика – место, где храм Эскулапа увенчал римский Акрополь; а раньше стоял здесь пунический храм; во втором еще веке⁴⁹ разрушен был он; стены садика – в досках; на досках ряд надписей (все – по-латыни); под стенами – множество римских амфор; отступя же от стен, – возвышается ряд саркофагов (пунических); многие – малы; господствует мнение, что в них прежде таился лишь пепел сожженных; 300 отроков, 200 младенцев, принес Агофокл в жертву богу Молоху во время осады пунической крепости римскою армией;

⁴⁹ До Р. Х.

множество малых гробов указывает на множество душ, здесь сожженных когда-то; вон – целая горка их.

Входим внутрь здания: можно ли все осмотреть в один день? Мне бы надо недели просиживать здесь – так здесь все интересно; в двух, в трех малых залах рассыпана бездна сокровищ; хотя бы пунический зал, где все мелочи ярче томов нарисуют картину древнейшего быта.

– «Carthago, Carthaginiis, Carthaginensis» бывало твердим гимназисты, не ясно себе представляя конкретно, что есть тот «Carthago»; потом прочитаем мы все у Флобера в «Саламбо»; ряд пышных картин возникает в сознании а la Семирадский; и мы – не вживаемся; после обзора музея, теперь мне отчетлив «Carthago».

Вот ряд безделушек: я тоньше работы не видел нигде; все – ручная работа; ее разглядеть можно в лупу; сгибаюсь к стеклу, чтобы увидеть всю нежную прелесть легчайше слиянных линейных мелодий камней ничтожных размеров; градация линий слагает симфонию быта и вкусов далеких столетий (камея, амфорочка, малый резной амулетик, смех рожечки, змейки, точеная ручка ножа) – на пространстве аршина, который вы можете изучать целый месяц – весь быт Карфагена кричит еще ярче, чем в ярком романе Флобера; вот – столик с браслетами (хватит на месяц!); вот – стол ожерелий (каких!).

Карфагенская мелочь вещей изошренней египетской (много я видел последней в булакском музее в Каире); но

более прочих влияющих бытов Египет сказался на них; есть в фигурочках, статуэтках – от жеста Изи́ды; а вот – плоскокрылые коршуны; нечто в них есть в египетских реющих ныне еще над Каиром, а вот – не египетский хохот головки камеи; в Египте фигурки, камеи таинственных лиц не смеются. чуть-чуть улыбаются, как... Джиоконда; здесь рты они рвут: от сплошного какого-то хохота; хохот камней почему-то напомнил кровавые оргии злого Молоха.

Вот – перл: это – крышка от саркофага, почившей, должно быть, прославленной жрицы; изображение жрицы – на крышке; в изображении лика есть что-то от Греции; восстает VI век⁵⁰, вот – надгробная крышка; следы стертой краски на ней; и под ней – саркофаг; в саркофаге же – кости: нетленные кости прославленной жрицы.

Танагрские статуэтки: и блюда, и утварь; вот – бритвы с резьбою на ручках; прочел я: такие же точно ножи, той же формы, со схожей резьбою – ножи боевые свирепого танга-найского негра; теперь в него, может быть, брызнула капля погибшей культуры; другие же брызнули капли – куда?

Вспоминаем мы здесь, что цвета, нам пестрящие взор – ярко-синий и желтый: орнамент арабский Тунисии их повторяет; случайно ли это? Не знаю, но знаю, что брызги разбитой культуры на северо-западе Африки, точно осколки стекла, здесь и там, через зелень позднейшей пробившейся жизни блистают отчетливо; и – желтосиний орнамент Тунисии,

⁵⁰ До Р. Х.

верно, неспроста – такой желтосиний; неспроста мальтийским крестом увенчали щиты туареги; неспроста венчает отчетливый крест туарегский кинжал.

* * *

Просветленные мыслью о связи культуры, мы выходим наружу: выходим из садика; вон – Захуан, вон – вершина Двурогой горы, а вон – Пратес (per gates): наш милый Радес; и лазурен, и светел нам веющий свежестью день; в ясном воздухе слышатся ярко чеканные речи бессмертной латыни:

«Carthago»...

«Carthaginiis»...

Все – опрозрачено: дальше – садимся в коляску; и – катим; дорога врезается в рыжий песчаник: колеса хрустят; омыляются лошади липкою пеной; их бег тяжелеет: крутеют подъемы; зеленые холмики валяются на плечи – вниз, опадая, как будто разглядясь у моря; меж ними присел Карфаген; море, рытвины, цирк и театр – нам отсюда являются в той же плоскости; а голубые эфиры бьют в грудь, упавая с верхов; улыбаясь друг другу, отходим в восторг вознесений: в волне бледно бьющих зефиров как будто отметилось что-то воздушное, спускаясь, медленно крепнет; едва различимая линия тихо толстеет; она осаждается в воздухе образом тонкотелого минарета; другая такая же линия – явственней: то – полукруг, белый-белый – далекого купола.

Боголюбь 911 года. Брюссель 912 года

Сиди-бу-Саид

Минарет, минарет, минарет; куполок, куполок; полукруглая линия купола, купол на белом сверкающем каменном кубе, – весь белый, сверкающий; белые кубы домов среди рыжих песчаников ярко стреляют в глаза белизною; и – падают с выси на нас полукругом, отчетливы тенью сквозной осиненные впадины уличек, пересеченных густеющим золотом солнца; все то, приближаясь, твердеет; линейные плоскости вот, обступя, наливаются тяжестью камня; пространством тяжелым становится стая домов, розовеющих явственно в солнце своими боками; и явственно впадиной двери, окна, тупичка, перегиба, прохода они просинели.

Давно наблюдал с плоской крыши Радеса чуть видную белесть высокого мыса, которым свергается Африка в море; та белесть – Сиди-бу-Саид; в этих кряжах живут богачи; много мавров здесь водится; двери домов – изошренней; когда же приблизившись к дому, его белизна, как нигде, рассечется на ткань кружевеющих здесь изразцов; то – изящный квадрат безоконного бока исходит блистающей вязью зелено-синеющих цветиков с вкрапленным кармином розы, блистающим глянцем; то очерк дверного квадрата с зеленою дверною подковою блещет затейливо медными бляхами; та чешуя мелких блях покрывает подкову дверей, посредине которых литое, витое кольцо; по бокам – две колонки; над дверью ритмич-

но идет полукругом отчетливая изразцовая полоса синерозовых глянецв на белом, слегка розовеющем выступе дома; а выше – решетка окна зеленеет и из нее над подковою двери свисают цветы.

Такой дверью выходят дома на ступенчатость улочки; выше над ней – перегиб, как бы арка орнаментов; видишь под аркою ты продолженье ступеней; и видишь зареющий блеск: прозарел минарет и мулла призывает к молитве; под аркой, у входа в кафе, на ступенях пышнет араб лепестками плаща, в высочайшем, как митра, тюрбане, окрученном яркою золотою веревкой; ты видишь, что нет гондуры на арабе; он весь перекручен под белым плащем белой шерстью; и он – розовеет, как домики; это, наверное, мавр, обитатель поселка.

Коляска осталась внизу: поднимаемся в белых пустынях крутеющей улочки; сбоку пролеты – в просторы; над кручей – перила; под кручами – пена грохочущих волн; я – прекраснее места не видел еще; весь Радес – только проза перед этой поэзией красочных линий и звуков; идя по ступенчатой лесенке, кажется нам, что мы шествуем в небо; уже голубеет душа; не сквозные ли наши тела?

Но – дома расступились: перед нами – площадка; наверное, здесь высочайшее место окрестностей; ярким узором кровавых полос изразца – над перилами (где-то внизу) разблисталось кафе ниже вьющейся улочки; сверху накрыло то все голубое раздолье; а спереди – небо, море воздушно слились; в это все убегает маяк; мы отсюда его наблюдаем: кро-

вагое око нам видно в Радесе; он – вертится: раз-раз – мигнет; и потом – не мигает; в то время белеющий сноп его падает в море и снова – раз-раз – подмигнет.

Закрутили налево обрывины, мысы и вдавлины береговых очертаний до самой Бизерты⁵¹, направо – тунисский залив; и мыс – Добрый, бросающий сноп с маяка, освещающий тракт пароходов, бегущих от Гибралтара к Суэцу; а сзади – сливается лентой залив, расширяясь над нами на десять и более километров; едва там мутнеет Тунис, едва виден Радес; но малиновый вечером верх Захуана все так же отчетлив; Сиди-бу-Саид весь под нами; под ним – провалились все карфагенские холмики; пятнышком белым едва видим нам карфагенский собор; море – с трех сторон хлопает; гребни, шипя, неустанно дымяют соленую влагой.

* * *

Сиди-бу-Саидом кидается Африка в море; за морем – Европа; Европе подставил бурнус от нее отвернувшийся мавр; знает он; заскрипит колесо на сиди-бу-саидском подъеме; и тащит – неверных к утесу, с которого старый маяк, как циклоп, одноглазо уставится в волны, бросая снопы бриллианта в кипенье воды; но он знает еще, что от Сфакса, Гафсы, Суз потянутся толпы паломников с яркими стягами к чистым ко-

⁵¹ Крепость и военная гавань французов.

стям марабу, опочившего здесь; в его честь понастроены все эти пальца мечетей; село богатеет доходом с паломников.

Кто марабу?

* * *

Помнит верно неверный: им чтимый король покидал берега нечестивой Европы когда-то с отборнейшим войском; расправила крылья косматая стая судов, нагруженных конями, оружием, множеством воинов, с крупным крестом на руке или груди; их Людовик Святой всех повел на Тунис; здесь в холмах Карфагена, надолго раскинулось станом неверное войско, боясь нападать на Тунис; но чума загуляла в палатках ленивого крестоносного войска; и умер Людовик Святой от чумы.

Так расскажет неверный; но это – не так.

Для арабов часовня Людовика – ложь и обман, если только не глупость неведения; так было дело: Людовик король был правдивый и честный владыка; и оттого он задумался долго перед белым Тунисом, не смея напасть на Тунис; размышлял он о верах; открылось ему перед боем величие магометовой веры; сомненья одолели его; затворялся в палатке король, изучая Коран; некий опытный муж, тут прослышав о думах Людовика, храбро предстал перед ним, держа славные речи о вере; Людовик им внял; он склонился к Исламу; покинувши тайно палатку свою, он исчез с правоверным учи-

телем веры, нет, он не погиб от чумы, но он хитро себя подменил, положивши на ложе свое зачумленного воина; гяуры верили в смерть его; страх охватил их войска; неудача постигла поход.

Между тем обращенный король научился пяти омовеньям; и – прочим обрядам; прожил он года в полном здравии, день ото дня становился святей и мудрей; он стал под конец своей жизни святым марабу, прославленным целой Тунисией; толпы стекались к нему, как стекаются ныне к костям марабу из Гафсы, Кайруана и Сфакса – процессии с пением, с боем там-тама, с развернутым знаменем, на котором красуется красный изогнутый серп со звездой.

Марабу – есть Людовик Святой: и в Сиди-бу-Саид все знают про это.

Не знают – неверные...

Здесь, в вышине, окруженные с трех сторон морем, передаем мы друг другу слова мусульманской легенды, напоминающей нашу легенду о Федоре Кузьмиче, под личиной которого кончил свои фантастические дни Александр Император.

Пора и домой: опускаемся вниз по ступенчатой улочке, быстро садимся в коляску; и – катимся вниз, к Карфагену, минуя его; проезжаем попутно безвкусную Марсу, где бей коротает все время (теперь в Гаммам-Лифе он); Марса не помнится мне; проезжали ее мы уж вечером; сумерки падали; ночью мы были в Тунисе; с последним же поездом мы

возвратились в Радес; нам светила луна; и плутая средь уличек, увидели тени мы белых бурнусов; и слышали гарканья их из кафе: араб спорил с арабом, проклятьем оглашая село, во тьму кинулся спорщик; бурнус, распростерши огромные крылья, как лебедь, понесся в пространства луны.

Еще долго в ту ночь мы сидели на крыше, смотря, как прозрачняя дымом, в луне обозначились мороки бирюзовых пространств, кружевеющих призрачно очерками куполов, белых стен и оград, через которые бледно в луне низлетали соцветья; пурпурные в солнце; там с крыши далекого домика, скрытой стенами, куда, как мы знали, выходит гарем по ночам, раздавалось пение; улыбалась в луне там косматая роща оливок, как бы под покровом сплошной оловянной бумаги; песчаные косы залива – белели, серебрили; оттуда, где были сегодня, от дальнего горного выступа медленно даль прободало кровавое око; моргнул циклопический глаз маяка; и – сомкнулся; еще и еще; и – надолго сомкнулся.

Так трижды моргает на нас карфагенский маяк; и – смыкается око; мы видим лишь дальние светы снопа – где-то там, на волнах, когда око не смотрит.

И – снова моргает: и еще, и еще...

* * *

Средь цветов, в полосатых (и желтых, и красных) шелках Ася тихо поникла над чаем; Людовик Святой не дает ей по-

коя; а я, закрыв голову шарфом, я – вижу отчетливо древние образы; старый «Carthago» встает и я слышу:

– «Carthago delendaest»...

Нет не «delenda»: ничто не угаснет.

Вот брызнули лучики грелки; метнулась сень зайчиков в розовых розанах пола; задумчивость, радость и сказки и песня араба, унывно гортанная; издали; Африка нас поглощает, Европа свернулась комочком; приподымаются издали нам – Тимбукту, Диэннея, Канкан, павший город великого Самори; и предносится взору великая, африканская Франция.

Брюссель 912 года

«Двадцать две» Франции

Вы не знаете Франции: европейская Франция – малый кусочек, отросток гигантского тела, лежащего в Африке, – малый кусочек, закинутый как попало в Европу, отломанный кручами Гибралтара; и – брошенный: за Испанию. Знаю наверное я: никогда не пришло вам на ум точно вымерить Францию; вымерил я – отношение ее европейских частей к африканским за вычетом Мадагаскара (размер мне его не отчетлив) равняется дроби $1/22$.

Марокко, Алжир и Тунис открывают вам мало известную Францию; и – пространства косматых, разлапых лесов, уходящих к экватору, завершают ту Францию; невероятно раздутое тело желтеет раздутым своим животом – сахарийским бельмом; вся Сахара есть Франция; за Сахарою – Франция; эти Франции – кипень горластых, цветных, беспокойных народностей: толоко толков и морок цветов: – туареги, арабы; и – негры, и – негры, и – негры; становища негров с остатками черной культуры, великолепной, создавшей высокие памятники литературы, – становища негров, живущих в сплошной некультурице; разнообразие негритянских племен: дикари в ярких перьях; и дикари в перьях страусовых, покрытые шкурами; и достойные, смелые тимбуктукцы: все отродия цветокожих метежуются громкою жизнью, сочатся, клопочут в ар-

териях организма страны, привлекая кровь нации из головы, европейской и знаемой Франции, – в ее черное африканское сердце; за Францию, – ту, которую знаем, – мне страшно; теперь еще время отлива (от головы национального организма к желудку) всех соков страны: надо ей беспрепятственно переварить то огромное тело, которое поглотила она – т. е. двадцать две Франции, чтобы стать после кровного усвоения Африки – $1/22$ -ою себя самое, я боюсь – будет час; кровь с огромною силой прильет к голове организма французской Европы, – кровь черная: миллионами негров, мулатов вдруг хлынет в Париж, Марсель, Гавр, Лион, – Африка, так, что жилы страны разорвутся, под мощным напором; и европейскую Францию быстро постигнет удар: почернеет ее голова; и в XXIII столетии будет Париж переполнен курчавыми толпами черных «чертей»: парижан!

Завоевание Францией Африки как-то мы все проглядели; об оккупации марокканских провинций мы только что прочитали в газетах⁵²; Марокко же – малый кусочек земли по сравнению с пространством тропической Франции; собственно говоря: центр ее не в главе, а – в ногах; голова – истончается (прекращенье рождений): худеет, худеет, худеет она; все-то пухнут и пухнут, чернея, французские ноги; такая распухлость – болезнь: элифантиазис (так кажется).

Бедная Франция!

⁵² Этот отрывок писался в 1912 году, в эпоху занятия Марокко.

Вот – Марокко, Алжир и Тунис; вот Нигерия, Сенегал и Гвинея; вот – грудь, а вот – ноги, меж ними – широкий живот: то – Сахара; знаете расстояние от руки до ноги современной «француженки»; от Алжира до... скажем, Луанго; я – вымерил: расстояние от Алжира до этого пункта равно расстоянию от Москвы и до Лондона; расстояние крайних точек ее поперечника (в талии) – от Сен-Луки до египетского Судана, опять-таки приблизительно, есть расстояние от Москвы и до Лондона; у миниатюрной «француженки», надо признаться – не очень-то тонкая талия; Франция быстро толстеет, она – негритянка; не гальский петух ее символ; и – не кадриль ее танец, скорей ее символ – жираф; ее танец – канкан; и не надо быть тонким провидцем, чтоб внятно понять: уже даже в XX столетии в тонкие звуки «рояльной» культуры Европы войдет глухо-дикий рыдающий звук барабана, там-тама; «ля-ля» превратится в звук: «бум». И забумкает звуком «бум-бума» пространства Европы.

О, бедная Франция!

Африканскую Францию ныне слагают – во-первых, трехцветие берберийских культур: то – Марокко, Алжир и Тунис: европейская Франция – треть их тел; далее следует – грозный Туат и Сахара (равны восьми – «Франциям»); ниже – снова три «Франции»: Сенегал и Гвинея, а Дагомея, слоновое побережье, опять-таки превышает размерами европейскую Францию; кажется, что Нигерия составляет две Франции; около четырех их составят: Убанг, Габон, Среднее Кон-

го и земли бегущие по направлению к востоку от озера Чад до – Эль-Фашери и Бахр-Эль-Газалья. Так 22 Франции составляется вместо одной; судьба Франции ужасает меня; иль она – механически нагроможденная глыба: колосс глиноногий, который рассыплется скоро (не может не рухнуть он), Францию очень скоро постигнет удар в этом случае; и – мне жалко ее; если ж Франция есть организм, а не двадцать две «Франции» плюс «европейская» Франция, то – вдвойне ее жалко; ведь белая кожа культуры обварится в африканском котле, почернеет зловеще ожогами негрской культуры.

Да, да, – во второй половине истекшего века тишайше свершалось завоевание знаемой Францией двадцати двух неизвестных Франций, пока пребывающих в подсознании французов, но обещающих всплыть очень скоро в «мулатских» произведениях ново-французской культуры, уже выявляющей вкус «Oriental» и «Arabe» – начиная с Гонкуров, Барбье д'Орвели, Маллармэ и Рембо до Гогена, Клоделя и прочих пророков «мулата» в французе⁵³. Завоевание Францией двадцати двух своих «Франций» есть, собственно говоря, завоевание Нигерией, Дагомеей и Конго – старинной Европы; Европа – «юнеет»: Европа – «мулатится», собираясь «онегриться»⁵⁴; пока еще что только милые негритенки

⁵³ Во время написания этих строк автор не подозревал о том, что через десятилетие произведение негра Морана будет удостоено Гонкуровской премии.

⁵⁴ Это помолодение сказывается в «Джимми», «Фокстротах», в джасбанде и т. д.

– апашаи шалят себе в древнем Париже; и то ли еще мы увидим – в текущем столетии: вероятно, увидим мы скоро оазис Сахары – «юнеющей» Франции – в городских, крупных центрах: в Париже, в Марселе, в Лионе, в Бордо; вероятно, бэбэ, именуемые апашами, пожелают продеть себе кольца в носы и облечься, согласно инстинкту, в звериные шкуры; и, может быть, разовьются в песчаный оазис – со скачущим туарегом, фалангой и коброю.

Бедная переглотавшая Франция, обреченная быстро свариться в наглотанных «Франциях».

В плодоносных лучах и тропических жарких лесах пока что закипает стремительно цивилизация будущей Франции; появляются неофранцузы среди нигерийцев, и зреет Нигерия в сердце француженки; множатся быстро полки сенегальских стрелков, составляющих, может быть, наиболее верную, храбрую часть вырастающей армии, угрожающих в будущем африканским колониям Англии, не умеющей взяться за души суданцев; я знаю наверное: в будущей европейской войне негритянская армия будет оплотом французов. Мы ахнем!

Порой нелегко доставалось французам завоевание Африки: кровь проливалась рекою и битвы шумели за битвами; а – во французской палате молчали о громе орудий в Нигерии; из боязни, что гром тех орудий пробудит вниманье Германии, или Англии; страх лишиться колоний смыкал очень часто уста депутатов: от правых до левых; мы знали историю

министерских скандалов; то все – пузыри, пена, пыль; нам она подносилась охотно французской Палатой: жемчужины прятались под шумок мимолетных скандалов, пощечин, дуэлей, шантажей. И вот генерал Буланже прогремел на весь мир; этот жалкий «трескун» – знаменитое имя; а Самори (гениальный, отважный стратег), – ну признайтесь: о нем вы что слышали?

Во второй половине истекшего века полки за полками впервые прошли в Сенегал; в восемьдесят третьем году (так недавно еще!) они были у берега Нигера; в это время полковник Делорб взял Баммоко; и – кто знает? А в восемьдесят седьмом – на французов поднялся с востока и юга могущественный негритянский король Самори; и кидал много лет на французов свои чернокожие толпы; о нем не писали в газетах; весь мир говорил: «Буланже, Буланже». И напевали известнейший марш – Буланже; я едал Буланже, испеченного из вкусного мятного теста: то было... в Клину.

Замечательный вождь, – Самори разбивал многократно колонны французов; вот как о нем повествует участник суданских походов⁵⁵: —

– «Самори. Имя это... гремело... в Судане; заслужена слава его; легендарно его появление; и – эпопея владычества этого деспота... В восемь лет образуется им государство, равное 400.000 кв. километров;... образует громаду. И став победителем, принимается он за реформы». – Баратье

⁵⁵ Lt.-Colonel Baratier. A Travers L'Afrique, p. 67.

нам подробно рисует военные, религиозные и финансовые реформы, произведенные быстро, талантливо среди громов войны, чернокожим политиком; и – говорит:

– «Все усилия Самори устремлялись против нас; в продолжении шестнадцати лет нас держал начеку он; в... сопротивлении отмечаемы два периода: от 1882 до 1886; и – от 1896 до 1898... События показали нам, что Самори вождь народа, стратег и политик»... – Характеризуется первый период упорнейшей франко-негрской войны отображением у Самори ряда пунктов (Уоссебугу, Сегу, Кониокари, Ниоро); – и завершается этот период: падением Канкана.

Но Самори не сдаётся: упорно он бьёт в стальные заборы французских стрелков чернокожими стаями; одновременно: пытается он в передрагу втравить англичан; его посланцы в Лондоне; и находят они – благосклонность, внимание; но англичане боятся открыто поддерживать черного друга; он чувствуя силу французских штыков, делит надвое армию; и одной половиною отбиваясь от французов, другой покоряет себе ряд племен, их вливает в себя; и – отступая под натиском Франции, не уменьшает пределов возникшего негритянского государства; характеризуя стремительность, ум, дальность, отвагу упорного чернокожего воина; Баратье называет его:

– «Африканский Наполеон»!

Удивленье французов перед гением «черного» – поневоле наводит на думы: о «черных» во Франции: о их будущей

миссии; не мешает задуматься над характером Франции XXI века; субстанция, из которой он с лихорадочной быстротою формирует полки, чтобы их перебросить на север – совсем неизвестна Европе⁵⁶. Недавно в прошедшем году, для угрозы арабам уже переброшено для усмирения Феца – теперь. Это – первое веянье передвиженья на север лавины: дымок над жерлом африканского кратера, непотухшего и собирающегося на нас выбросить свою черную, раскаленную лаву.

Но – Самори?..

Защищаясь, как лев, Самори лихорадочно учреждал в государстве своем арсеналы; шпионы его рассыпались всюду; он – всюду пытался выведать тайны отливки орудий; и пробовал даже их лить. Но французы упорство ломают его; окружив, берут в плен; негритянское государство глотается африканской Францией: а бивавшие европейцев полки африканцев становятся быстро французскою армией. Множество черт возникающей Франции – Франции черных – разбросаны в сочинениях Баратье, Дюбуа⁵⁷ и др.

Предоставим же слово полковнику Баратье о недавних врагах своих; о покореньи Судана он вам повествует:

– «Никогда еще не вызывала победа в Европе такого от-

⁵⁶ Опять-таки: близкое будущее показало, что автор, пишучи в 1912 году эти строки, был-таки прав: в 1914 году чернокожие показались в Европе; поздней они были в России (в Одессе – так, кажется); общавшиеся с сенегальцами русские свидетельствуют о чуткой их восприимчивости.

⁵⁷ *Felix Dubois*. Tombouctu la Mysterieuse. Ouvrage couronner par L'Academie Francaise. Paris.

крытого равнодушия; но никогда, может быть, не встречали французы сопротивления такого в рядах неприятеля; мы нигде не несли таких тяжелых лишений, кровавых потерь, как... в Судане... но с суданскими нашими битвами не считаются как-то. Разве что-либо знают о взятии Уоссебугу, Досегвалы и Диэннеи? Но – следует сохранить для потомства воспоминанье о взятии этих пунктов, во имя и победителей, и – побежденных; боюсь, что слова мои вызовут смех, если прямо скажу: пред героями мы стояли; бившиеся до смерти, – герои... как вожди выше названных городов». – Повествуется далее: – «Лишь попал я в Судан, как молва о сражении при Уоссебугу охватила кольцом меня... от большого селения лишь осталась груда развалин... торчали еще: цитадель, арсенал... следы пламени были единственной памятью о героическом предводителе черных, о Бандиугу-Диара»... Далее, описуется самая бывшая битва: «Уже под напором штыков защищающие переброшены к середине поселка; засели они в стенах строений; и открывали по нашим рядам смертоносный огонь; вот – врываются наши стремительно в гущи дворов: а противники отступают в дома; двери выбиты; никого не осталось; и – режутся в глубине темных комнат; и – штык за штыком вырывается из руки пехотинца; уж круг осажденных сжимается; вождь – посередине его; не сдает он позиции... под развалиной крепости, среди моря огня... предпочел Бандиугу-Диара взорваться с детьми, с негритянскими женами – не согласился на сдачу; в своем героическом

порыве, как некий Самсон, колебавший колонны святилища, он под ним схоронил, погибая, врагов... Опаленные взрывом развалины ныне стоят, как... останки... античного мира»⁵⁸...

Вот повесть о взятии Диэннеи:

– «То был первый вечер во взятии приступом Диэннеи. Защитники – пали: никто не остался в живых; всюду, в лужах крови, были трупы... Простерлась над трупами ночь. Часовой, прижимая ружье, цепенел в вершине холма... Вдруг он видит: приподымается тень – там, над трупами. – «Кто ты?» – бросает вопрос он; и – тень отвечает: – «Я вождь Диэннеи: убей меня!» – приближается, и, показав на ружье, говорит: – «Я – начальник: убей же меня!» – Но часовой отрицательно начинает качать головой... стрелять не имеет он права (ведь выстрел среди ночи – тревога). И – часовой отвечает: – «Ложись: не имею я права стрелять!»

Но побежденный начальник погибнувших войск Диэннеи опять его просит: – «Убей меня!» – И часовой отвечает: – «Постой». – Он подходит к заснувшим солдатам: и – одного из них будит: – «Возьми свою саблю...» – И оба подходят к начальнику чернокожих; тот – пробует лезвие острой сабли: – «Да – хорошо: так – убей же!» – И вытягивает шею, он падает перед солдатами... И один из солдат отступает на шаг... очень резким движеньем откидывается; свист взлетающей сабли, и – блеск... сабля падает – падает вождь Ди-

⁵⁸ Lt.-Colonel Baratier. Au Soudan.

эннеи с главой, отделенной наполовину от плеч...»⁵⁹ – Я нарочно привел два рассказа; в них масса штрихов, поднимающих перед нами завесу недавнего прошлого: мы читали газеты о прениях во французской Палате; мы знали подробности жизни болтающих там адвокатов; и вороватый мосье Депю-тэ, облакаясь во фрак, с шапо-кляком в руке, полонял наши думы, как... полонял наше сердце подчас генерал Буланже, как пленил он однажды мне детский желудок (ах, мятные пряники клинкой лавочки Скокова, изображавшие Буланже. Дети их помнят!). О том, что свершалось воистину с Францией в это время, не знали, конечно, все мы; в это время героически кидались полки на зубцы крепких стен – Тимбукту, Диэннеи, Канкана; мы знали одно про Канкан: «Это танец! Последнее слово культуры пленительной Франции». И не знали мы вовсе, конечно, – насколько то слово есть слово последнее – Франции, Абеяра, Ришелье, Д'Аламбера, Мольера, Расина; и – прочих французов; и – первое слово (младенческой Франции) будущих Самори, Бандиугу-Диар, и... как бишь их грядущих, имеющих скоро возникнуть во Франции «неофранцузов», – французов с ожогом лица, – образующих негрскою кровью своей – прожег на лице белой, нежной Европы; Европа сгорит, может быть, в динамите тропических стран, ей доставшихся, как наследие от... черта. В том скором, быть может, пожаре, в громах его, не узнаем мы молний, ударивших в тело «французской» Европы. А между

⁵⁹ * Au Soudan, p. 153.

тем: отблеск молнии – в звуке «Канкан».

Отблеск молнии – жесты взлетающих ног буржуа депутата: в кафе-кабарэ; эти жесты потом повторялись у нас – среди купчиков; и летучее слово «Канкан» облетело Россию. В Царевококшайске, в Саратове, в Сольвычегодске, в Бугульме наверно плясали Канкан: и – говорили друг другу: «Вот танец-то: одним словом – «Париж». – Может быть, и в Париже так думали: «Наш Paris заострился в Канкане: и fin du siècle заключается в размахавшейся пятке»... – Но эта махавшая пятка не думала вовсе о том, что то – жесты грядущего взрыва во Франции: взрыва коросты «белых» французов во взрыве взлетающих и махающих пятками; взрыве «Африки» в старом Париже, неосторожно доверившим стенки желудка, покрытого язвами явства, – двадцати двум проглоченным «Франциям».

Сенегал, Дагомея, Нигерия, может быть, расположатся лагерем, окружая своим чернокожим кольцом укрепления Парижа, – во Франции; оттого-то рассказы о храбрости сенегальских стрелков, или рассказы о храбрости «Банди-угу-Диара», пестрящие мемуары участников сенегальской, суданской кампаний, – вески, значительны; в них встречает нас яркая характеристика будущих европейских соседей.

Но жест, о котором в наивном восторге наивно гласит Баратье – жест жестокой, взлетающей сабли солдата над бедным героем немой Диэнней, – тот жест возмутителен; падает сабля, и – «падает вождь... с головой, отделенной наполови-

ну от плеч»... Не Судан ли наш будущий суд: суд над Францией болтунов, буржуа, адвокатов, банкиров, гоняющей броненосцы в Кронштадт, проливающей слезы о милом Эльзасе; и – под шумок опускающей саблю на голову храбреца «*pour manger son Cigot*»?

Не свершался ли в это мгновение в Судане суд Божий над Францией?

И, быть может, французский грядущий историк, из черных, – какой-нибудь Ахмет Баба напишет последнее слово; – «Это был вечер по взятии укреплений Парижа. Защитники – пали: никто не остался в живых... простиралась над трупами ночь... Часовой, прижимая ружье, цепенел... Вдруг, он видит, приподымается тень, там, над трупами: – «Кто ты? Скажи!» – «Ле-Франсэ: вождь погибшей прекрасной страны, подарившей Европе Мольера, Вольтера, Дидро, Д'Аламбера, Вэрлена... Убей же меня...»

Чернокожий стрелок разбудил потихоньку кого-то по имени Бандиугу-Диара: упал Ле-Франсэ, странно вытянув шею; и – сабля блеснула; и Банди-угу-Диара своим лезвием начертал роковую черту на истории Франции»...

Брюссель 912 года

Вновь Радес

Добродушный Али ежедневно заводится в комнатке; потчует чаем его; он – позирует Асе, сидит перед нею; и дергает пальцами коврики; мы оценили доверие: не допускают арабы портретов и снимков; коварные руки коснутся, иголкой снимок проткнут; и – Бог знает, что будет от этого.

Так рассудил и Али, когда сняли его для судебного следствия (он, защищаясь от пьяниц, кого-то пырнул), но он выкупил снимок; и с ним – негатив, чтоб... разбить: заплатил двести франков.

Ценю поведение Али: перед женой сидит он, послушно позируя: дуется чаем, сластится бисквитами.

* * *

Крыша; Радес!

За горами, цветами ползет к среброствольным оливкам пустыня: сойдя с корабля, здесь ослепнешь в зеленом и белом во всем, засыпая в миндальные запахи; в каменистых вазах, наполненных водами, дергает рыба своей бриллиантовой спинкою; дергает лик отражение под сикоморой; а пестрая птичка слетает к гробничке: пить воду и делать:

«Прх-прх!»

Вся в серебряных шариках влаги она.

* * *

Знаю: чащи Радеса; взовьется, – проступит пустыня во всем; а завеса червонится розами: кобра – под розами! Над ручейком – прокаженный, уж кубовый, вечер разъеден буреющей прорвиной, свиснувшей в кубовый вечер сухими песками; они заедают глаза уже в марте, когда пережарься, полянки – лысеют песками; зажаренный будешь в апреле, а в мае вспылаешь, как листик бумажки; и кучечку пепла развевает – июнь.

* * *

Наклоненная Ася над твердым картоном: а перед нею Али, ставший темно-кофейного цвета; когда мы приехали, бледно-кофеен был он; сесби, рыбий разинутый рот, из которого точит миндаль лепестки, точно капли, в колено Али; оскаливший окрестности диск дозирует от ужаса красным кусочком – из кактуса: краюшком, точкою, искрою; – нет ничего: убежал! Светозарятся зори в лазури: как красные щеки объятого гневом лица, – все бока всех домов! Забледнеют они просерением злости; сорвутся окрестности, лягут клочками огней, из кафе – на пылимую площадь; вся тьма оплот-

неет, как камень; на площади будет лежать черножелтый ковер, точно кожа громадного ящера.

* * *

В юности я изучал Шопенгауера; мне начинали казаться все вещи: идеями; так и теперь; полосатую шкурою зебры шла ночь, укрывая свой лик: полосатую шкурою зебры.

* * *

Сахара есть воля Тунисии: домики: садики, цветики, — мир представлений.

* * *

Два цвета себя дополняют; и вот: черноцветием кроется житель Марокко; снежайше бурнусами веют Тунис и Алжир; и меж ними — вся гамма оттенков: зеленых, лиловых и синих, и желтых, и красных, как «пря» представлений.

Здесь в дюнах песчаного моря, заводятся темными блохами берберы, коричневея борьбою с белейшим арабом; и искрами давних ударов на камне стены высекая всю радугу красок.

Четыре ступени идей протянули свой мост: различимы че-

тыре культуры; во-первых: культура Берберии – черная, черно, коричнево-серая; в коричневеющей почве копается темно-коричневый бербер в коричнево-сером своем капюшоне, с которого кисточка курится красно-коричнево-кирпичным цветом; коричневые дуги и шашки орнаментов; этот коричневый цвет перегаром чернеет, – в Марокко; откуда коричневый цвет? Белый светоч, взметнул пыль веков, прокраснев, пробурев, прокоричневев, все же сквозь них высвечивается краскою.

А вторую культуру синит, зеленит арабеска Туниса: откуда она?

Белый свет залетевшей культуры сквозит землистою темною; синятся прозрачные светы во тьме; так арабством пестрят берберийские быты.

Оранжево-желтыми красками брызжется берберство в светлые стяги арабов на юге.

Белеет бурнус Кайруана, как призрак, как отзвук великого света огромной культуры, здесь вспыхнувшей, здесь же погасшей.

* * *

Не верю в радесские роскоши я: прохожу, согнув спину к... Али; в черно-сером плаще истомился Али, истребив все бисквиты и выпив весь чай...

– «Ну, довольно», – советую Асе, – «а то истомился он

бедный»...

Заплакала палица бархатным басом «там-тама»; как каменным шаром, кидается в сумрак она – из окна освещенной кофейни; а в грубые ругани рухнувших звуков (и бухнувших гудов, и ухнувших дудок) какая-то гоготливая дудочка кричит, кудахчет, как курица; вот и мосье Еринат нам пришел предложить посмотреть... на египетских музыкантов.

Пошли.

* * *

На помосте противный слащавец, почти еще юноша, весь в притираниях плясал *danse de ventre*, и – вращал непристойно ходившим меж ног животом, перетянутым шарфом, кидая в пространство гортанные страстности:

– «Что он такое кричит?»

– «Непристойные гадости», – сплюнул мосье Еринат хладнокровно и просто.

Арабы дрожали, впиваясь глазами, нестройно стараясь подтягивать: гадостям; Ася дернула; и – показала налево: на нас разверзался огромный, весь рыбий какой-то, как яшмовый камень, из век вылезаящий глаз; безучастный араб, обладатель раздутого глаза, другим наблюдал, как и все, за ходившим меж ног животом развращенного юноши:

– «Что это?» – дернул рукою мосье Еринат я.

– «Последствия»;

– «?»

– «Вредной болезни».

Каир 911 года.

Али Джалюли

Мавританское здание с пестрым подъездом, с живой, с поющей водою в саду, с антилопами:

– «Чей это дом?»

– «Джалюли».

* * *

Среброствольная роща оливок; над нею – зоря; величавый старик, опираясь на палку, плывет на зорю; в ветерок заплескал бирюзовый отлив гондуры; незапятнанно чистый бурнус за плечом шевелит своим краем под белой повязкой, отчетливо сжавшей чечью, под которой умнейшие очи впиваются в зори; и чешутся ветром седины в атласы сквозных, нежнорозовых прорезей;⁶⁰ тихо проходит в оливки...

– «Чья рощица?»

Снова ответ:

– «Джалюли»...

⁶⁰ Гондура на груди у араба имеет часто длинный вырез, сквозь который видно нечто вроде жилета.

* * *

Из поющего птицами сада пестреют колонки, блестят изразцы; антилопа метается в клетке испуганным рогом:

– «Чей сад?»

– «Джалюли»...

* * *

Кто такой? Или верней – что такое? Быть может, не имя, а форма ответа, «киф-киф», или «емши»?

– «Кто такой Джалюли?»

– «Вы не знаете? Бейский министр; был он первым в Тунисии; умер уже с месяц: настроил в Радесе дома, закупил себе рощи оливок, сады разводил; и вот – умер».

* * *

Люблю старика в бирюзовой, сквозной гондуре; «бирюзовым арабом» зовем его с Асей; о нем я писал уже; он – наша склонность; при встрече и он дозирует внимательно нас:

– «Кто тот гордый старик?» – раз Ася спросила у М. Епинат.

– «Джалюли»...

– «Но он умер»...

– «То умер министр; это брат его, старый Али Джалюли; тут – история целая, вроде, как сказка» – и он усмехнулся.

– «Вчера еще вот он был беден, у нас занимал, – не без гордости вновь усмехнулся М. Еринат, а сегодня – богач: Джалюли был бездетен; громадная часть состояния ныне Али и детей его».

– «Так почему же покойный министр допускал, чтобы брат его бедствовал»...

– «Сам же Али виноват; он – не брал ничего: от детей и от брата».

– «?»

– «Его-то ведь дети – каиды; один – кайруанский; другой – каид Сфакса; он смолоду сам был каидом; он сам был бы первым министром у бея, который его уважал, да... пришлось вот, бежать ему: он укрывался в Сицилии; земли и деньги его отобрали в казну».

– «Почему?»

– «А вот видите», – тут затянулся М. Еринат едким дымом коротенькой трубочки, – «он – патриот: до сих пор он горюет о том, что Тунисию мы оккупировали; но винит во всем бейскую власть, разорившую берберов; он с братом бея во дни своей юности тайно составил решительный заговор; целью их было: низвергнуть тогдашнего бея; но заговор этот открылся; брат бея был вскоре отравлен; Али же – бежал; укрывался в Сицилии он до занятия нами Тунисии; смерть

бы ему угрожала; впоследствии он возвратился; но жил вдалеке от двора, разумеется; и разводил виноград на скромнейшем участке земли, как простой сельский бербер; сыны его знатны у бея, а он... он – в опале, конечно».

– «Теперь он – богач: ну, не сказка ли?» – так в заключение мне улыбнулся М. Еринат; мы ему улыбнулись в ответ; мы давно полюбили Али Джалюли, проходившего сказкой Гарун-аль-Рашида в зорю: из оливок.

Каир 911 года

Знакомство с Али Джалюли

Уже перед самым отъездом и мы познакомились с милым Али Джалюли; мы вернулись с полей, пробираясь по площади; перед «Bureau de Tabac», заболтавши с М. Epinat, Джалюли опустил снеговейную бороду в шелесты розовой прорезы в бирюзовом отливке хитона, склоняясь тюрбаном; и – пальцами тер переносицу носа; а просини ясных ласкающих благожелательных глаз устремились на нас; он М. Epinat показал головой в нашу сторону, что-то спросил; и М. Epinat нас окликнул:

– «Monsieur Bougayêff», – так меня называл, – «вы хотите пойти побеседовать с нами в «Bureau»: вот Али Джалюли очень хочет спросить вас о чем-то».

Подходим: знакомимся; входим в табачную лавочку; чем-то польщенная очень Madame Rebeugole переводит цветистые речи Али:

– «Я вас знаю давно», – говорил мне Али; поднимая си-неющий взгляд и играя точеными пальцами с белой лопастью... – «знаю давно: мы видимся часто на наших прогулках».

Стараюсь и я быть цветистым:

– «И мы знаем вас: мы справлялись про вас у М. Epinat.

– «Как и я» – величаво кивает Али, – «и прекрасно: мы знаем друг друга; теперь – познакоимся; вам же могу быть

полезен я знанием мест и людей; я вам дам адреса, указания, справки, надеюсь, вы будете здесь разъезжать, посещая местечки Тунисии; вам адреса пригодятся».

– «Мы – тронуты: жаль, что должны мы уехать».

– «Как? Как? Уезжаете?» – брови Али поднялись удивленно, – «не нравится вам в нашей бедной Тунисии? Вам неудобно в Радесе?»

«Напротив: прекрасные эти места удержали нас дольше, чем следует; мы бы должны жить эту весну в Италии, а вот теперь отплываем в Египет».

– «Надеюсь, вы скоро вернетесь из странствий, или из дальней России: в наш скромный Радес».

– «К сожалению, может быть, мы не вернемся, но всем мы расскажем, какие цветут миндали здесь, как воздух Радеса целебен, какие достойные люди живут здесь; и наши друзья, вероятно, приедут сюда».

Тут Али Джалюли, наклонив седины, помолчал; и отчетливо вскинувши бледный, высокий свой лоб, произнес величаво он возглас, который не сразу обдумал:

– «Да будет судьбой освещен их приход».

Так напыщенно мы говорили за кофе, которым старик Джалюли пожелал угостить нас; прощаясь, он нас пригласил к себе в дом; приглашая меня, он оказывал честь мне (мужчины не вхожи к женатым); Али Джалюли в этом смысле, быть может, как житель Сицилии, некогда уж не считался с обычаем; вот он любезно простившись, поплыл тиховейно к

закату; и вот бирюзовый отлив голубой гондуры колебался по ветру чуть-чуть; колебались, легчая, белейшие складки бурнуса; и в розовый шелк опадали пушистые пряди серебряйших седин.

Больше я не увидел его.

* * *

Ася – видела; я – задержался в Тунисе в назначенный день, покупая билеты до Мальты; описываю посещение Али со слов Аси: —

– в назначенный час, взяв Madame Ребейроль переводчицей, Ася пошла к старику; у старинных ворот мавританского стиля их встретил слуга; ввел во внутренность сада с фонтаном и пальмами; из-за зелени было им видно: Али Джалюли, восседая на корточках под колоннадой веранды, нас ждал очевидно; когда уже гости прошли половину заросшего сада, Али, приподнявшись с подушек, пошел им навстречу; взяв Асю за руку, он тихо поплыл изразцами в свои изразцовые комнаты, где среди арабских вещей возвышалась резная постель колоссальных размеров, и рядом с которой стояло пестрейшее низкое ложе; Али Джалюли показал ей серебрянный кованый ящик старинной работы, сказавши:

– «Коплю я приданое дочери: в этом вот ящике».

После провел он гостей мимо комнат, увешанных сплошь кайруанскими тканями (здесь по стенам все стояли диваны);

в простенках блистал ряд зеркал (из Венеции); здесь в этих комнатах, встретила Асю доверчивым поцелуем дочь старца; ей было всего лет четырнадцать, но ей казалось лет двадцать; ходила она в шароварах широких и пестрых; Али Джалюли называл ее Асе «невестой»; она повела за собою Madame Ребейроль, Асю – на пестренький внутренний дворик с фонтанами (сам же Али Джалюли не пошел), где их встретила старая размалеванная арабка: в шуршащих атласах (жена Джалюли); засыпали они градом быстрых вопросов порой... деликатного свойства, совсем не стыдась; разговор протекал в ритуале арабских приличий.

Потом снова вышли к Али; отпустили гостей с неподдельным приветом и пышным почетом хозяева дома.

* * *

Я помню Али: вероятно теперь он владелец домов и садов, и полей, и маслин: в Кайруане, в Радесе, в Тунисе, еще где-то – там (часть наследства министра теперь перешла к нему); может быть, тот, кто без нас поселится в Радесе, как мы будем спрашивать:

– «Чья это башня?»

– «Али Джалюли».

– «Эти рощи?»

– «Али Джалюли».

– «Чьи сады с антилопами, где так лепечут фонтаны?»

– «Али Джалюли».

И, может быть, как мы, на заре он увидит плывущего ясно-го старца во всем бирюзовом, с чуть-чуть розовеющей грудью, овейанной белостью чесанных мягких волос; и он спросит:

– «Кто этот торжественный старец?»

– «Владелец домов, и лесов, и садов, и фонтанов: Али Джалюли».

И засмотрится новый, неведомый нами жилец нашей башенки в лопасти рвущихся пальм, под которыми шествует старый Али, где он сыплет пригретые весенним светом зерна щебечущим птицам, или важно несет сладкий корм серорогой, метущейся в клетке своей антилопе.

Покажется темнозеленый таинственный всадник из роц – сторож роц; и в косматую гриву оливок уйдет он конем, и поднимется миртовой, пышной аллеей он вверх; и – увидит: пятно голубое далекого моря, да рой парусов, да лиловую гору; быть может, увидит он сверху: за белой стеною, в павлиньих хвостах изразцовых веранд, под витыми колонками на кайруанской подушке, сидящего с синим кальяном... Али Джалюли. Да сияют ему золотеющим пурпуром счастья радесские дни, как сияли они нам безоблачно: десять недель...

Каир 911 года

На Carthage

Уезжаем; прощайте, – Али, наш Али; и – Али Джалюли, и – Радес, и – Madame Rebeirole, и – Monsieur Epinat; напоследок жмем руки; и – тронулся поезд; и – мимо мелькает Тунис.

* * *

Мы с высокого борта «Carthage» озираем далекие холмики; тихо вливается рябь в полноводные бухты Туниса; как пришлый народ: разливается, грабит по берегу моря, пыхтят по полям на авто, пробираясь на поезде к дальней Гафсе; и оттуда – плестись по пустыне на рослом «мехари».

Да, – верх Захуана таит свое прошлое, помню, как в бухты вливались триремы, и как легионы, блистая железом, блистая орлами значка, проходили фалангами – строить «testudo» пред строем слонов.

Это – помнит вершина Двурогой Горы.

О, какое количество слез и таимой трагедии здесь, в этой бухте; уже Карфаген поклонился пред Римом; но – рос Мас-синисса, вождь берберов, утесняя тяжелою данью лазурную бухту; комиссия приезжала из Рима, прославленный ветеран аннибаловских битв, Марк Катон, ненавидя заносчивых

пуннов, решил погубить Карфаген, доведя их до крайности; и патриоты – восстали, отдав Аструбалу правление; тщетно последний пытался отсрочить войну: война – вспыхнула; карфагеняне готовились к гибели; все население без различия пола и возраста строило всюду машины, ковало оружие; весь Карфаген ощетинился; мог продержаться он долго; наружные стены толщели на шесть с половиной футов, как нам утверждает Полибий; огромнейший каменный вал из массивов кругом обегал Карфаген; а за валом врагов ожидало не менее триста слонов; и тяжелели казармы; все это твердело вдоль Бирзы, Мегалия, за город, где тонули в деревьях прекрасные виллы (здесь – Марса теперь), защищалось оградой; и был укреплен самый мыс (где теперь – Сиди-бу-Саид). Приступ римлян, пытавшихся в город проникнуть сквозь брешь, отразили; под карфагенские стены был послан тогда Сципион Эмилиан; лагерь римлян стоял перед Мегалией (перед Марсой); и Неферис взят был⁶¹; Мегалия тоже взята; Сципион морил голодом город; но флот попытался пробиться; и все же не мог; Сципион завладел побережьем; вся римская армия нападала на внутренний город, а моровое поветрие нападало внутри; и вот – город взяли; и много ужаснейших суток, перебегая от здания к зданию, карфагеняне сражались на улицах: тщетно. Сенат приказал, уничтоживши город, плугами пройти по земле Карфагена.

⁶¹ Неферис находился у склона Двурогой горы.

* * *

Последняя кучка горланящих берберов, скученных перед канатом; Carthage – задрожал, описуя медлительно свой поворот и пуская волнение колец, отливающих сталью по тихой поверхности; тихо тащились тунисским побережьем; сидели фламинго, не двигаясь розовым телом.

Сливался пятном зажелтевший французский квартал, обведенный свинцовым белилом арабских кварталов; и заросли мачт отседали, малея снастями и копотным доходом чернеющих труб, отбеленные кубы расплющили желтую точку Европы, а кобальты просиней впадин домов, голубея, белились; и кубы, вдаваясь в друг друга, глядели квадратно; едва различимая линия купола, впав в безразличие, вовсе пропала среди мелководий Бахиры; могло показаться: Тунис – лепесток, оборвавшийся с индиго-синего неба из облачной розы над водами тихой Бахиры какого-то купоросного цвета; он весь изошел испарением вод; и – подкрался Мыс Добрый; бежала Голетта и холмики; Бирза – прошла; превозвысился Сиди-бу-Саид.

* * *

Карфагенская крепость, глядевшая некогда с Бирзы, име-

ла в окружности около трех тысяч метров; и храм Капитолия после поставили римляне здесь; шестьдесят ступеней возводили к нему, в рукаве же заливыча, с юга, укрылись старинные гавани; кругообразная гавань внутри называлась у пуннов Кафон; неподалеку гремела торговая площадь; дорога песчаной косою (где ныне бежит из Туниса к Галетте трамвай) защищалась стеною...⁶²

* * *

Разливанными плясками море обстало; и Ася исчезла – прилечь, убоявшись качаний; бродил по приподнятым палубам: крытым, открытым, без тента и с тентом, среди роя отдушин, приподнятых малыми трубами, мимо двухтрубья, тяжело дышавшего дымом, и мимо дверей, изукрашенных надписью: «Кухня», «Курильня», «Телеграф», «Первый класс»; щебетавшие дети, пролазы, как я просыпались, влезая по палубам; качка кренила осыпанный светами кузов; и поршни пытели:

– «Ух»-«ух»!

Прослезилось Венерою небо: дрожал диамант, собираясь упасть в восхищенный закат, зашатавшийся далями: то горизонт выбегал, то опять горизонт приседал; и тогда, ухватившись за борт, молодая прекрасная дама, склоняясь за борт, –

⁶² См.: Моммсен. История Рима. Т. II, с. 30–31.

словом, зрелище не из приятных... Уселся в читальню, листая какую-то книгу; но громкий звонок дребезжанием все огласил; я – спустился в салоны.

Брюссель 912 года

Валетта

И брезжило утро.

На севере бледно наметился в светени: точно зигзаг; и звончали зигзаг за зигзагом вдруг лопнувших стекол, которые крепко кремнели; кремнели – из утра: и – взорами линий, и – желчами; промути мазали синью и сиренью – желчи, и вот натяжение линий расперло рельефами; розовый верх прокаймился из неба, как сколотый с неба кусочек стекла; и – растрескался очерком выступов, крепнувшим аспидным цветом; явилась земля, где дотоле являлось лишь небо.

– «Не Мальта ли»?

– «Мальта».

И бледная Мальта наметилась кряжем обрывин; меж нею и нами играли дельфины; как девушка, вспыхнула в солнце: и желтым, и розовым; вы каймились и утесы, и стены, с которых ниспала Валетта крутым пробелением лестницы, точно улыбкой; понятно, что рыцари выбрали эти места, упавая орлами на них, и поднявши свой клетот, который отдался горами Сицилии, бухтой Туниса и Суз, долетел до Джербы; и – смутил воды Триполи.

Многими сотнями круто-приподнятых крыш повесает с утесов над старыми башнями город: горами зажатый залив пролитой полосой в желторозовый, многоступенчатый город завел пляску выплесков цвета синейшего кобальта; фыркнул

фонтанчиком пены взыгравший дельфин; и крутейшие улочки всюду открылись – с утесов: обрывами лестниц.

Уже пароход задрожал, бросив якорь; уже мы, как дельфины, на прыгавшей лодочке – в кобальте выплесков мимо сталеющих башен дредноутов; вон из барбета просунулось дуло: на острове Мальте – стоянка эскадры: семейство стальных англичан приседало в заливе, вот выскочит:

– «Бух».

И свистящие конусы бухнутся дугами.

...Не понимаю, как мы очутились в отеле; нас встретил смуглач, турко-грек, или арабо-испанец (кто знает?), такая же турко-арабо-испанка, хозяйка нас встретила:

– «А? Вы – в Египет»?

– «Так вам надо ждать парохода, ну, эдак, с неделю...»

Сказала, и – мрачно повесила нос; а арабо-испанец повлек сундуки по верандам, где не было внешней стены, и куда выходили все двери сдаваемых комнат; ряды коридоров повисли системой террас над квадратиком двора; тут мы узнали, что надо бежать – прописываться: в участок.

Казалось: никто не желает нас видеть на острове Мальте; хозяйка, потупясь, сказала – кислейшею миной:

– «Уедете вы: и зачем вам отель»?

Отвечали на мину кислейшими минами:

– «Да, но скажите, как мы уедем? Не на дельфине, надеюсь»?

– «Да дайте же нам хоть воды в ручкомойник». Но кислые

мины гласили:

– «Зачем»?

– «Вы – уедете».

Кисло потупилась комната: вещи, казалось, хотели прыгать через дверь, застучав; за вещами, казалось, и мы – простучим: вниз-вниз, вниз; мы прошли прописаться, чтобы после наведаться в агенство: может быть, думали мы, нам удастся удрать, хоть... до Триполи, хоть... на дельфине.

* * *

Кидались разбросанным кобальтом плески над кручей, где мы, наклонясь у перил, наблюдали валеттские⁶³ лица; их цвет – сицилийский, а губы арабские; зорко безглазые прорези нас наблюдали (по-гречески как-то) на улочках, шедших в тенимые сини залива, откуда торчали барбеты; меня поразила мальтийка; она – во всем черном; над головою ее надулось, как парус, не то – покрывало, не то – головной, преогромный, весь черный убор, укрепляемый, кажется, с правого бока на проволоке; головные уборы надулись от этого; стаи мальтиек неслись на своих парусах мимо нас; мне запомнились: площадь, собор, губернаторский дом, где у входа блистал, застыв яркими саблями, мохноголовый отряд белоштаннных солдат в баклажанного цвета мундирах, так блещу-

⁶³ Валетта – главный город Мальты.

ЩИХ ЗОЛОТОМ:

- «О, черт возьми».
- «Вот – красавцы».

* * *

Дверь агенства: полный брюнет, посмотрев на письмо из Туниса, задумчиво нам говорит:

– «Пароход, на котором должны были плыть вы, – ушел: нынче утром»...

– «А впрочем»...

– «Могу вас устроить: часа через два отплывает с грузом железа в Китай; там – найдется каюта»...

– «И если согласен на то капитан, отчего же – плывите себе на «Arcadia»...

– «Как же узнать», – вопрошаю я робко.

– «А вы подождите».

И толстый брюнет побежал в телефонную комнатку, перезвонился; и – выбежал:

– «Да – капитан соглашается»...

– «Вот вам билет: торопитесь».

Торопимся: и задыхаясь, проносимся каменной лестницей вверх, до отеля; прощайте, мальтийские рыцари, башни и стены, часовенка, полная черепов: не увидим мы вас.

* * *

Арабо-испанец проводит к коляске:

– «Вот – видите: вы – не жильцы»...

– «Для чего вам вода, рукомойник, белье на постель»...

– «Не нуждаемся в вас», – провожает глазами сердитая крылоголовая женщина.

Пляшем в качаемой лодке на сини залива; и там где-то грохнуло: с каменных фортов.

* * *

Стоит – пароход; из Германии, с грузом железа; потащит-ся к Янг-Тсе-Киангу – через Суэц и Цейлон; капитан с бородой Черномора, блистающий золотом ясных нашивок на синем мундире, кричит на команду китайцев; вон тот голоногий китаец в соломенной шляпе, со свернутой черной косой, в темносинем, оливковым ликом лопочет у кучки канатов; слуга, вероятно, берлинец (по говору) – тащит в каюту:

– «Здесь можно и – жить, и – писать».

– «Вот и столик».

– «И полочка»...

Подали чай: комфортабельно! Вот молодой офицер, про-бегая, бросает:

– «Mahlzeit».

Угощают вкуснейшим немецким печеньем.

* * *

Поплыли: немая стена в горностаевой пене прибоя, поднятая аспидным роем утесов, – отходит: на северо-запад; отчетливый верх – прокремнел; и – бледнел; каменистый рельеф улегчается вновь натяжением линий, чертимых из воздуха; скоро угасли зигзаги, последний неясный зигзаг исчезал.

И – как есть ничего.

Брюссель 912 года

Arcadia

Четверо суток качались в волнах; за обедом, за завтраком – не было скуки; старик капитан, уроженец холмистого Штутгарта, – тридцать лет плавал; старик угощал нас печеньем, печеными яблоками и разговорами о чудовищных спрутах и змеях; мы были, как дома; взбирались на мостик; берлинец, морской офицер, баловал нас, давая роскошные книги с картинками; старший механик водил за собою в машины.

Команда китайцев, свернув свои косы, тянула сырые канаты; а нос поднимался медленно – кверху; и книзу опять опускался.

Вот – утро: бежим в офицерскую; ласковый немец слуга нас встречает:

– «Mahlzeit».

Расставляет перед нами горячий кофе, печенье и мясо; потом поднимаемся; под капитанскую вышкой, под тэнтом садимся в шезлонг; погружаемся – в плески...

* * *

Три дня мы плывем: ни клочечка земли; разыгралась поверхность, порой разверзаясь пучинами лабрадорного цвета;

я думаю о сокрытой под нами таинственной жизни глубин – о чудовищных спрутах; они поднимаются редко к поверхности; у берегов Ньюфаундленда был найден один такой спрут, у которого туловище обнимало 5 футов, а каждая щупальца простиралась на шесть саженей, угрожая своей трехвершковой присоской; точно такое же чудовище найдено было у побережий Аляски, у острова Павла⁶⁴; у спрута – зеленый, светящийся глаз; пред собою увидеть его под водою – не очень приятно.

Я думал о рыбах глубин, разрываемых в воздухе, думал о странных созданиях, у которых два глаза сидят на длинейших, вращаемых стержнях; я думал о рыбах, бросающих свет – перед собою; и я думал о прочих морских чудесах, обнаруженных экспедицией монакского князя.

* * *

Потом начинали бродить по «Arcadia» мы; на ларях отдыхала команда; вот куча ларей отделила корму; мы, вскарабкавшись, перебегаем по ящикам; и – попадаем совсем неожиданно на... скотный двор: в клетках хрюкают свиньи, кудахтает курица; тащится тихо ленивый баран на свободе; над свиньями висится кормовая, высокая палуба: там измеряют матросы глубины.

⁶⁴ Индийский океан.

Вчера плыли мы посередине лазурного моря; и синие сини ходили вокруг в лабрадорных оттенках; сегодня же море жижеет; и плещутся мутные зелени в крепнущем жаре; склонились к берегу Триполи; тут угрожают песчаные мели; и измеряют тут целыми днями морские глубины матросы.

Порою бросаем мы взор на приподнятый мостик; старик капитан ходит взад и вперед там; и мы поднимаемся смело по лесенке (он разрешил нам к нему подниматься); он тыкает пальцем в огромную карту:

– «Вот здесь мы».

– «Вот видите – Крит».

– «Мы его миновали уже».

– «И теперь поплывем параллельно Египту».

– «А что же рисование»?

Ася приходит с картоном; старик, расправляя седины, садится – позировать, Ася рисует его; между ними – нежнейшая дружба; старик все зовет нас с собой:

– «Ну чего вам в Египте: воспользуйтесь случаем, что мы плывем так далеко; я вас бы оставил охотно; вы нам не мешаете: наоборот, веселее плыть вместе; увидите Индию, Ян-Тсе-Кианг; а в Японии будем стоять мы два месяца; можете вы осмотреть всю страну.»

Нас прельщает далекое плаванье, – но... – мы без денег: в Каире ждут деньги, наверное; но ждать «Arcadia» нас не намерена: даже в Суэце она не останется, прямо пройдет через Красное море – до Индии:

– «Вот в Порт-Саиде всю ночь будут нас грузить углем; с рассветом пойдем мы Суэцким каналом; и после мы в море на 23 сутки».

Мне – грустно: мне хочется в Красное море; рукою подать. Недалеко Суэц; дальше – Рас-Магомет, оконечности каменистой Аравии: там возвышается в далях, над мысом – Синай; недалеко ведь Джедда; все Красное море длиною каких-нибудь две с половиной тысячи километров; мерещутся: Мекка, Медина и Мокка; мерещется мне Суаким, где заширится море, мерещутся красные краски его (от растения из «trichodesmies»); Баб-эль-Мандеб, или «ворота из слез» – вспоминаю: Аден, океан.

Нет, довольно мечтать.

– «Вот как выйдем мы в Красное Море, – охватит жара», – продолжает болтать капитан.

Разговор переходит на змеи:

– «Конечно, громадные змеи – не сказка: свидетели есть у меня; и – выдавшие... Э, да не верьте ученым: ученые просто не видели их; меньше шансов увидеть им; мы моряки, эти шансы имеем; мы – видим; и вот, в этих водах они – тоже водятся»...

Мы – умолкаем, и я вспоминаю невольно: все ужасы моря; сказанья о страшных кальмарах встают: осьминог может в бездну, схватив своим клювом, увлечь за собою корабль; по преданию древности: есть осьминоги длиной с настоящую милю; мне вспомнился бой с осьминогом, описанный Викто-

ром Гюго, и чудовищный бой, нарисованный Жюль-Верном.

* * *

Пучины, волнуясь, кипят; наклонившись за борт и держа рукой шляпу, вперяюсь глазами в водовороты кормы; здесь, в воде, укрывается жизнь: Средиземное море – обильно; под этой поверхностью ерзают быстро миноги (длиною до метра); во тьме серопепельный скат пронесся летучею мышью под нами белесым своим животом; здесь живут осетры в десять метров, питаюсь мелкой рыбкой; акулы, не слишком большие⁶⁵, оскалась, проносятся вверх животом, догоняя летящий с поверхности наискось, вниз, в глубину треугольник тунцов⁶⁶; зеленеют, желтеют, лазурятся телом мурены; и барбумы, райские птицы морей, у поверхности – ярко огнятся; анчоусы, стаи коньков и других «pleuranectes» здесь водятся, – скаты; и даже: встречали в волнах Средиземного моря – больших кашалотов, которых тела – только пасти с желудками; среди зоофитов здесь водятся губки, бероз, рои голутурий, ципиды, лучающие фосфорный блеск; и оранжевым кружевом галеолфа – цветет, освещается, солнышком; раки, лангусты, морские ежи, эвриолы, атланты и цинтии, переплетаясь родами и видами – множатся в водах; и зреет на ракушке цвет перламутра; пучина ж – пустынно кипит.

⁶⁵ В 12 фунтов.

⁶⁶ Рыба с черно-синей спиной и серебристым животом.

* * *

Тусклый вечер; старик капитан распустил свою бороду в ветре; кроваво садится за морем круг солнца; он, вот – тусклый круг: желтокарие сумерки светятся: странные сумерки!

– «Солнце садится в пески», – говорит капитан, подывая, – «то – оттенок пустыни; мы – близко от берега».

Все – изменилось: цвет неба, цвет моря, оттенки заката; стоит яркий жар; и – безветрие; ширится там, от египетской, близкой земли тускловатая мгла.

* * *

Подплываем сегодня к земле; море – гладится; солнце – палит; целый день измеряют глубины: здесь – мели: ветрами пустыни выносятся в море пески.

Подхожу к капитану:

– «Мы – где»?

– «Мы – на уровне дельты: и скоро увидим Дамиэтту».

В трубу увидели дамиэцкий маяк: показался; и – скрылся.

И – все – подтянулись: кругом разговоры об угле, который должны нам доставить, чтобы нас не задерживать – нет же, не нас; мы сегодня уже не ночуем в каюте: в отеле.

И – грустно: семья офицеров так ласково встретила нас; каютка, как комнатка: плыть бы и плыть.

Поднимается что-то издали; земля – не земля, а какая-то вышка.

Звонки.

– «Порт-Саидский маяк».

И – маяк вырастает, и – группа тусклейших домов вырастает за ним: Порт-Саид – это отмели, авангарды пустыни; пустыня объяла его...; и я думаю: там, вон, Аравия.

* * *

Старый историк, Кальдун, отмечает три слоя арабов Аравии: это – «Ариба» (древнейшие жители), более поздние жители; и – «Мустарриба» (потомки Измаила); в более позднее время они населили Наджед и Геджас.

На севере триба Амаликов⁶⁷ (смесь из семитов с хамитами), к югу ветвясь, достигает – мест Мекки; амалекинянская разновидность катуров считает, что предком катуров был сам Авраам⁶⁸; арамейская кровь – проливается в них, как гласит о том клинопись⁶⁹; царство сабеян окрепло – отсюда; торговлю с ним вел Соломон; посылала товары сабеянам Индия; Навуходоносор разрушил торговлю; она восстановлена

⁶⁷ Амаликитяне.

⁶⁸ *Coussin de Perceval. Histoire des Arabes avant L'isiemisme.*

⁶⁹ *Ленорман Ф. Руководство к древней истории Востока. Арабы.*

персами⁷⁰; здесь выявляются нравы кушитской культуры (деление на касты)⁷¹, обрезанье, мифы, преданья⁷²; Агатархид нам рисует чертоги царей сабеитских, гаремы; и – толпы чиновников; замки вассалов когда-то покрыли Аравию; множеством утвари славны древнейшие местности древних арабов, комфорт до Ислама еще прививается жителям здесь; сам Ислам – реставрация: новая роспись на старых облупинах фресок культуры; по Плинию, в городе Гадрамаута, в Саботе, стояло уже шестьдесят пышных храмов, а в Тамне – стояло их более; а историк Казвини в седьмом еще веке по приказанию калифа Отмана описывал башню сабеян; по описанию стиль ассирийский – господствовал.

Культ аравийский отчасти был культ Вавилона; единственный Бог возвышался над прочими; монотеизм засло-нило барокко из многих богов (или – планет); все же в центре сияло единое солнце; до вспышек Ислама тянулось го-рение древней религии; праздники здесь приурочены были к вступлению солнца в созвездье Овна; а светилам во обра-зе многих богов поклонялись в «харамах», к которым текли пилигримы; Кааба, или черный таинственный камень, упав-ший с неба – уж чтился; легенда гласит: Авраам с Исмаи-лом построили меккскую святость в честь дальней планеты

⁷⁰ Idem.

⁷¹ Страбон.

⁷² *Renan*. Histoire des langues semitiques.

Сатурн⁷³; Магомет реставрировал культ, как и многие, впрочем; во время правления Цезаря чтили Каабу уже⁷⁴; чистотой древних бытов просвечены нравы Аравии, в древних рисунках среди египтян и мидян уже видим араба таким, какой ныне стоит перед нами; костюм неизменен его.

* * *

Коричневатое и туманное солнце упало за земли; от этих земель простирается томная, золотокарая муть; солнце – скрылось; заря – не зажглась; но повсюду возникли странства каких-то беззорных свечений, в египетских сумерках мы; налетает от берега шквал, пропестрела рябая вода; и – опять успокоилась; движется прямо на нас тупоносый баркас (это – уголь); «Arcadia» тотчас же будет грузиться; свистя, подлетает моторная лодка: то – высланный с берега лоцман.

«Arcadia» движется медленно; красные куклы танцуют в воде, образуя один нескончаемый ряд к Порт-Саиду; и – отмечающий: место форватра; спереди видим морганье кровавых, зелененьких глазок; а с правого боку уже тянется каменный мол; и, как кажется, бронзовый памятник инженеру Лессепсу, медлительно выросши, – справа проходит.

Мы – в хлопотах: мы уже простились; старик капитан с

⁷³ Ленорман.

⁷⁴ Диодор Сицилийский.

капитанского мостика что-то кричит, отдавая команду; ему – не до нас: атмосфера далекого плаванья всюду господствует: дружно китайцы мотают на что-то канаты.

Опросы: осмотр документов чиновником, вышедшим быстро из лодки; и вот – мы свободны: качаемся к берегу в лодке; в воде расплескалась арабская письменность; как серебристы зигзаги!

Огромный баркас, нагруженный до верху чудовищной угольной глыбой, причалил к «Arcadia»; он освещен факелами; теперь бриллиантовый берег вплотную охватит объятьями синяя, синяя ночь.

Брюссель 912 года

Порт-Саид

Лаем кидаются порты Египта на вас; подплываете к берегу; бронзовый рой голоногих носильщиков с берега лает на вас.

Уже лодка причалила: выхвачен зонтик, которым махает теперь темный дьявол; порт-плэд жадно вырван вторым темным дьяволом; третий, четвертый помчались в толпу, увлекая порт-плэд.

Так четыре уносят ручной ваш багаж, а четыре других ухватились за край сундука; третья злая четверка, обстав, поощряет пинками. На ваш негодующий выкрик:

– «Оставьте в покое меня: не толкайтесь!» – вы слышите вопли на всех языках, что сохранность вещей драгоценней персоны высокого гостя.

Двенадцать коричневых дьяволов, бьющих, влекущих и прущих: среди толока бьющих кого-то коричневых дьяволов: ваши картонки запрыгали вправо; вы – прыгнули влево; крикнул в темносиней одежде, в абассии, в темной круглеющей шапочке что-то кричит впереди; и – готова коляска в отель; там лежат неизвестные вещи: их спутали с вашими; дьяволы дружно клянутся, что вещи принадлежат той миссис, что приехала с пароходом (не вашим); что вещи поехали вместе с миссис. Протестуете вы: до миссис вам нет дела, а вещи потеряны; перекричали вас глотки; перемахали вас ру-

ки; вы сжаты кольцом обступивших феллахов; они, выгнув руки египетским жестом, как гаркнут:

– «Бакшиш»!

Если вещи потеряны, – что до того! Потеряли вы голову; чтоб отвязаться от лезущей стаи бросаете горсть прозвеневших монет; и монеты летят к вам обратно; и хор разобиженных глоток кричит, что вы – грабите бедных феллахов, вас встретивших; снова протянуты руки:

– «Бакшиш»!

И вы платите впятеро более таксы; вот если бы крикнуть:

– «Емши!»⁷⁵ – разбежались бы дьяволы.

Между «емши» и «бакшиш» жизнь феллаха течет под де-визами третьего слова:

– «Мафиш!»⁷⁶

Это слово знакомо нам русским: «авось». – От «мафиш» распадается дом; блохи, вши заедают фаллаха, чума нападает: она – постоянна.

* * *

Весь гам создается, чтобы вас запугать, снявши голову с плеч, откупиться «бакшишем». Тогда-то вот выступит ласково чистая фесочка, – в смокинге; и, обдавая сплошным чесноком, она скажет на чистом французском наречии:

⁷⁵ К черту.

⁷⁶ Наплевать, как-нибудь.

– «На десять дней, я к услугам; я с вами повсюду».

– «Вы будете ежедневно заказывать, ргипсе, по экскурсии: муллы, верблюды, ослы и палатки – достану...»

– «Увидите вы...»

– «Серапсум, Гизех, пирамиды Меридского озера...»

– «Тысячу франков!»

– «Я еду за вами в Каир? Решено?»

Вы – в опасности; лучше отдаться толпе голосящих феллахов и лучше платить в десять раз против таксы, чем раз согласиться на феску. Готов согласиться; но Ася толкает меня больно в бок:

– «Погоди!»

– «Оставь!»

– «Брось!»

Мы с вещами миссис покатали по улочкам среди электрических россыпей в яркой безвкусице домиков; вот и отэль: выбегает чистейшая феска, а злая миссис ожидает в передней.

– «Где вещи?»

– «Вот».

Вижу в передней – порт-плэд, чемодан: наши вещи.

* * *

Три месяца жили в Тунисе мы; я освоился с нравами белых тунисских арабов: феллах не тунисец.

Нам встали огромные трудности при размене монет. Здесь монета не кратна с монетой турецкой, ни даже – с английской; двухпьястровые монетки (двугривенные) принимались за малые пиастры⁷⁷; за пиастр я платил пятью пиастрами; фунт египетский чуть-чуть более, чем английский; египетский пиастр чуть-чуть более, чем тунисский; здесь все отношения дробны; и вы на дробях всюду терпите; каждый размен есть потеря; меняете фунты: в египетских фунтах отдают ровно столько же; стало быть, вы потеряли; египетский фунт отдаете на франки и доллары: снова теряете; доллар вы вновь отдаете за пиастры (с потерей); а вместо египетских пиастров приходят турецкие пиастры (теряете); всюду еще в размен вычитывают процент; все устроено так, чтобы чаще менять; каждый шаг есть размен; два египетских фунта обходятся в три с лишним фунта.

* * *

Не выспались: было и душно и знойно; здесь нечего делать; – спешили в Каир.

Экипаж нас уносит по скучным желтеющим улочкам; тонет в песках городок; он украшен фигурой Лессепса на mole, украшен букетом наречий, куда юг Европы, Азия, Африка, даже Австралия шлют проходимцев; на улицах часты:

⁷⁷ Пять миллионов.

немецкая, итальянская, греческая, турецкая, арабская и китайская речь; и блуждает, лентяй, полосатый сириец, зажавши веревкой с боков капюшон, и блуждает пернатая дама (в атласных перчатках до локтя); навстречу несется толпа итальянцев; проходит сухой абиссинец, в круглеющей шапочке, вздернув бородку, которая – клинушкой; засеменит, выгнув ноги дугой, жесткокосый китаец с тюками; бросает робеющий взгляд беспокойными глазками; из закоулка бежит в закоулк; просунется странный тюрбан (в нем арабского мало): то – индус, попавший сюда с малабарского берега.

Здания плоско скучнеют на север, на запад, на юг, и восток парусиной веранд; сбоку виден канал: бок чудовища с грузом из Лондона выперт; он – спрятался; площадь и пыль и какая-то чухлость комочек, и лай: то – вокзал.

Полетели: картонки, тюки; и – забились с носильщиками компания европейски одетых сирийцев; все в фесках.

Двенадцать чертей обступили:

– «Бакшиш».

Мы – им бросили мзду: но в вагонном окошке поднято двенадцать ладоней.

Еще заплатили.

Один бронзовеющий дьявол все тянется к нам; я – гоню, отбежав, он разинул огромный свой рот, и, – расплакался.

Я, испугавшись жестокости, выбросил несколько пьестров в окошко; сириец, сидевший в вагоне напротив меня, покачал головой:

– «Совершенно напрасно».

В окне показались ладони; но – тронулся поезд.

Каир 911 года

До Каира

Дома пролетели; песчаные тусклости там заливало пятно белых вод: Мензалех: порт-саидское озеро; издали виделись птицы; и то – пеликаны.

Уже – Кантара: побережная станция; рослые негры в длиннейших верблюжьего цвета пальто, с перетянутой талией в фесках бежали по станции с ружьями: это солдаты-суданцы, наверное жители вади⁷⁸: из вади Хальфы, из вади Шелляль, иль из вади Дебол они взяты; быть может, они поселение Дар-фура, болтающие на языке своем, нубо: в их речи нет боя гортанных; и пела их кучка под окнами поезда «инго-ан-анго» какими-то мягкими звуками в нос; их отцы собирались под знамя Магди.

Я читал, что нубийские негры – стремительно вспылчивы, злы.

Поезд – тронулся; узкая лента в песках протянулась далеко отливами жести: Суэцкий канал!

– «Такой узкий?»

Здесь тракт караванов к Египту из Сирии: некогда ворвались здесь арабы в Египет; Аравия – там: за полоской она; эти же дюны протянуты вниз до предгорий Габеша; по этому тракту когда-то от озера Манзалех, бросил войско свое Бо-

⁷⁸ Долина.

напарт, угрожая всей Сирии.

Вдруг обнаглев, зашипел желтолет из песков, обурая ландшафты; арабы, вскочив, побросались к разинутым окнам; и щелканье всюду послышалось; быстро зигзаги песка нагрязнили на стеклах; к стеклу прикоснулся: оно горячо.

В запустеньях Суэцкий канал прояснился расплавленной лентой жести; и – линией телеграфных столбов сиротел; лиловатым миражем играли рефлексы; над серым холмом белосерый верблюд промаячил отчетливо зеленоватым верблюдом; седой бедуин в полосатом плаще (рыжебелом), подняв к глазам руку, из фиолетовой дымки глядел на наш поезд.

Упало окно; обнаглев желтолетом, песок заплевался в диваны, в одежды и в лица, щеголеватый сириец в сиреновом смокинге предупредительно бросился перед Асей: закрыть его; желтый язык из окна облизнул его пылью; он стал обтираться, открыв несессер, омочил себе пальцы душистой водой; достал портсигар:

– «Сигаретку?»

– «Спасибо!»

– «Она – порт-саидская; лучшие сигареты... Без опиума: а в египетских – опиум».

– «Те прославлены?»

– «Да, но в Египте стремятся курить эти вот: их в Каире уже не найдете!»

– «Высокие пошлины».

Наш собеседник – крещеный; он, – кажется, фабрикант папирос; он болтает: Каир, по его уверению есть фэйф-о-клок, а Египет – *partie de plaisir*; он – Европа Европы; каирцам – все ведомо.

– «Что там Москва?»

– «Да, у вас есть Толстой: ваш философ; читал я его.»

– «Никогда бы не стал я писателем».

– «Знаете, я был чиновником; я разъезжал по стране; в одном городе нашем глухом, где едва ли не все умирают от скорпионов (зеленый там есть скорпион), скорпионы чуть-чуть что не съели меня...»

– «?»

– «Их такое там множество: ножки постелей в отелях поставлены в толстые склянки, куда наливают кислоты; а то скорпион забирается в постель; мне пришлось ночевать: я пугался, увидев зеленого скорпиона; и сел я с ногами на стул; так всю ночь просидел».

– «Да, Россия – большая страна; никогда бы туда не поехал; ну что там?»

– «В Каире – балы, туалеты!»

Сириец – совсем надоел.

И сирийцы, и греки – цвет местного общества; а египтяне – лишь пыль: намекает на прошлое наглый феллах своим контуром: плеч (широчайших!) и узкою талией; те же все плоские бедра, которые смотрят на вас с барельефов; и тот же все лоб; наблюдаю феллаха в окне: тонкий, стройный, вы-

сокий, угрюмый; какой величавый красавец!

– «Интересуетесь местными нравами», – вновь пристает к нам сириец... – «феллахи!»

«А что?»

«Да они просто пыль: здесь цвет общества – пришлые, мы, анатолийцы, сирийцы и турки; пожалуй, что греки; и европейцы, конечно... феллахи же – фи!»

«Да, да, да: вы и я – христиане; мы – братья; о, право же: далеко не все наши, арабы, погрязли в невежестве; мы насаждаем культуру, как можем... Увидите вот».

«Вы, конечно, заедете скоро ко мне: я у вас побываю, конечно, мы будем видаться».

Надеюсь, что – нет!

Измалия: станция; поезд остановил канал, пересекши пустынный рукав.

Всюду зелень стеблем и листом испышилась под солнце из черной земли; это – действие ила разлива; какие-то красноногие ласточки с серой головкой – не наши!

Уже Загазиг: это – город (торговый); несемся среди лепки каких-то гноящихся грязью домишек, торчащих из сора и сена базаров, несемся среди закоулков, увешанных синим и черным тряпьем, среди которых толпа сине-черных феллахов ломает о поезд свои истеричные жесты; на корточках греются около хижин; то – комья просохшего ила; и хижинны праздно глазуют на нас прозиявшими дырами маленьких окон; чернея хитонами, в черных вуалях, спадающих с носа

на нижние части смеющихся лиц; как монашки, скромнеют в толпе феллахини: насмешливо бросила черные взоры одна округленным, безротым, но будто смеющимся личиком, полуоткрытым: двуглазка какая-то, – черная ласточка?

– «Многие феллахини уже пооткрыли лицо; независимее они, надо правду сказать, наших косных сириек».

– «Ах, Сирия, Сирия!»

* * *

Издали вновь показались пустейшие бельма пустыни грядую холмов моккатамских; на склоне холмов зачернели квадраты каирских домов.

«Пирамида», – сказал мне сириец; но – пыль проглотила ее.

«Пирамида».

«Где?»

«Там!»

В желтобуром от пыли пространстве чернели теперь треугольники.

– «Много их тут».

Треугольники спрятались; поезд понесся в протертых постройках, протертых песками, пылающих пеклом; и справа и слева торчали тончайшие палочки, палицы, пальца, дубины: тела минаретов.

– «Смотри», – усмехнулась Ася, – «какие пошли калан-

чи!»

Вот плеснули в окно балахонные волны феллахов; резнули несносные крики; непереносные запахи ели – нам ноздри; порхали халаты:

– «Каир!»

Каир 911 года

«Хаха»

– «Хаха-хаха!»

– «А!»

«Хаха!» – кричало.

Могли бы пожить мы и в Бискре; могли бы увидеть Гафсу, Габес, Сфакс: нас тянуло в Египет.

И черная стая кидала меня в фаэтон; и размененный фунт испарялся (запрыгали быстро доллары в темных ладонях); носатый извозчик плаксиво визжал с высоты своих козел; сириец, забывший свой лоск, издавал как и все, что меня окружало, не гордые звуки:

– «А!»

– «Хаха», – указывая, куда следует нас отвезти.

– «Хаха, хаха!» – отвечал извозчик; и – тыкался носом в сирийца и в нас; рассыпалось сено и сор; пред тюками на всех языках голосили:

– «See!»

– «Mare!»

– «Mer!»

– «Thalassa!»

Прыгнул обвязанный, кожаный, желтый сундук: саквояжи летели, как мячики; мячиком выкатил потный турист, заморгавший глазами навывкате: сыпалось сено и сор.

И рыдало «а-хаха» из ртов: и мы назвали «хахами» этих

кричащих феллахов; и «хахи» в Каире гонялись за нами – носами и ртами: кричали:

– «Бакшиш!»

Все есть вымысел: «Хаха», которого с Асей придумали мы, воплотилась однажды для нас в настоящее имя; и наш проводник Ахмет-Хаха носил его; «Хаха» – феллашский «Иванов»; фамилия Хахи с тех пор – для меня нарицательна; все египтяне суть «хахи», или – вымыслы, призраки: так облеченное ныне в абассию ваше же тело – они; неудобно склониться над собственным... телом: и жуткостью дышит Египет: он – тело, которое сбросили, – труп; мы – над собственной тризной; отсюда – и муки, и казни; и – бегство; давно мы бежали отсюда; и – плен: полонил нас Каир!

* * *

Резнул «style oriental», или – подделка; культура Тунисии есть примитив; а культура Египта – барокко; меж тем Фатимиды создали Кахеру; казалось губительно действие климата: испепелило культуру; такие фигуры, как строгий султан Нуреддин, или гуманный султан Саладин, – прошли сном.

* * *

Вот отель.

И какая-то хаха проводит в чулан: в нашу комнату; грязь – на постелях: пыль, пыль; сколько стоит? Цена этой комнаты – в перворазрядном отеле Палермо такая цена; вдвое менее стоил тунисский наш номер в отеле «Эймон»; проклинаем сирийца, сюда нас заславшего; грустно стоим над вещами, а хаха – уходит; зову.

– «Но послушайте: этими полотенцами утирались не менее десяти рослых парней!»

И хаха приносит... одно полотенце; уходит; зову:

«Но послушайте: это белье на постели; тут спали солдаты».

И хаха приносит – белье; и уходит; зову:

«В рукомойнике – слышите? – нету воды!»

Появилась вода.

«Нет, постойте: здесь негде присесть: оботрите».

Стирает.

Нескладица – та же; и – пыль за окошком: оттуда сварились громады домов в пыльно пламенном ветре; в крутящемся соре и сене в сплошной трескотне граммофона; в стрекочущем горле.

– «Каир?»

– «Почему он такой?»

И какая-то новая нота нам слышится.

Помню: кошмар напал на меня; в недомыслии, дико излитом, он – длился: предметы кругом выступали знакомыми знаками; тихо сходили с настоянных мест, оставаясь на месте; и было все то, как не то; я – испытывал вывих; не палец, не кисть, не рука ощущали его, а все мое тело: оно – только вывих. С меня? Стало быть: ощущал... вне себя? Вопросали во мне ощущение; без вопроса, следил, как ничто, никогда не вернется в себя: так себя в первый раз ощутит голова под ножом гильотины: захочет увидеть она свое тело, а видит лишь ухо другой, как она, отделенной от тела; и жалко грызет это ухо: впервые я видел тебя беспокровным, дивясь – «я» – помню, маленьким взяли купаться меня (до шести лет купался с дамами); вид голых «дядей» меня поразил; тут пахнуло звериным цинизмом; мне долго казалось, что я уже погиб (навсегда), увидев: это все. – Так себе самому ужасался: предметы и тело мое среди предметов казалось: пустыми штанами (в купальне); я сам – весь пустой, на пустой оболочке в пространстве разъятого стула, – разъятый в пространственный вырез окна – в потемнение синего неба, которое есть распростертость, темность толкований и смыслов:

– «Что это такое?»

– «Как можно?»

– «Не вынесу!»

– «Ай!»

Так кричал бы, но орган кричания сдернулся с глотки: труба граммофона! – сидела, привинченная к недышавшему ящику тела.

В младенчестве доктор решил, что я – нервен; немного позднее решили, что болен я – астмой.

Но «астма» – прошла.

* * *

Вот подобное, что-то во мне поднималось теперь, из песков Порт-Саида – в окно; и запучилось там неживую громадою дома; кричало, как медное горло; на сорной, коричневой площади, и густо катились верблюды; и хахи, страдая от астмы, кричали:

– «А!»

– «Хаха!»

И странен, и страшен Каир.

– «Да, он странен», шептала мне Ася, медлительно подошедшая сзади. Туда не хотелось нам кануть.

Мы – канули!

Каир 911 года

Каир

Комнату! В пыльном чулане остаться нельзя; в «Premier-ordre» еще можно при 1000 франков в неделю; такой суммы – нет; и поэтому комната нас занимает; мы – ищем; Каир – отступает: не видим его (больше – чувствуем); солнце так бьет, что приходится думать о пробковом шлеме с вуалью, предохраняющем от ударов и пыли.

– «Наверное здесь по утрам происходит базар: сор и се-но». Проходим базар:

– «Вот и здесь: происходит – базар».

Те базары – на третьей, четвертой, на пятой, шестой и седьмой засоряемой улице:

– «Всюду – базары».

Источник такого обилия – «хахи», извозчики; всюду у них между ног просыпаются травы из сочной охапки, свеваемой, тминного запаха малой былинкой и клочьями; все, проеда-ясь, бурют они; и – метаются в ветре; и – сорное стойло Ка-ир. И жующие морды верблюдов, ослов, лошадей и развесив-ших уши по воздуху мулов – повсюду.

Дивились: исчезли бурнусы; вот – кубовый, темный хи-тон облекает феллаха; вот двое, как вороны, – черные. Небо, сквозящее тьмою, – прикидчиво сине: так горсти людей про-текают волнами абассий, широких, пышнеющих в ветре хи-тонов, излившихся с плеч до пяты и порою затянутых очень

широким, простым кушаком, выявляющим тонкую талию; будто подрясники, ходят подола в сплошной, черносиней толпе; и круглеют коричнево шапочки шерсти на бритых затылках; широко шагают феллахи, махая руками – на грязной стене шоколадного цвета высокого дома, глядящего в красную бурень небес; у предвечерней сплошной европейских кварталов, как лодочка, – море абассий разрежала чистая фесочка, вздернувши нос над сиреневым смокингом; прощекотала изящною тростью по воздуху, свистнула в красные губы мотив из «Веселой Вдовы»; побежала другая, такая же фесочка – в розовом смокинге.

Толпы их: множество палевых, розовых, серо-сиреневых смокингов, трости, цветные платочки, перчатки яичного цвета.

Какой маскарад! Это – хаха, но хаха «moderne», надушенная знанием, самодовольством и наглою цивилизованной прытью: и брови – дугой, и носы – закорючками; многие – с книжками: все – понеслось; щекотало тростями пространство.

Бежало среди черных, говорящих, кирпично-коричневых стен и заборов, из-за которых, гигантски возвыясь, коричнево так столбенели винты чуть изогнутых пальм, лепетавшие листьями, точно пучками зеленых, развеянных перьев из бурого неба:

– «Смотри: низкорослая пальма пропала».

Торчали деревья, которых далекая родина – пышный

Кашмир (на одной широте он с Каиром) в Каирском саду, в Гезире, вокруг Geziren-Palace⁷⁹, в садике, переполненном фесками, в Эсбекиэ – всюду эта индусская флора.

Она – восхитительна.

* * *

Злой, неприятный, обидный Каир; это – первое впечатление наше; сравнение с Тунисом невольно.

Миллионном разинутых ртов прогорланил Каир; и снежайше провеял немногими сотнями тысяч бурнусов – Тунис.

Белоснежен Тунис; черносер, серопылен Каир; чист Тунис; выгрязает Каир из-за бурого вороха сора; тунисские бельма пестрейше распались в фаянсовых глянцах гирлянд; темноватые стены Каира покрыли каймой серой грязи отчетливо черные прочертни; белый цветок, – наклонился Тунис лепестком куполов над лепечущим озером; тело Каира – зловонно дымеет песками; над злобовонною падалью (кошек, собак) – высоко зачертили круги прямокрылые коршуны; а над водой бирюзами легчайшей тунисской струи – розовеют цветочки фламинговых крыльев; топорщатся стены Каира сплошным кривулем-завитком и причудливой лепкой орнамента, в складках которого – грязь; и квадраты, и кубы тунисских построек, снежня, легчатся. Тунисская дверь:

⁷⁹ Бывшего дворца Измаила.

это – четкий квадрат на белейшем картоне стены; посреди его – вход грациозной подковою чертится, медною бляхой красуясь, пестрея дугой изразца над витыми колонками входа.

Каирская дверь – не подкова: низка и темна. Навалился над ней много-пудными грузами выступ нелепого, полосатого дома: вторым этажем; над вторым этажем многопудными грузами валится выступ: то – третий этаж; справа и слева раздавлена выступом узкая улочка; перестонились стены, как юбки затейниц.

Они – полосатые; черная полоса чередуется с рыже-кирпичной, а розово-серая с буро-яичной; и все покрывают: фестоны и банты кривых «загогулин» из камня, являя барокко лепного орнамента, точно расчеты и стружья проказы, которой зияет бродяга, напяливший смокинг; и опестряет каирец плаксивую речь лексиконами всех языков; но от этого кажется он заболевшим.

Смотрю на мечеть: нет Туниса и в ней; заболевший квадрат минарета, и – круглый, или гранный подкинутый палец, утолщенный сверху без вкуса, эффектный лишь издали; в стены мечетей Туниса вошли малахиты и яшмы; а здесь – полосатые пятна буряющих желтых и розовых стен изошли загрязнением язв, струпно кроющих тело мечети.

То же – окна домов: нет помина системы зеленых решеток; оконный ряд выперт со всем этажем, чтобы рушились окна над окнами каменной выприной; и оттого-то: под вы-

приной – тени и смрад; пробегает с закинутым носом, здесь фесочник все же – являет сплошную ловушку для блох; пла-
тье – невод: приносит с прогулок – улов насекомых.

В Тунисе естественно все, отдыхая, заходят к арабам в кафе; но в Каире – не так: не кафе, а – помойная, черная яма, в нее провалившись, уносите часто чуму, насекомых, или – стаю кожных болезней; войдите, – и гаркнут, вскочивши с циновок:

– «Бакшиш!»

Весь Тунис распадается надвое: на половине арабов белеет XII век; и парижится веком XX квартал европейцев.

Каир – половинчат: «коробка» смешалась с арабской постройкой; и помесь Сицилии мягче Каирской; безвкусие капиталиста вступает в гражданские браки с безвкусием азиатских пашей, или – египетских выскочек.

Пыжится камнями научной пошлятины зданий Каир; он смешон и ужасен своей тривиальностью.

Даже в подробности разнится стиль городов: скруглилась тунисская феска – чечья, повисая огромною кистью; крысиным обрезанным хвостиком пляшет обрезанный константинопольский конус: каирская феска.

* * *

Заходим в отель: отобедать; и после катаемся в улицах европейского города; с шумной Nuber-Pacha к Kasr-el-Nil ми-

мо сада Эсбекиэ, Chareh-Boulag и Chareh-Soliman-Pacha.

Мимо летит многоцветие вывесок на английском, французском, турецком, арабском и итальянском наречии; пестрядь афиш, объявлений по-гречески, даже по-русски; из агенства пароходных компаний за стеклами всюду павлиньи хвосты объявлений, реклам, указателей, расписаний: тогда-то идет стамер N такой пароходной компании – в Индию; брызжут из лавок каскады вуалей и шарфов; глядит из зеркальных витрин рой курильниц над блесками «Style oriental», уже виденной где-то, когда-то.

* * *

Заходим по адресу в агенство; и подаем туда письма: – о счастье, – любезно дают адрес комнаты – рядом почти с Kasr-el-Nil. Мы – спешим; мы – звонимся: прелестная комнатка, чистая; и – со столом; молодая австрийка (потом оказалась турчанкой она) madame Pêche, улыбается нам: переедем – сюда.

* * *

Теперь ищем мы выхода к Нилу у здания каср-ель-нильских казарм; из-за желтой стены вытекает вода, заигравши медлительной музыкой (слушаем речи мелодий); из окон

просунуты головы праздных солдат; огибаем казармы; и – Нил. Белогубым острым парусом в желтой струе закачалась фелюга; она полосатится складками островерхого паруса, прикрепленного косо к шесту опускаемой реи; а рея привязана к мачте: взлетит параллельно к воде, упадет; и – опустится парус над старую, черной кормой; полетит на струе, нагоняя другую фелюгу, которая... зыбится: голубокрылою птицею; возится резвая стая, за резвою стаей, расправивши в ветре свои полосатые острые крылья; чернеет немой силуэт, точно послушник, в нос опираясь босою ногой; шест качнется: парус – опал, точно прыткое заячье ухо.

Вступаем на мост; он дрожит, громыхая людьми, фаэтонами, трамом, верблюдами, роем изящных колясок: то мост Каср-ель-Нил; позастыли чугунные львы, видим роскоши зелени той стороны; видим – пальмы из неба; туда опускается солнышко за Гезирэ-Булак: остров парков, полян и роз, и веселий.

У моста шумит «скэтинг-ринг» на колесиках; пышно над нами закрутела веранда: над Нилом под пальмами; всходим: садимся за столик, склоняясь в раздолие вод над вечерним Каиром.

Фелюга – качается; лодырь, совсем темносиний, стоит на корме, обратившись в сторону Мекки: моторная лодка раздргала золото-карий светени вод, точно тени, или бабочки; вдаль полетели фелюги легчайшим биением бело-голубых парусов; раскаленные желтые здания бросили в солнце сте-

кольные окна: блистают стекольные сотни гнездилищ: казарма – сплошной многоглазник: «Семирамис»⁸⁰ – злогоглазое чудище – тоже: пылает: стекольными сотнями; а прожелтени выступов Моккатамского вала с пустыни привстали арабским Каиром; глядят через крыши домов европейских кварталов – в пустыню, на бред пирамид (нам же видных за пальмами); скалится старой зубчатой стеной Цитадель, просквозивши из дали, как черное кружево на желтеющей шее испанки – узориками минаретов, затыкавших пальцами в небо из кружева оглавлений: или – множество пик ощетинилось там? Желтовата, как грунт, Цитадель; и она – начертание легонькой трости в песке; и – подует, и – все ожелтеет; и все очертания взвеются от Моккатамского вала простым замутнением; в крепнущих сумерках быстро крепчают цвета: засерела она, затемнела она, и прочернела; и выступил в грунте узор минаретов, зубчатостей, башен, и кажется: вот черноватая тень упадет на холм; а таинственный город, «Кахера», летит – над Каиром.

Налево: пространства косматой кудрявицы: зелени (много оттенков) льются как легкие ливни янтариков, бледных бирюзов в хризолитах; под ними – кровавый карминник клокочущих кактусов; изгородь шипами бьется о камни веранды; и путами ярких кустов надувается в небо косматица цепких заборов спортивного клуба; и башенки малых коттеджей, и розы веранд отступили туда, в непролазные чащи деревьев;

⁸⁰ Новый отель.

сады – Ботанический, Зоологический: много садов.

И Каир, и Булак – перед нами: закат – начинается; золотом карим ноет, точно бархатный алыт.

Неописуемы зори Египта; мы часто на них любовались потом! Солнце кругом сперва изнеможет, покрыв его матовым золотом; мертвенно-белый покатится круг, как погашенный к утру фонарь; крепко пеплы пройдутся по мертвому тиглу потухшего круга, и вот этот круг – грустный труп: заедает ливийская пыль.

Тысячелетним папирусом ссохнетя сочное солнце; какие-то золы бесшумно, безумно засеются; сыплятся, валяются, рушатся, все погребая; и все – промутьнение из мира упавшей золы, где и скудно, и трупно, и душно; бесшумно проносятся в небо клочкастые пальмы, утратив стволы: где-то в воздухе; лица, зеленые, выступят в тускло-зеленое небо над ними: испугами.

И пронесутся испуги от края до края; заплачет неведомый кто-то, которого слышите вы осенями на русском болоте; не птица ли?

Грусть!

Эту грусть ощутили впервые, когда угасали следы уходившего солнца – высоко над космами пальм горизонта; лилось тяжелейшее золото в карие сумерки; медленно, густо протлели какие-то золотокарие земли – над землями: в воздухе; густо затеплился взвеванный в небо песок: землянистый закат осветил карим золотом дымы и гари, разлапости пальм и

тончайшую струнку ствола; и туда, в эту промуть, тянулись феллахи, поставив на плечи надутое дно пропеченных жарой кувшинов; за кормой, где склонился весь кубовый лодырь, золотокарие полосы тяжеловесно качаются: знаками, змеями, строя угластые петли на черной поверхности вод; огоньки, огонечки, как иглы, вонзились в бур сумерек: странен и страшен Каир!

Боголюбы 911 года

Вблизи города

Пучатся лопасти листьев; и – капают влагой; в чашобе порхают, как бабочки, смехи цветов; и – сквозят рогорогие нащи; и сахарный, сочный тростник загребает верхушками воздух; вскипает волнами веселая зелень пшеницы; из далей стволистые бурости пальмовых рощ, отягчаемых фиником; винтообразно изрезан их ствол; и летают от моря веселые стаечки, может быть, *sterna nibotica*⁸¹; пятноголовые пташки, порхая, пиликают песни.

Где лотос? Сказали, что он – не цветет; уже – март; трелит жаворонок из лазуревых озарений; и запахи сладкого тмина, и россыпи желтых цветов из зеленой чрезмерности хлопка.

И все обрывается – сразу: ряд валиков, вылепленных из засохшего ила, отрезал пшеничное поле.

Пустыня.

* * *

Как будто, мертво засерев, желтоватое море застыло сухими валами: как будто, мертво забурев, облетевшая зелень уныло свивалась листьями. И тени, как дымами, наполнили впадины стынувших валиков, мечущих в солнце сухой неприяз-

⁸¹ Морские ласточки, встречающиеся только в Египте.

ненный блеск; и на них начертился орнамент зигзагов, слегка перечерченных в зыби летающих веяний; прятался, тяжело вздыхая под шлемом от яркостей солнца, валясь на мою неподвижную коленкорово-черную тень.

Вот цвета – желтоватый, сереющий, белый, въедаясь друг в друга, рябеют, мертвеют; и все изошло – разложением белесоватых и желтопесочных тонов.

* * *

То – Сахара: восточная часть ее, именуемая Ливийскою пустынею – самая страшная, непроходимая часть; и я думаю: тут, вон, пески, и туда, к юго-западу мощны пространства угластых, кричащих под солнцем (когда камни, треснув, исходят щелями) громад, известковых, пространства обломков кремней, голых скал, беспесчаных: хамады! Вот как путешественник Циттель рисует хамады: – «Мощные, серые, иногда красноватые плиты известняков гладко отполированы... и стеклянная поверхность их блестит под лучами...» – в Ливийской пустыне, туда к юго-западу, нет кругозора в хамадах; лишь далее, за Фарафрахом, по Циттелю, расстилаются дали; террасообразно строение Ливийской пустыни; и профили дальних холмов разрастаются в воздухе ярким миражем громадных хребтов; их же – нет: гордый, выпранный, кряж превращается в малый уступ каменистого моря; оазов

– не встретишь; не то, что в Сахеле: Туат, Тафилельт⁸² прерывают пустыню в Сахеле; здесь днем накаляется воздух до 56°; температура песка еще больше; а ночи – прохладны: четыре, пять градусов только; и мы испытали там холод.

Непроходима пустыня отсюда до озера Чад; Нахтигаль проходил до Тибести – хребта, протянувшегося на 500 почти верст, где живет племя Тиббу, которое – как туареги восточной Сахары; среди горных вершин обитают они; здесь есть город Бардай; там – иные вершины подолгу стоят уснеженными; далее – смерть: и пытался проникнуть туда, за Тибести, известнейший Рольфе; он – не мог⁸³; проникаешься уважением перед силою воли идущих туда: Густав Нахтигаль, Генрих Барт, Фогель Рольфе, Циттель вместе с отважнейшим Дюверье поражают меня; почему мы не знаем их; да, имена политических жалких фигляров известны младенцам, а кто читал... Стэнли?

* * *

Смотрю: беловаты холмы – в отдалениях; сочно исходят лиловыми пятнами – там: в отдалениях; тихо они переходят в суровости серогрифельной тускляди; все разложилось в оттенки: оттенками полнится этот гигантски простейший труп, составляя в дали семицветие пляшущих радуг, куса-

⁸² Группа оазов, начинающихся в Южной Тунисии.

⁸³ В 1874 году.

ющих яро ресницы; что море – пустыня: меняет свое выражение; мучают зыбкости тучами едких улыбок, которыми тихо пространство дрожит, переполнившись, как электричеством, снами возможных миражей; нет сил туда углубиться!

И мы – повернулись к пустыне спиною: в роскошные зелени.

* * *

Снова пышнееют пространства; и вот: сикоморы, мимозы пред радостным взором – тут, рядом с пустынею: злобный Тифон отступил; и Изида – цветет; эта линия зелени пересекает пустыню и справа и слева по Нилу, порой прерываясь и далее разливаясь лугами Судана, чтоб там, у экватора слиться с громадой лесов; там растет баобаб; обезьяны, цепляясь в ветвях, наполняют стрекочущим криком окрестности; и попугайные яркие перья мелькают среди зелени: важно стоит марабу; и лысее над водами; и – носорог щиплет траву; стоят полушария малой шиллукской деревни⁸⁴; шиллуки сидят там под деревом, приготовляя сосуды из глины, перетирая зерно кукурузы камнями; и где-то шипит неизбежный «пифон»; по той области можно пройти беспрепятственно к водоразделу меж Нилом и Конго; и Стэнли бродил там недав-

⁸⁴ Шиллуки – обитатели истоков Нила, так же, как динки и др. негрские племена.

но; смотри: не теряйся: не то «Ниам-ниам»⁸⁵ съест, обглодает тебя: там оценят тебя не по книгам, по... ляжкам; из «biceps»'а сварят бульон.

* * *

Здесь повсюду – каналы, каналыцы, каналчики: пересекаются в сеть; вот один отрезает нам путь, пробегая высоко: на вале из зелени.

Некогда длинный канал перерезал равнину от Нила до Красного моря, соединяя «Эдор» с «Mare Nostrum»; канал этот рылся Нехао еще⁸⁶; был окончен впоследствии Птолемеем Вторым; и Страбон говорит, что могли пробегать по нему две триремы, идя параллельно; но он замелел; при каллифе Омаре его расчищали; но вскоре засыпан был он; его длительность – тысяча лет.

* * *

Все каналы: на насыпях; если на насыпь взойти, то увидишь и воду и кузов скользящей фелюги; а то – его нет; нет воды, и бегут по земле, среди зелени – белые, синие полосы там островерхого паруса.

⁸⁵ Ниам-ниам – людоеды.

⁸⁶ В 615 г. до Р. Х.

Из желтоватых соцветий просунулась толстая, черная морда; то – буйвол; за ним – темнокубовым, легким подрясником ходит сквозь ветви соцветий феллах – землепашец; он – строен, вынослив, красив, благодушен, здоров; но – изнежен; он – празднует в праздности: если б ему не трудиться! За лень он готов продать в рабство себя и детей, чтоб сидеть под припеками солнца у дома паши в совершенном бездельи; готов выносить и побои и ругань: не так было недавно еще; в эти дни Магомет-Али рыл в нильской дельте каналы; так он уходил – много тысяч людей; он множил свои угрожавшие армии; затрепетала да, Европа; Египет украсился рядом мостов, крепостей, высших школ, где тупели лениво студенты; суданский пророк колотил, надвигаясь, полки египтян; наконец, разбежались они перед английским десантом; и вот – подоткнувши, в кубовой мягкой абассии, пашет феллах, провожая мордастого, черногого буйвола.

Всюду – лазурные пятна феллахов; и всюду – мордастые буйволы: жирные, черные земли потеют парами; вон пятна к каналцам спешащих феллашек выходят на валик; они укрепили на плечи землистые груши сосудов, взобравшись на валик, мы видим как липкие, все шоколадного цвета мальчата купаются в липкой грязи: шоколадная лужа разбрызгана ими; а там, на высоком валу – колесо; и его вертит буйвол.

В зеленом пространстве из тминного запаха где-то торчат ряды вылеплин ила; уютятся, как гнезда; одно прилепилось к другому; то – домики; окна чернеют, как норы; соломою

крыши их трутся; и длинные жерди колодцев раскинуты в
воздухе: это – деревня.

Туда не поедем.

Боголюбы 911 года

Нил

Нильское зеркало ожерельем пузырьков проговорит у кормы: голубокрылая птица, фелюга, чуть-чуть закачалась; и – дрогнула; тронулись струи; и – тронулся берег; безостановочным перегоном понесся.

Каир – не Каир.

Струи тихо бормочут; свивается свитком блаженное время; снимается мир; и снимаются с плеч все дневные усталости отвеваемым жаром и отвеваемой пылью; плывем, уплываем: на даль – набегаем.

Голубокрылые абрисы многих фелюг набегают, тишайше несясь в тишающей зыби, сегодня лазеревой; белые взвеси полос парусов – распростерты; пузырится влага у носа, и полосы влаги расходятся ясным хвостом: от кормы – к берегам.

Наплываем на дали.

Феллах стал ногой на корму; и за ним над водой завивается складка абассии кубовой лопастью; я не могу оторваться: какие же певчие краски, – коричневый тон голоручий из раздуваемых кубовых рукавов вместе с оливковой древней досчатой кормой в отливающей пляске лимонов, в глазуревой глубине лазеревой ясени вод – что нежней, что странней?

Улыбаемся: Ася, и я, и феллах; наплывает дремота на грусти; и юркою рыбкой из грусти мелькает улыбка; светлеет, ширеет; и – птица летит: высоко-высоко – уж не это ль еги-

петский ибис? Когда-то и здесь выползал крокодил на пески; и, позавтракав негром, он грелся в песочке, на солнышке, радостно вскрыв свою челюсть, чтоб стая голубеньких птичек влетела в разинутый рот: его чистить; когда-то метал пузыри, кувыряясь в воде, бегемот; он – уплыл к голубому далекому Нилу; проливши слезу, убежал крокодил; а все та же тишайшая ясность: и Ася, и я, и феллах понимаем ее.

Дружелюбно кладу сигарету в ладонь взлопотавшего лодыря:

– «Что?»

– «Порт-Саидская?»

И улыбается лодырь: чему? Не тому ли, что твердая почва осталась за нами: Каир – не Каир; не Египет – Египет; и даже земля – не земля; прогорела она; отгорает, смывая все краски; она побежала; как лента кино, – миголетом ландшафтов; и лента – вернется; и ночь упадет...

Где-то будем во всю непроглядную ночь, где-то сложим свои неотчетные думы?

Зачем? Порт-саидская сигаретка – сладка; я платил за нее...

Я не помню.

Каир нас измучил: неделю мы тут задыхаемся в бреде гудков, голосащих трамваев, вуалей, тюрбанов и касок; мы бродим в бреде пирамид; многогрохотно мчатся лавины веков; весь Каир – на ребре Пирамиды; ребро же каирского дома – ребро пирамиды; везде и во все пропирает она; тишиной

пирамид гласят гвалты.

Лишь Нилом смывается все, отплывая, сплывая, и окружая кольцом ожерелий из пены.

– «И нет: никогда не вернется Москва; эти – письма, придирчивость, мелкость, меня укусила, как здешние блохи»...

– «А ты еще сердишься?»

– «Да!»

– «Невозможно сердиться: смотри», – улыбаясь, Ася рукой показала на зыби.

Плывем, уплываем, отплыли, – ужель навсегда?

– «Никогда не вернусь!»

– «Никогда?»

– «Никогда!»

* * *

– «Ты – не думаешь?»

«Нет»...

«Я – не думаю тоже»...

И можно ли думать, когда утекает – то все, как вода? Утекает она; утекает кругом берега; утекает испуганно, запепелевши, и пепелами сжатое солнце: оно, – как лимон: паруса набежали и дрогнули; остановились на солнце; закрыли: закроется все, чем мы жили; откроется то, чем мы не жили; и – паруса отбежали от солнца; оно зеленеет незрело под праздною пальмою.

Мы – повернули; и снова с каирского берега желтые здания, точно чудовища, вдоль водопоя – бегут из пустыни: по берегу.

* * *

К парусу тихо теперь подбирается месяц; и так неприметно играет серебряной рыбкой в струе; распадется рыбка на быстрые искры: и мухами, мухами бешено мечется рой искряных бриллиантов.

* * *

Фелюга – несется обратно: несется за нами мир тусклостей; эта погоня – бесшумна; вот – тусклости глянут, склонясь из-за плеч, куда канули синие линии берега, где в непонятной мольбе дерева заломили, страдая, огромные руки, чтоб рвать и ломать; непокойная скорбь поразила прибрежные земли; они – прилетьские; мы возвращаемся вновь в непокойный Аид; непокойные тени Аида простерты от берега; смолами медленно пережигается мгла, подавая из воздуха золотокарие земли; испуг порастил их; в египетском ужасе окнами смотрят дома.

Беспокоится, выюркнув в струи, весь серебряный рой пролетающих месячных мух под мостом: Каср-ель-Нил; по-

ползли скарабеи, сцепившись ногами, в ползучую скатерть: зигзагами ножек; и вот уже – черви ломают клубок серебра, заплетаясь в смену арабских серебряных знаков под месяцем; смена письмен пробегает по водам арабскими знаками.

Только в какое вот слово сливаются буйные буквы? Кто нам перескажет беседу висящего месяца – в водах?

Мы вышли: фелюга качается; хлопнуло тихо весло, разгребая серебряных скарабеев.

* * *

Проходим в бесшумный египетский сад, где качаются днем в ветвях изумрудные сирины-птицы, где лепеты капелек из ноздреватого камня подкрадутся сладкою болью; та сладость Египта есть ложная сладость.

Проходим в бесшумный египетский сад – в то мгновение, когда перед ночью все звуки сладчают, а краски нежнеют: и все обдаёт нестерпимою нежностью нас, на мгновение только; потом поразит и придушит откуда-то рухнувший серый египетский пепел; а в пепельной синесиреневой серости грознокоричневый вечер задушит, схвативши за горло; и снимутся сирины с резкого скрежета улиц.

Боголюбы 911 года

Кварталы Каира

Отсутствуют грани.

И вот в азиатский восток проливается Африка – с юга и с запада; с севера – веет Европа; контрасты отсутствуют; а непрерывность – везде; и черта за чертой незаметно проходит в проспекты Европы кривой закоулок из... Азии: капля за каплей экзотика капает; если бы от окраины перенестись на окраину, – можно бы воскликнуть:

– «Что общего?»

Право, Каир, не есть город; между Европой и Африкой-Азией – пояс смешений кварталов; в летучих пробегах нельзя очертить весь Каир.

В указателях делят его на две части: на запад и на восток от Калиг (это – улица).

Вот на восток от Калиг протянулись кварталы Европы, теряя свою чистоту постепенно; во-первых: квартал Измаилиэ – центр европейской торговли; он вас поражает салонами, вскрытыми в улицу – серией магазинов, где в мягких коврах среди растений у входа порою расставлены кресла; вы – входите, в кресла садитесь, а долговязый и выбритый бритт в белоснежных пикейных штанах, обижая изяществом вас, подает папиросы: для пробы, и вы за двенадцать египетских

пьястров⁸⁷ получите пряную пачку египетских папирос; да, у нас в ресторанах такая коробка дешевле; среди многих блистающих стеклами пышных гнездилищ торговли и агенств – обилие лавок египетских древностей (большая часть сфабрикована); песья головка зеленой фигурки торчит из окна вместе с брошкой, изображающей коршуна (точно такого же, какой залетал над проспектом на пламенной сини); египетский скарабей фигурирует здесь; ожерелье из матовых, мертвых каких-то камней; и – всевидящее сбоку око; сюда – не ходите: в булакском музее вы купите подлинно древность: ее продают в отделении музея; там древности установлены специалистами.

По улицам Измаилиэ праздно фланируют – смокинги, дамы и фесочки (в палевом); каменный англичанин проедет в кровавом авто – в серой каске; вуаль, голубая, причудливо плещется с каски; стоит полицейский феллах в туго стянутом, в новом мундирчике; и поднимает над улицей белую палочку, строя рукою египетский угол; другой же феллах поливает из мощной кишки пламень плит; здесь на площади – садик; и брызжут в газон оросители, пышно, – фонтанчиком; всюду – киоски: с газетами; здесь – людоход.

Во-вторых: величавый квартал, центр общественных зданий: Эсбекиэ; в-третьих: новый квартал, где взлетают гиганты семи этажей; он растет не по дням – по часам, раздувайся новою кладкою зданий: Абассии.

⁸⁷ Египетский пьестр – 9 копеек.

Здесь многоглазые, солнцем блистают строения, в желтых, кирпично-коричневых, рыжих, взлетающих каменных выступах, напоминающих круглые бастионы чудовищной крепости; всюду на окнах решетки сквозных жалюзи, сеть балконов, веранд, парусина, где фрачники, снежно-кисейные дамы, в шезлонге издалека лорнируют пыльную улицу; неподметенный, широкий проспект от сжимающих справа и слева громадин демиморесок мучительно, неестественно узится; сеть электрических фонарей приседает; и – кажется низкой. Паллас за Сплэндидом: отэли, отэли, отэли; обставлены пышно садами, где – спорт; за стенами – ковры, чистота, тень и тишь; а на улице, перед окном фешенебельной лэди, уселись феллахи; один из них – ищется; блохи снедают его.

Интересен Тефтикиэ, чистый квартал, столь излюбленный администрацией; а кварталы Муски, Абдин, Фаггалах – уже смешаны; в первом – гремящие центры торговли: и левантийской и греческой; бьют из грязнейших лавченок каскады восточных пестрот; подозрительный грек, армянин, турок, старый сириец, еврей из-за роскоши кажет свой нос и лукавое око, как жадный паук, среди блестящей паутины засел; и – ждет мух; великолепия перемешаны с европейскими ситцами; всюду на вывесках здесь фигурирует: пестрый чалмач, жгущий оком, или жгущий усами, стоящими вверх, европеец (весьма подозрительный; он – вяжет галстук; те улочки бьются восточной толпою и грязью кофеенок; двори-

ки ранами грязно зияют наружу; везде постоянные дворники, с вывеской, где кровавою краскою намазаны буквы: «Hotel d'Europe» (ну, конечно, а как же иначе?); уже этажи провисают мрачнейшим выступом; грязный армяно-араб, или греко-сириец кричит из дверей.

Такова здесь центральная улица: улица Муски.

В квартале Абдин проживает турецкая аристократия: стиль всех построек – несносная помесь; она, как чудовище.

К западу от Калиг – настоящий Каир; в получасе ходьбы от реки: от Аббасиэ, до Ибн-Тулуна протянуты сети арабских кварталов: Баб-ель-Футун, Баб-Зуэйле, Баб-ен-Наср и – другие.

Арабская улочка

Кто побродил по трущобам Каира, ее не забудет; она – сверхъестественна: в ней безобразие – давит, страшит, ужасает; и, наконец, восхищает: убийственной гаммой махровых уродств; все дрянные миазмы спаляют гортани, щекочут носы; среди рычаний толп и оскала дверей – дыры окон, как черные очи; а гнойный урод подкатился – болячками; и – тербит за пиджак; черной гарью и бурым хамсином прихлопнуто небо; все тело – зудит и горит; раздираешь его: наградили блохами; потеряны вы безвозвратно у кривых малюсеньких входов, подходов, переходиков, недоходиков, тупичков, тупых стен; тщетно тычете пальцем в развернутый план: не понять, не вернуться!

Чернейшая серень глазастого трехэтажного дома и справа и слева на вас навалилась, сливаясь почти; и смеется бурлящей щелью хамсинное небо; извилины улочки нас – поведут; и нигде не свернете; и – снова вернетесь на прежнее место; бесконечно вы кружитесь; грязь, вонь и пыль возрастает; а щель закоулка – смыкается; гвалты – растут: вас задержали, вам проломали все ребра; сквозь вас повалили пестрейшие толпы; вы – сами проход, по которому тяжело шагает... верблюды...

Вы свернули: все то же; свернули: все то же; свернули: все то же; свернули: еще, и еще, и еще, и еще, и еще, и еще...

Раз пятнадцать, раз тридцать, раз сорок – свернули; и снова – на прежнем вы месте. Где выход из гама, из лая, из плача, из рева, из хрипа, из рыка – где выход?

Опять повернули: из тесной гарланящей улочки в более тесный проходик; оттуда ведет вас проходик: его – ширина пять шагов; завернули в грязнейшую щель (ширина ее только три шага); свернули еще (ширина – два шага!), а угрюмость и тень – много метров: вперед и назад; а толпа напирает, толкает и давит; прососаны множеством вы капилляров огромнейшей толпоносной системы, которая гонится, точно мельчайшие шарики по венам, артериям города: ищите – где тут сердце, где площадь, где тут полицейский; и – площади нет: полицейского нет.

Вдруг свернули, и – диво: как будто редет толпа; повернули еще – поредела; еще – побежали, спеша, одинокие хахи; еще – никого; и еще – никого; вы попали в пустыню; вся кровь – отлила; вы – стираете пот, поднимаете взор: простирается жаркая, темная мгла; то песчинки; хамсин уже дует три дня, отнимая дыхание; руку вы нервно прижали к груди: продохнуть, додохнуть! Ни прохода, ни выхода!

Где полицейский? Как выбраться: он полицейский на «Avenue de Boula-que», а не здесь; ни европейца, ни даже египетской фесочки! Чистые фесочки все в Измалиэ, в Эсбекиэ, или в Абассиэ.

Тронулись, вновь завернули: бежит вам навстречу халат; и проходит, лазурясь, абассия; снова – свернули – толпа под-

хватила; и вот после долгих скитаний вы брошены к площади; к площади вышли три улицы; и на одной – слава Богу! – трамвайные рельсы.

Вы прыгнули в первый попавшийся трам; он – уносит; он выбросит вас – где вы не были; там, где он выбросит вас, вам укажут, как вам возвратиться.

Боголюбь 911 года

Толпа

Она – катится россыпью пестрых халатов, и синих, и черных абассий, неся над головами длиннейшие шеи верблюдов, горбы их, с вершины которых семейство, переезжая на дачу, с улыбкою смотрит на море голов; два феллаха, слипаясь хитонами, вам поднесли на плечах принадлежную морду верблюда; и он – оплевал вас; разжались феллахи; и только теперь вы, прижатые к боку верблюда, увидите, что у него есть действительно ноги, которыми он протирается в вязущей, в бьющей гуще; вы – выперты к площади; вот изо всех закоулков повыперла пестрядь халатов: вот – розовый, вот – лимонный, а вот – опушенный рысиного цвета мехами; громадным комком нависает чалма; борода протянулась; нос – сплюснутый, глазки – раскосы, цвет дряблого личика – желтый; да это – монгол! А за ним пробегает тюрбан над подрясником, а на подряснике – мерзость! Напялен кургузый пиджак с отворотами; и сочатся из улочек: эфиопы, чалматые турки, сирийцы: они – полосаты; плащи состоят из полос: черных с белыми, серых с красными; их капюшон стянут толстой веревкой; какие-то толстые палочки, точно рога, обложили его; орлоносый, седой абиссинец, вон там сухопаро проносит чернь лица, беседуя с коптами; старый еврей, в меховой, большой шапке упрятал слезливые глазки в роскошные кольца летающих пейсов; он тут ненадолго; Иеру-

салим его родина; перс замешался в толпу; э, да это – кавказец; попал он из Мекки сюда; синекистая фесочка, фесочка вовсе безкистая; вот же – вертящийся константинопольский дервиш в аршинной барашковой шапке, в песочного цвета халате, с кудрявой по пояс седой бородой.

Это все – налетит, обдав запахом пота и лука, расплещется в пыль рукавами халатов; в неизреченного вида штаны утонул кто-то там; в шароварах, подобранных кверху на быстрых ногах, пробежит митиленский, трескочущий грек, заломив на затылок, как гребень петуший, малиновую фригийскую шапочку, выше колен натянул он чулки; они – черные, туфли – заострены.

Азия, Африка здесь размешалась с Европой.

Высокогорбый верблюд косолапо навалится из закоулка; арабская, важная дама, – двуглазка с закрытою нижней частью лица, восседает на нем, онемев от величия; а за верблюдом второй повалил, третий, пятый, девятый; все девять влекут на горбах: арабчат, тюфяки, утварь, кладь, косолапые ящики: чтущее местный обычай семейство переменяет квартиру.

Толпою вы втиснуты в празднество: празднуют!

Что, – вы не знаете: где-то, кого-то почтили; и медные трубы оркестра гремят: там – процессия; и оживились тюрбаны, куда-то помчались: на лицах написано:

– «Празднуют, празднуют!»

Сотни кровавых флажков перекинуты там через улицы

плещущей веей гирлянд; затрепетали флажки на стенах; вот – трепещут в руках; выбегают феллахи, и машут флажками: на красном флажке пробелел полотном полумесяц; мне вспомнился прежний обычай какого-то праздника: он ежегодно справлялся в Каире; мулла вылетал из мечети на белом коне, а себя приводящие в ярость экстаза поклонники (я не знаю какой только секты), упавши на камни, образовали сплошной живой мост распростершихся тел, по которому мчался мулла, попирая копытом коня – груди, ребра, затылки и спины.

* * *

Толпа загоняет вас в крытый базар, где любезнейший турка дымит фиолетовым, желтым и черным клокочущим шелком; или тащит кровавый халат: обливая благовонием; или под ноги валится черный оборвыш: вы – вот загляделись, а черный оборвыш, подкравшись к ноге, расшнурует угрюмо ботинку, сорвет; и просунет в носок зеленейшую туфлю; невольно ударишь ногою по цепкой руке; зеленейшая туфля опишет дугу; и просунувши ногу в ботинку бежишь от оборвыша (после ее зашнуруешь); оборвыш погонится с туфлей в руке, претендуя на что-то. Вы выскочили прямо в воздух: к бассейну, прелестная форма его поразила на миг; и веранда над струями вод, и витые колонки над ней; это – выступ дворца: ты подумаешь – чей? Никакого дворца; он остался в

дали – за спиною; толпа протолкнула вперед и вперед: пролетели на пестрой толпе: протолкнула вперед; впереди перед вами разъята; и – новые зрелища видишь.

Боголюбь 911 года

Форма мечетей

В заторах горластого города, – там, где приподняты трое ворот (Баб-Зуйлэ, Баб-Футун, Баб-ен-Наср) – истечение мечетей: мечеть ель-Хакем, и мечеть Абу-Бакр, и мечеть ель-Акмар и мечеть ель-Азар.

Ель-Азар удлинилась раздвоенной формой меча минарета; в ней собственно пять минаретов; один высочайший – с раздвоенным верхом; вокруг округленного тела его утолщения балконов (балкон над балконом), как кольца на пальцах; с вершины второго балкона приподняты две параллельные башенки; два куполка их венчают; один минарет изощренно-узорен; и он – трехбалконен; один из пяти есть отчетливый кверху протянутый куб; и тунисская форма в нем явственна, хоть изменилась она; фатимиды построили эту мечеть⁸⁸; именитая школа она, или – арабский Оксфорд; отмечаются мрамором многоколонные портики; и отмечаются – явно персидские арки.

Мечеть ель-Хакем: ель-Хакем, внук Моэца построил ее⁸⁹; ель-Акмар⁹⁰ развалилась.

Мечеть ель-Гури⁹¹ расставляется пестрою прелестью стен;

⁸⁸ Окончена в 917 году.

⁸⁹ Окончена в 1003 году.

⁹⁰ В 1125 году.

⁹¹ 1516 года.

мы надели у входа на ноги широкие туфли, перебегая глазами по ясности мозаических плит, по плетенью упорного черного и черно-серого мрамора; внешности я не запомнил; внутренность вся: оцветнилась она углублением в сторону Мекки (в стене углубление: в том месте, где в наших церквах начинается скрытый дверями алтарь); по бокам углубленья колонны из мрамора; сверху же тонкой дугой слагают рисунок изящные мраморы; сбоку – квадраты; и в них пробелели два круга; здесь стекла – цветные; узорчатый пол оцветнился рефлексами окон; от стен и до стен; посредине мечети стоишь, как в цветистом, зажженном фонарике.

Вот ель-Махмудиэ (около Цитадели она); симметрии в ней нет; вся она – странный вызов пропорций; она – прототип, как мне кажется, стиля каирских мечетей; полосатые стены с узорчатым, резаным краем суть стены каирского стиля, как все минареты мечети описанной (ель-Азар), как колонны массивного портика Ак-Сукнор и как стены мечети Султана Гассана; пространство стеного страннейшего выступа точно вобрал в себя купол Махмудиэ – пересосал свои стены, втянул, подтянул: выси вытянул; явно: на кряжистых кубах мечетей Туниса лежат полукруги снежеющих, каменных куполов; все каирские стены протянуты ввыси; взлетающий купол Каира высок, яйцевиден; кончается он истончением; весь изощрается маленьким пиком; его ширина уступает длине; таков купол мечети Барзай; таков купол мечети Султана Гассана; и купол фонтана Ибн-Тулун – той же фор-

мы; боками не выдут тот купол; нет луковки в нем; этой луковкой явно отмечены храмы Дэли; эта луковка вновь появляется в наших московских соборах (Успенский, Архангельский).

Эллипсоидное расширение купола видим в Стамбуле (влияние, может быть, Айя-Софии); и видим слияние эллипсов (эллипс на эллипсе); точно такую же формой (слиянием полуэллипсов) ярко отмечена форма пышнейшего купола цитадельской мечети; мечеть Магомета Али повторяет стамбульскую форму; ее строил грек. Архитектоника формы мечети Султана Гассана – типично каирская; купол, поднятый в пространство стены расставляет в пространство свою высоту; и он, помнится, гладкий (иные рябеют рельефом, как струпьями); стены мечети прочерчены рядом полос, как и всюду в Каире, где розовый цвет полосы чередуется с красным, коричневым, серым и желтым (продольные полосы – здесь, поперечные – там); округлением двух минаретов неравных размеров протянуты стены мечети Султана Гассана; и так округлением двух минаретов неравных размеров протянуты стены каирских мечетей; пускай восхищаются ими, как наш Елисейев; по-моему: нет ничего тяжелей рококо этих стен; а в Стамбуле стреляются равными пиками справа и слева мечети.

Мечеть Магомета Али также точно стреляется в небо тончайшими пиками: справа и слева от эллипсоидного купола; и в ней – переход от мечетей Стамбула к мечетям Каира.

И переход к Кайруану – страннейшая форма мечети Султана Баркука; квадрат ее тела – типично тунисский; он – белый (опять, как в Тунисе); белеют его купола, как в Тунисе белеют они; их продольные полосы врезаны так, как в Тунисе; взошли минаретики трех этажей, как в Тунисе; квадраты лежат в основании башенки (так, как в Тунисе). Особенно много мечетей таких в Кайруане. В Каире их мало.

Мой вывод: Каир есть смесительство; и на восток и на запад цветут две различные формы; одна через Багдад, через Персию пышно вскрывается в Индии; и процветает другая в Берберии, здесь развивая свою мавританскую форму; в Каире те формы, встречаясь, друг друга съедают.

Боголюбы 911 года

Султаны Египта

В Египте скрестились три мира: Европа, «Офейра»⁹² и Азия; борются здесь европейцы с арабами; борется здесь Мавритания с мощным Мосулом, с Багдадом: огромные личности малой Европы идут просверкать – в Палестину, в Египет и в Сирию: Наполеон, Барбарусса, Ричард; возникают отсюда фигуры: вот ель-Моэц⁹³, Нуреддин⁹⁴, Саладин.

Созерцаю мечеть ель-Азар; ее пять минаретов (раздвоен один) прихотливы: вот этот – квадратен; вот тот – почти кругл; ель-Моэц – раздвоил ее стены в этот двойной минарет; ель-Азар создал славу ей – школой; какой-то амальгамой построек раскидано здание; вот его портики: 300 колонок! Здесь сотни начетчиков, тысячи верных студентов доселе живут в утончениях мысли пророка; четыре суннитские толки встречаются в залах ее; у коринфских колонн под арками кучки халатов чалм; те – сидят; эти – бродят; я думаю: некогда сам Нуреддин, благосклонно внимая речам просвещенного суфи, ходил под колонками; видели старые стены почетнейшего Саладина, которого «львиное сердце» глубоко ценило Ричарда (по прозвищу «Львиное Сердце») – тот

⁹² Мифическую страну «Офейру» искали в Индии, и в Африке.

⁹³ Завоеватель Египта, владыка Кайруна, перенесший в Египет династию Фатимидов.

⁹⁴ Султан Мосула, которому подчинен был Египет.

лик Саладина, который грозил Барбаруссе, которому Фридрих Второй был обязан: спасением жизни (когда темплиеры хотели его погубить); он вливает через Фридриха импульсы просвещения, формируя задания нашей культуры; ему мы обязаны: он – просветитель.

Мечты увлекают меня.

* * *

Вот высокой сухой фигурой, закутанный в скромный бурнус, сам Султан Нуреддин показался под зонтиком, пересекая тот двор, к группе суфи, сидящих под портиком; суфи встают; Нуреддин очень быстрым движением бронзовой смуглой руки их сажает: садится на корточки, благоговейно внимает – я вижу его: его мощный, приподнятый бронзовый лоб в перегаре⁹⁵; под ним извивают покорную кротость два пристальных глаза; рукою он гладит бородку, которая у него – с подбородка; прочерчены безбородые щеки; ты спросишь: – «Кто этот покорный студент?»»

И владыки Мосула, Египта, Аравии, Месопотамии, Сирии – в нем не узнаешь!

Потом на коне под круглеющим зонтиком он величаво гарцует по улице Шарауйяни к колодцу стариннейшей Ибн-Тулун; в шестивратной мечети все ждут Нуреддина; как пля-

⁹⁵ Характеристика по Ибн-Алатиру (1160–1233), автору «Всемирной истории» и «Истории Атабеков».

шет копытом снежайший, зафыркавший конь; но прямой и приросший, как палка – под белым бурнусом он мечет на все черный огонь черных глаз; почему на нем нет украшений? Он – беден; казну государства не трогает он, одеваясь, питаюсь из малых доходов; султан занимается скромной торговлей; в Эмессе построил он лавки; недавно еще отказал он любимой жене в ее малых потребностях.

Ибн-Алатир уверяет, что образом жизни сравнялся с Омаром, Османом, Али, Абубекром, тишайший, строжайший, скромнейший султан, днем творящий расправу и милость в судах, а ночами молящийся (редко заходит к жене он); единственной слабостью, развлекающей дни его – мяч; выезжает порою в равнины на белом коне; издалека навстречу султану? бросается мяч; он бросая поводья, сложив под бурнусом свои обнаженные руки, бросается ярим конем под полеты мяча, и дощечкой, ожимаемой в правой руке (руку же держит скрещенной под белым бурнусом), он бьет по мячу: прыткий мяч отлетает обратно; при этом весь облик султана суров, неподвижен и хладен; так ловок ловчайший из всадников!

Как-то писал Нуреддину какой-то суровый смельчак, что Султану Мосула, святейшему повелителю Месопотамии, Сирии и Египта не следует предаваться пустейшим занятиям этим; султан ему лично ответил, что в этих занятиях он упражняет себя, чтоб на поле сражения быть воином; все уже знают, каков он в бою: увидавши врага, он, хватаясь за лук,

устремляется с возгласом: «О, сколько времени я ищу правой смерти за дело Пророка; а смерть – убегает». И верной рукой, натянув тетиву, он пускает: стрелу за стрелой.

Он – первый в молитве; он – первый в отваге; то кротким ребенком сидит перед суфи, даря ему только что полученный пышный тюрбан (не пристало ему украшаться), то строгим отцом разрешает он тяжбы, то хитрым расчетливым он пауком заплетает тенета политики: будут неверные биться в них мухами!

Часто султан приглашал на трапезы шейхов, имамов, философов; им уступая беседу; на этой беседе все чинно молчат, а один кто-нибудь говорит; скажет: после ему отвечают; перебирают вопросы политики, права, религии; вот образованный старый гафец⁹⁶ вспоминает священные тексты; султан, чтобы лучше услышать, поближе сажает его; этот старый гафец после смерти султана ругает пиры Саладина, где все говорят в одно время, где грубые шутки эмиров напоминают безчинный базар, так что новый султан (проницательно видящий негодование старца), пытается из угождения к нему укротить голосащих эмиров; и – тщетно; не то Нуреддин⁹⁷; он умел водворить тишину.

Он был сам образованный; в строгой системе учился всем тонкостям права; и право возвысил над собственной властью: однажды его отвлекли от мяча, подведя неизвестного:

⁹⁶ Знающий наизусть Алкоран.

⁹⁷ Боаеддин.

– «Что тебе?»

– «Я имею судебную тяжбу к тебе».

– «Что я сделал тебе?»

– «Незаконно, владыко, владеешь участком моим».

– «Хорошо, идем к кади»⁹⁸.

И тотчас же с площади мощный султан и ничтожнейший подданный пошли к кади: судиться; и кади, до тонкости все разобравший, оправдал Нуреддина; султан же сказал:

– «Это было мне ясно и прежде: теперь я оправдан».

Но он проявил знаки милости:

– «Слушай: бери себе спорный участок; его защитив по закону, я вправе тебе подарить».

Он всегда говорил:

– «Мы лишь слуги закона!»

Он всюду вводил образцовый порядок; чинились дороги; и строились ханы⁹⁹ повсюду; исчезли убийства; забыли, что есть воровство; возникали больницы: «был строг без суровости; добр же без слабости»¹⁰⁰; все беззаконники с радостью встретили раннюю смерть его в дни, когда сам Саладин изменил повелителю и на него Нуреддин ополчился походом (он умер в болезни); о нем Саладин говорил:

– «У него научились впервые суды справедливости».

Так говорить о противнике мог благородный.

⁹⁸ Кади – судья.

⁹⁹ Гостиница.

¹⁰⁰ Ибн-Алатир.

Воистину Ибн-Алатир возвеличил бессмертную память султана Мосула; Боаеддин же воспел Саладина; он так говорил: «Я имел преимущество быть свидетелем деяний моего господина, султана Саладина, защитника веры, сокрушителя христианского богопочитания... виновника взятия святого города¹⁰¹... Я увидел себя принужденным поверить всему, что говорилось о героях древности... Я видел такие подвиги, что свидетелю нельзя не описать их»¹⁰².

Саладин оттеснил крестоносцев; он бился с самим Барбаруссой, с Ричардом и с Фридрихом Гогенштауфеном; завоеваньем Европы он грезил; веротерпимостью пропечатан весь облик его (Нуреддин был фанатик); в владениях его христиане не знали стеснений.

Когда, победив христиан, он увидел плененного короля Палестины, то подал напиток высокому пленнику; в Иерусалиме же расставил охрану, чтоб верные не утесняли раненных; и жен, и сестер христиан, павших в битве, султан одарил; и они прославляли его; отпуская на родину их, дал им верный конвой, чтобы в целости их проводить до границы владений, омыл благовонною водою «Харам-ель-Ше-

¹⁰¹ Иерусалима.

¹⁰² См.: *Стасюлевич*. Хрестоматия средних веков. Более подробно в сочинении Боаеддина (*лат. пер.*) *Vita et res gestae sultani Saladini* (извлечения у Мишо).

риф»¹⁰³ и усердно в том храме молился; когда Барбарусса ему пригрозил, он ответил ему очень явной угрозой похода в Европу; послание это написано твердым, но вежливым тоном; оно начинается так: «Королю, искреннему другу, великому... Фридриху»¹⁰⁴. Он почитал и Ричарда по прозвищу «Львиное Сердце». В сражении раз он просил, чтоб ему указали Ричарда; увидевши издали пешим его, он воскликнул: – «Такой король – пеший?»

И вот после битвы ему отправляет в подарок коня своего Саладин¹⁰⁵; и впоследствии предупреждает он Фридриха о ловушке, расставленной темплиерами: те предлагали украдкой султану предать его в руки врага: с возмущением Саладин отказался от этого; Фридрих Второй после мира не может забыть благородства султана; впоследствии с ним он дружит, приобщаясь ко всем утончениям арабской культуры.

Султан был бессребреник, как Нуреддин; только этот последний был скуп; Саладин отдавал свои деньги (доходы Египта, Аравии, Сирии) приближенным¹⁰⁶; и много сносил от них; плачем отметилась смерть благородного; Боаеддин говорит, что «сердца погрузились в печаль, глаза смокли от слез...»

¹⁰³ Храм Гроба Господня.

¹⁰⁴ *Стасюлевич*, а также казначей *Бернард*: *L'histoire de la congueste de la Terre d'outremer (no изд. Гизо)*.

¹⁰⁵ Бернард.

¹⁰⁶ *Боаеддин*, а также *Абульфараж*: Сирийская хроника.

Я брожу по арабским кварталам Каира; двубашенный старый массив, или ворота Баб-ель-Футун; и я думаю, созерцая античную арку прохода ворот, принадлежащую творчеству трех архитекторов (братьев), сирийцев (как Баб-ель-Наср): этой аркой ходили процессии; и Саладин, провожаемый кликом толпы, гарцовал, возвращаясь с похода; вон Баб-Аттаба (в конце улицы ель-Аттаба): а вот кладбище Баб-ель-Уазир; и за ним, на окраине города, дышит песками пустыня; в пустыне – нет времени; все там – бессмертно; и славное прошлое хлещет ветрами в каирскую уличку; эти ветра навевают мне грезы; мне кажется: вот за углом перекрестка я встречу процессию; там гарцует на белом коне повелитель Египта, Султан Саладин; он не тронет меня; расспросив о Европе, отпустит с дарами; и так отпустив, он поедет к себе, чтоб отдаться любимым занятиям: играми с маленьким сыном своим, за которыми невзначай заставали послы иностранных держав господина Египта.

Карачев 919 года

Каир с Цитадели

Прекрасна вдаль и нелепа вблизи Цитадель – на уступах холмов Мокка-тама, песчаных и желтых; одним своим входом открыта она с Румейлэх (это – площадь); тот вход ожидальный; две башенки обрамляют: теперь он – закрыт: проникают ворота Баб-эль-Джедит в первый двор Цитадели; отсюда ведет второй вход через линию стен: в самый центр, где – мечеть Магомета-Али; в Цитадели три части: и каждая часть обегает толстейшие стены; холмы Мокка-тама господствуют выше.

Султан Саладин ее строил; племянник его, ель-Камил, довершил построение; в ней поселившись (поздней обитали султаны на острове Роде); внутри Цитадели столетия нарастали постройки; позднее Магомет провел воду из Нила сюда (раньше воду снабжали колодцы); огромная часть цитадельских построек разрушена им.

Здесь мечети Гам-а-Магомет-ен-Нассер и Гам-а-Сулейман¹⁰⁷; доминирует же мечеть Магомет-Али: в ней мало типично каирского.

¹⁰⁷ Первая окончена в 1318 году, вторая в 1528-м.

Помню, что мы, пробираясь сюда, задыхались от жара; и стены, и башни грубели под солнцем, а солнце стрелялось, в глазах расплывались круги; Цитадель кружевела: желтели уступы над нею, уступы – под нею, уступы – меж ней; из зыбей моккатамских песков над арабским миром восходит она, своим цветом зыбей моккатамских песков: вылезает разным округлением лепок и эллипсов купола; бледная башня круглеет над бледною башней одной высоты со стеною, разъятой воротами там и разъятой воротами здесь: из зыбей моккатамского грунта; и – тихими, дикими пиками двух минаретов уколется в кобальты неба над нею; надутые выступы башен, изрезины мертвой стены затеняют прочерчиной в вечер; а днями сливаются цветом с цветами песков.

Восходя к Цитадели, увидите вы, что сплетение стен наливается весом, твердеет рельефом; узоры грубеют; и – как-то болванно балдеют в какие-то дуги, притуплины и набалдашники камня, показывая следы ядер, которыми некогда их забросал Бонапарт; в междустенном пространстве песчаных показателей выносятся тяжело мечеть Магомета Али своим диким песчаником; сбоку – другая мечеть.

А из внутренних стен Цитадели вы видите внешние стены; они упадают зубчато круглеющим кружевом желтого края: тонов моккатамских песков; и – торчат отовсюду; меж ни-

ми колодезь Иосифа; а впереди, вдалеке и вблизи в желтоватом пространстве желты: ноздреватые обвальни, лепки, проказой покрытые пальцы резных минаретов, и вздутья покрытых проказой резных куполов; многократно зубчатые дали восходят в зубчатые близи.

Ленивым желаньем приподняты стены мечети Султана Гассана; и – рой исхудалых, изъеденных башенок с перетолщением галереек, на них; это – справа; налево же розовый ряд куполов, розоватые ряби зубчатой стены, розоватая чаща худых минаретов: ватага чалмистых красавцев, вооруженная пиками в старых веках, погрустнев и померкнув, лупилась, ветшала и сыпалась обвальней в наше столетие; сев на песок за косматые зелени в местности мамелюкского кладбища; много десятков «харамов» созрело отсюда в сплошной перегар, выпадая в пустыню налево; то – новое кладбище, переходящее в мамелюкское кладбище; посредине мечетью Амры поступило оно из сплошных перегаров; и далее – Джами-Акра перегаром темнеет из Каср-ель-Шамаха.

«Кахера» осыпалась в серости сумерок там, простираясь крышами, стенами, пальмами, башнями.

Перепаленные, черноватые дали; поглощают поверхности высветом крыш, разделяемых протемью переходов и впадин под ними; отходят неясниться в желтые полосы Нила, который уже зеленеет, чтоб после совсем порыжеть, пробагриться перед тем, как из гор Абиссинии хлынут в июль потоки воды; из-за гарева видится Нил; и за Нилом – из-за гарева:

гарева чем-то неяснятся; будто бы кружево стен, бастионов и башенок, лес из чернеющих минаретов иголок; а, может быть, это – сады: разглядеть невозможно.

То все с Цитадели – пустынно: пылеет пустынная площадь, с которой чалмачник чалмачнику машет рукою; халатики треплются; выше, меж стен: лилипут часовой (англичанин) с прижатой булавкой (ружьем) прилепился; и он – оловянный солдатик отсюда; перевернешься – гряды моккатамского вала торчат.

С трех сторон обвелась Цитадель кружевною стеною; коли снизу взглянуть, то увидишь; изваяны стены и башни песчаной камеей; мечеть Магомета Али образует рельеф в окруженьи худых минаретов; а с Нилу она не камей, а легкий рисунок песка, или – рябь; вот подует; вот – светится; и – отлетит на пространство Ливийской пустыни, затемнеет, смешавшись с дюнами дующих мороком; выпадает где-нибудь в даях толпой песчаных тюрбанов.

Боголюбы 911 года

Принилийский Каир

Протянулись по берегу груды громад от моста Каср-ель-Нил; семиэтажный «Семирамис»: это – отель фешенебельный, для джентельменов, для веющих лэди, для беленьких бэби; и кажется нам: мастодонты домов прибежали на лаву расплава: пить золото Нила; сплошной водопой допотопных животных, пылающих там многоглазыми стеклами окон, оттуда на Нил посылающих лающий звук, изливающих трубами грубые глыбы из дыма над ясными стразами струй, пересыпанных глазом алмаза; глазастый алмазик; метаясь, замаляся там: под мостом Каср-ель-Нил.

Так стадами уступчатых кубов Каир – привалил: навалился на Нил; есть Каир: Нила – нет; и в печали отчаяний бродишь по берегу; а гололобые, голоногие лодыри бродят по бродам у берега – там; голоногие дети убогие сети, смеясь, окунули в течение столетий.

Прохлады отрадных садов развиваются далее, где – олеандры, азалии; среди изумрудных и чудных ветвей там: «буль-буль»¹⁰⁸ соловей, распевает для белых детей и собачек британского негодья: из бриллианта фонтанов; отходит извилистый Нил, разделяясь и, оставив рукавчик воды: между Нилом и... Нилом песчаными косами гонится Рода,

¹⁰⁸ Местное название восточного соловья.

розовник, или – остров садов, замечательный тем, что на нем возвышается сооружение знаменитого Нилометра; торчат плоскокрышие домики Роды; и Рода, розовник, проходит: садами, домами и старым дворцом; а за ним побежали, чернясь – острова, островки, берега, и углясь и стволясь перебитыми, чистыми, вовсе безлистыми прутьями; и над водою качаются древние гребни, раскосые космы, на воздух взлетающих пальм на коричневых, тонких стволах; или – финики, или «дум-дум», или кокосы¹⁰⁹, а серая стая седеющих стен укрывает подножия лапчатых пальм, а она же чернеет там, далее, из темно-красного зарева лживых хамсинов, как... гаревое марева; издали – призрачный рой мертвецов: бастионы сквозной Цитадели.

Через все прочешуилось золото Нила; из многостения домов, многоглавия куполов – уплываешь в «дахабие» (так называют феллахи фелюгу); под внешними веслами весело видишь везде световые печати воды; лишь отчалишь, печали отчаяний, точно какие-то чайки слетают на дали; и полный наплывом воды, с середины изливного Нила ты видишь Каир, мимолетное марево.

Есть только Нил, а Каир – не Каир; он летящая лента кино: улетучится тучею в жуткие мути, где все приседает под вечер за линией робких коробок кубовых кубов домиков; а «дахабие» зыбится рыбой во внешнем безвесии берега, как в безбрежии под голубым, чуть раскрытым крылом, – чуть рас-

¹⁰⁹ Кокосовая пальма разводится искусственно.

крытым в наплывы зеркал; место берега – бледно: какая-то безреальная плоскость; и сабля, сталаея клинком, плоско рыжеет потухшие суши: и я говорю улыбнувшейся Асе:

– «Каир – отплывающий плот: он приплыл; все иное закрыл; и теперь – отплывает».

– «А что наплывает?»

– «Мемфис, Гелиополь...»

И кажется: злая, сухая Кахера¹¹⁰ – хамсинная дымка Мемфиса – «Дахабие» напоминает ладью египтян: и кормой, и косым наклоном паруса; где ты, Каир? Голоногие дети расставили сети в течение столетий, и вытянув нильские илы на берег Мемфиса, слепили Кахеру; наплыв наводнения смотрит Кахеру блистающей бездной забвения; воды текут как тогда, от таинственных лунных вершин, где ахум¹¹¹, как на фреске Египта, начертанной на потолке «мастаба», все стоит с перетянутой тетивой эфиопского лука; на Ниле – нет времени; и – за кормою увидишь себя опрокинутым в сорок веков; золотая змея за кормою – диск солнца, изыбленный струями; изображали его золотой змеей с золотой головой: а была голова – золотого косматого льва.

Из «дахабие» выскочить бы: побежать бы по звонкому золоту ясным апостолом, не убоявшимся вод; убежать в Гелиополь по звонко зажженным мостам; но – разъялся тот

¹¹⁰ Арабское название Каира.

¹¹¹ Обитатель верховьев Нила, сохранивший в быту культурные формы древнеегипетских эфиопов (см. Стэнли).

мост: голубое крыло пробегающей встречной фелюги разрезало золото; и золотая змея с золотой головой улизнула в глубины.

* * *

– «Смотри, выплываем!»

– «Каир за плечами...»

– «Там зелень полей!»

– «Это – хлопок!»

По берегу стены коричневой, бедной лачуги: и дети расставили сети в теченье столетий; и кажется: Нил – вытекает из неба; и – в небо течет; темнокубовый лодырь выносит меня из «дахабие»; и через воду несет на руках до прибрежных травинок; выносит он Асю; и – бережно ставит на берег, где пучатся лопасти листьев, где капают влагой они; в рогогогие чащи идем – через чащи; и видим: стволистые бурости пальмовых рощ; закричал козодой: из кустов – над водой.

Меж валами канальца бежит (ты сказал бы: бежит по земле) острый парус: и белые, синие полости треплются, а из соцветия тупо просунулся буйвол, лениво жующий; и земли жиреют парами.

– «А? Что это?»

– «Это – папирус!»

– «Папируса нет: но он – рос».

Боголюбы 911 года

Каср-ешь-Шамах

Обветшалый такой акведук, точно римский, когда-то водою снабжал Цитадель; начинается прямо за ним протесненные домики: «старый Каир», где стекаются пестряди помесей древне-египетской крови с Европою времени римского и византийского блеска, и – пестряди помесей этих в смешении с арабами; первая помесь сохраннее в коптах; вторая феллахи.

Здесь часть населения отвергла Ислам; и – задвинулась общиной христиан за стенами: то – копты, в которых египетский предок бежит по артериям, напечатляясь в богослужебные книги; для нынешних коптов едва ли понятны они, потому что арабский подстрочник приложен к читаемым текстам; отправясь от них, могли верно приблизиться к древне-египетским буквам; по Изамберу меж коптским и древне-египетским видится точно такая же связь, как между италианским и римским. Среди коптов встречаются: евтихиане, католики, православные; быт христиан – искажен: лихоимством, подделкой и ловким обманом ославлены копты; они – математики; им поручили когда-то финансы Египта; когда-то считалась столицею их ель-Файюмэ, лежащая около «крокодилополя»¹¹², около лабиринта и около пира-

¹¹² Усыпальщица священных крокодилов.

миды мэридского озера; здесь проживают в квартале, имеющем наименование «Каср-ешь-Шамах», до сих пор еще копты; и здесь проживали они в миновавших столетиях: при Саладине еще.

Эта улица есть ель-Гури; здесь чернеют из стен головные повязки: то – копты; уйдете в проходик, назад не вернетесь; десятки желаний ограбят вас дочиста, реют, как реют над этой стеной прямокрылые коршуны, чьи прямокрылые тени, ломаясь, перекосясь на стене; верно, где-то есть падаль собаки, такой востроухой, такой востроносой, похожей и шерстью и юркой ухваткой на злого шакала, в которого, как утверждают арабы, вселился сам «марафил»¹¹³; марафилом и рыскают в черных повязках хитрейшие, орлоносые копты по Каср-ешь-Шамах, загнездясь за облупленным камнем древнейшей, римской стены.

Вы – проходите в брешь: деревянную дверь; и вы – в лабиринте облупленных, дохленьких улочек, где разбросались все церковки, неотличимые от соседних домишек; везде над дверями кресты отмечают святыню за ними, куда вы проходите в пахнувший дворик; на двориках розвальни церковок, где вас охватит и спертость, и сырость, и мрак, как в подвале: когда зажигаются свечи, вы видите иконостасик; он – деревянный: коричнево-темный, коричнево-черный, резной, с инкрустацией; и от резьбы оторваться нет сил!

Инкрустация здесь выщербляет орнамент, где черные, бе-

¹¹³ Злой дух.

лые, коричневые линии выют арабски из малых, точеных зверьков, вперемежку с пальметтами; всюду – святые угодники; а на стенах – примитив: византийские лики с потухшими красками.

Помню я церковку: с неподметенного дворика через проломы стены пробрались в эту церковку мы; опупелый баран вслед за нами заглядывал: с неподметенного дворика, через проломы стены; загрязненные коптские пастыри (все, что ни есть!) потянулись за нами: вернее прельстил их бакшиш; потянулись из дворика – в церковь; из церкви – на дворик.

Запомнилась церковка: это обитель святого (как кажется) Сергея, переделенная натрое; посредине пустело свободное патриаршее место; а справа и слева – отделы: мужчины и женщины молятся здесь раздельно.

Святая Варвара запомнилась старой слоновой костью своих инкрустаций.

Мы, помнится, переглядели шесть церковок; копты, мальчата и «хахи» гонялись за нами; и тело зудело и гари снедали; и уши мои разрывали, крича, горлачи; «обакшишил» я всех: залетали вокруг серебристые доллары, пьестры – в сплошной горлодер; полицейский за нас заступился; пока он оттискивал злую толпу, мы – бежали, не видя мечети Амры, восстающей по близости: в центре Каира.

Боголюбы 911 года.

Центры

Где красный халат перемешан с пикейным жилетом, где бродят надменные дэнди, где бредит тюрбан трескотней – посередине бульварчика Магомет-Али коричневеет коробка из камня, открывшись с одной стороны библиотекой с публичной хедивской читальней; в книгохранилище шестьдесят тысяч книг, из которых одна половина – арабские манускрипты; есть ценные списки корана; студенты, воняющие одеколоном и луком, влетают в открытую дверь; и потом вылетают обратно.

Другой стороной открывается камень коробки арабским музеем, где гранная бронза пестреет хвостами павлинов и странными вазами: полными формами выперта пышно; надгробные, передробленные, ассуанские камни; и ярко кричат инкрустацией мраморы; быстрою искрою жгут мозаичные плиты; эмирская люстра яснее, тяжелою медью; блистают: подсвечники, люстры и лампы, и кубики, и чашки, и яшмы, и – что там еще? Через зал деревянных изделий проходишь среди чаш инкрустаций; и точит узоры слоновая кость; табуреты, резные пюпитры, с которых читают коран; переходишь через зал деревянных дверей, металлических (бронзовых, медных, железных, чугунных), которые украшали мечети, в уютную комнату, полную крепкой керамикой; зала сирийских фаянсов; вон там отливается в фиолетовые фаян-

сы фантазия Персии; ткани всех качеств, мастей и отливов; ковровые волны и пятна платков.

Так бы я передал впечатление Музея: быть может, напутал я в частности? Как бы то ни было, но пестрота предо мною жила...

* * *

И – выходишь: тяжелое здание вот отступило от улицы, кроя кокетливо там завитушками зелени стены; кирпичного цвета оно; под приподнятой башней из камня изваяны львы, а в оконных простеночках – неуловимые кариатиды окаменели, серея, прижавши к бокам мускулистые руки; они – египтяне; они – стилизованы; к лбам привалился карниз; вероятно, тяжелое здание – дом фабриканта: английского, или... сирийского, анатолийского, может быть, малоазиатского – кто его знает! Коль здесь англичанин, то дом – фешенебельный дэнди, коль это сириец, – дом – «шик»!

Посеревшее чудище лепится рядом с кирпичным: все шесть этажей с жалюзи.

А в углу перекрестка, запертого зданьями, ярко присела мечеть, приподняв минаретик к четвертому этажу: к жалюзи; то – обломок прошедшего; сплющилась сбоку коробками: фыркают «шики», косясь на нее, ожидая когда наезжающий лорд из Шотландии вместо мечети посадит коттедж, чтобы снежные дэнди и нежные лэди, и белые бэби в летающих ло-

конах на перелетной коляске к нему подъезжали, смеясь.

Одногорбый верблюд, под копною травы приподняв лебединую шею, зашлепал по улочке: белый и стройный; ревет под окном; на горбе раскричался хитонник; тюрбанные слуги кирпичного дома хохочут над ним под воротами; там, за воротами – садик: цейлонские стволики корни простерли в малакские травы; искусственно кто-то развел это все; и – усыпал дорожки песочком, к которому выползли ящеры: греться.

* * *

Компания скромнейших фесочек мчит за собою в кафе баклажанного цвета халат; а халат упирается:

– «Хаха!»

– «А!»

– «Хаха!»

И – спорит; вовсе раздетая хаха на тощие ребра напаялила там... (вы представьте себе!)... пиджачек¹¹⁴; и гуляет в тюрбане; сиреневый смокинг проходит с яичным, напаяливши чистую феску с обгрызанным хвостиком; это студенты, свиставшие Рузвельту в прошлом году: недостаточно он либерален! То – «шики» Каира: «ошикали»... Рузвельта; и – пробегают в читальню; проходят: Мирджаны, Марджаны,

¹¹⁴ Иные туземцы действительно надевают пиджак на абассию, выглядя шутами.

Мурджаны, Идрисы, Халали, Рекасы, Фераджи, Мурзали¹¹⁵, сиреневый смокинг, быть может, Рекас-ель-Эдин, или даже – ель-Нил, а яичный – Гуссейн-Магомет-Нур-Абдин, или Ахмет-ель-Динкани, быть может, Бекат-ель-Бергут; осыпают себя неприятными криками.

– «Хвейс!»¹¹⁶

Те – без звания (просто «Мурзали»), а эти – «эффенди»: Али-Магомет ель-Араби эффенди, наверное – копт; и – католик («Базили!»); халат баклажанного цвета, – конечно, Ага-Мустафа, или – турок (что – то же!); а тот, пробегающий с банкой оливок, в кукурузных штанишках и с огненным галстуком – грек: Ассиаки, который когда-нибудь будет «пашей» в Малой Азии и перережет армян: Ассиаки-Эмин-Сириаки-Паша; если же он поселится в Париже, то, может быть, так, как сородич его, Попандопуло, станет еще декаденским поэтом; быть может, в Одессе еще расторгнется грецкими губками; выстроит виллы на Малом Фонтане; и летами и с целым семейством он будет жить в Митилэнах; пока – он в Каире.

* * *

Гляжу на туристов: старательно делают вид, что они – старожилы страны, щеголяя в желтеющих шлямах с вуалью, а

¹¹⁵ Арабские имена.

¹¹⁶ Хорошо.

«хаха» Марджан их усадит на ослика: будет гонять по Каиру на радость Рекасам, Идрисам и прочим бездельникам:

– «Хвейс!»

– «Уляля!»

– «А!»

– «Бакшиш!»

Полетят бакшиши!

Джентельмены попрячутся за спины злых полицейских, которые будут дубасить руками по спинам Рекасов; Рекасы, спокойно избитые, знают, что те джентельмены у них, у Рекасов, в руках; полицейский, прибыв, отвернется; Рекасы опять нападут; это все лишь комедия; завтра Мурджан-полицейский, надевши абассию, сам превратится в Рекаса; Рекас же, надевши мундирчик, поднимет торжественно белую палочку.

Все – здесь двусмысленно!

Это – Каир...

* * *

Иногда улыбнется пленительно он; златокарими зорями ползает в воздухе, переполняя свечением пролеты проспектов; и – нильской струей блеснет; и – пройдетя отряд музыкантов, вопя ослепительной медью разинутых труб; и феллахи бегут по бокам; бирюзового цвета карета поедет в кайме золотых гайдуков, у которых развеяно белое что-то... То –

свадьба.

Боголюбы 911 года

Течение

Нил изливается массой воды из нианзы¹¹⁷ «Виктория», пересекая седым водоскатом в нианзу «Альберт» – от экватора к тропику Рака, у Ассуана вступая в умеренный климат, а у Каира пересекая 30-ый, как кажется, градус и – дельтой ветвясь от Каира на север: до моря, и вытяни петли извивов его, он имел бы длину до семи тысяч верст, то есть, кажется, две с лишним Волги.

Нианза «Виктория» стала известной недавно¹¹⁸, она занимает поверхность Баварии¹¹⁹; тысячей верст обегает окружность его; обнимая пространство двух русских губерний; и Нил, и нианзы поят массой вод ледники Руэнцори, которые ярко описаны Стэнли¹²⁰, открывшим, что кряж Руэнцори и Лунные горы, когда-то известные страннописцу Эдризи¹²¹ и древним (о них говорилось в эпоху Гомера еще) – суть различные наименования тех хребтов; уже грек Гекатеус гласит, что у нильских истоков, в горах, проживают пигмеи; пигмеи

¹¹⁷ Нианза – негритянское слово, обозначающее скопление вод; нианзой может быть и река, и озеро; отсюда: «Виктория-Нианза», «Альберт-Нианза».

¹¹⁸ В 1857 году открыто Спиком.

¹¹⁹ 6600 квадратных верст.

¹²⁰ «В дебрях Африки» (*русск. пер.*).

¹²¹ Арабский географ 12-го столетия.

доселе живут в тех местах¹²² как о том заявляет и Стэнли и прочие.

Вытекли из двух нианз, соединяется северный Нил (уже в Судане) с притоком: с рекою Газелей, с Собатом; и получает название: Бахр-ель-Абиад: Белый Нил; у Хартума вливается мощный приток ель-Азрак, или Бахр-ель-Азрак¹²³, ниспадающий с озера Цан¹²⁴ проливающий мощные воды с июля до зимнего времени; далее Нил принимает Атбару (уже – выше), втекая в Египет у станции Вади-Хальфа (границы); и здесь образуют пороги – последние; но в просторечии именуют их «первыми»; многие едут до «первых порогов», немногие – дальше: в Хартум.

Нил льет проносимый поток абиссинской воды уже в июле; и далее: в августе: в сентябре воды падают; мощный разлив октябрём остановлен; вода поднимается у Ассуана на 24 аршина; и у Каира – на восемь; когда-то у дельты на солнышке грелся, разинувши рот, крокодил; и пускал пузыри по воде – бегемот; но бежал бегемот, как и лев, за Хартум; крокодил убежал к Асуану¹²⁵.

В географических картах недавно лишь с точностью вычерчен Нил; но влияние озера на течение Нила отмечено верно Гиппархом; озера, согласно Гиппарху, высоко взле-

¹²² Стэнли Г. М. История поисков, освобождения и отступления Эмина-Паши.

¹²³ Или «Голубой Нил».

¹²⁴ Озеро Цан находится в Абиссинии.

¹²⁵ Меч Сергей. Сахара и Нил.

тают на север, покинув экватор; и это – ошибка, конечно; у Птолемея слетают на юг, за экватор; и это – ошибка; вернее они у Эдризид (на несколько градусов ниже экватора)¹²⁶.

Все показывает, что некогда знали истоки реки; лишь позднее забылись они; в 18-ом и 19-ом веке (в начале его) утверждалась о Ниле какая-то чушь, упразднившая верное мнение Гиппарха, Эдризид и Птолемея; бракуя позднейших картографов, ныне мы ближе к картографам ранним¹²⁷.

Хребет Руанцори когда-то называли горами Луны¹²⁸; и позднее называли арабы его Джебель-Гумр; Юлий Цезарь мечтал поклониться таинственным Лунным горам, уверяет нас Стэнли: прекраснее Бернского Оберланда они¹²⁹. Что касается негров, живущих в той области, то наблюдаемы ныне еще атрибуты египетской жизни у них; как одеты ахумы,

¹²⁶ Стэнли.

¹²⁷ «Карта, перевернувшая вверх дном все показания Гомера, Гиппарха и Птолемея... изданная в 1819 году Констеблем: разве не позволительно думать, что он составил ее в припадке острого разлития желчи». Idem? т. II, с. 284. Гуг Муррей – положительней, ибо принимает во внимание свидетельства древних. Idem.

¹²⁸ Птоломей чуть ли не первый выразил правильное понятие об общем течении Нила и отнес его источники к громадному хребту «Гор Луны». Idem, т. II, с. 298–312.

¹²⁹ «Мысль теряется в этой бездне веков, протекших со времени поднятия Руанцори из недр, – проникаюшь... благословением и радостной благодарностью за то, что мне довелось все это видеть. Иного рода чувства... поднимаются в душе при мысли о том, что в одном из наиболее глухих углов земного шара, вечно окутанный туманами, опоясанный грозowymi тучами... скрывался один из величайших... гигантов, снежные главы которого вот уже пятьдесят веков составляют благосостояние египетских народов». Idem.

уатузи, уарунди теперь, одевались за 3 ½ тысячи лет эфиопы, платившие дань фараонам; такие же у них инструменты, шкатулки, посуда, ножи, деревянные ложки, сандалии, посохи, флейты и «мунду»¹³⁰; орнамент – сплошной треугольник: на тканях, на доме, на утвари (как и в Египте); цвета – желтый, черный и красный; манера держать себя (позы и мины) такая же, каковую мы видим в египетских старых рисунках; не видим мы часто канвы всех сплетений, родивших там «негра»; и «негра», как «араба» представляем абстрактно; из расселения пяти типов (полуэфиоп, эфиоп, негр, пигмей, бербер, мавр) возникали пестрейшие множества негрских племен; то имевших культуру, то – «диких»¹³¹.

¹³⁰ Палица, напоминающая египетскую секиру.

¹³¹ Idem, т. II: «Племена, населяющие луговую область».

Экваториальная Африка

Нил вытекает с экватора, и переносит из недр африканских старинную весть перецветших культур; вокруг истоков его закипает таинственно жизнь: африканские недра доселе таят неизвестности; береговая же Африка уже со времени Васко-де-Гама заселена европейцами; в недрах ее полагали когда-то «Офейру» (о ней гласят древние); солнце там жжет: пережженный есть «афф» – африканец.

Имена Уайта, Беккера, Ливингстона, Ю. Юнкера (москвича), Спика, Барта, Швейнфурта, Стэнли, Нахтигалья нам дороги; их труды, их отвага, их воля нам бросили свет на «Офейру»: к ней путь через Египет, через Нубию, через Судан к полноводным «нианзам», к водоразделам великих двух рек: Конго, Нила, а также: к водоразделу меж западной «нианзой» Чад и «нианзами» Нила.

В сороковом году Ливингстон углубляется в страны «Офейры», исследуя южные тропики, где он проводит шестнадцать томительных лет: он исследует весь юго-запад; переходя Калахари¹³², проходит к истокам Замбези, еще неоткрытым, заходит в центр Африки, где в Лилианти¹³³, в селекции негров, он долго живет; и отсюда проходит сначала на

¹³² Пустыня, примыкающая к юго-западному берегу Африки.

¹³³ Лилианти находится в центре Африки под 17⁰ южной широты.

запад (до берега океана), потом – на восток, к Зензибару, пересекая всю Африку; он во втором путешествии открывает нианзу Ниассу, исследуя берега: путешествие длится шесть лет¹³⁴.

В это время как раз Спик и Грант (англичане) проходят к «нианзам» Виктории и Альберту и от истоков Бахр-ель-Абиада проходят наверх, к Кондокоро, где к ним спускается экспедиция Уайта Беккера; Беккер спускается вниз: он исследует Альберт-нианзу¹³⁵; позднее Ливингстон поднимается с запада, с устья Ровумы¹³⁶ до озера Ньяссы; оттуда идет к Танганайке, где Стэнли находит его; Стэнли много исследовал области Конго; и можно сказать – создал Конго.

Немного позднее наш Юнкер исследует реки Собат и извилистый Бахр-ель-Газаль (то притоки великого Нила); он в семьдесят девятом году пробегает впервые по странам Ньям-Ньям, и дойдя до водораздела между Нилом и Конго, исследует реку Уэлла, приток Конго, растянутую на тысячу километров; ее переходит; и – ходит по речке Непоко – притоку реки Арувими (по ней ходит Стэнли; она – приток Конго); затем Юнкер правит свой путь до великого, нильского устья, где в Ладо встречается он с Эмином-пашей, отрезанный с севера от Египта махдистами¹³⁷. Через короткое время с ре-

¹³⁴ Последнее путешествие Ливингстона. (Перев. с англ. под ред. М. Цебриковой).

¹³⁵ Беккер Уайт. Путешествие к верховьям Нила и исследование его истоков.

¹³⁶ Ниже Зензибара.

¹³⁷ Эмин-Паша – губернатор экваториальной провинции Египта, на несколько

ки Арувими к стране Уаделай направляется к Стэнли, проходит к нианзе Альберту, уводит Эмина, спускаясь с ним к Зензибару.

Этим рядом смелейших проходов по странам «Офейры» впервые бросается луч на огромные области, где начинается Нил и Конго.

С Каира, естественно поднимаясь по Нилу, плывешь в зеленеющих и цветущих прибрежиях; тихо проходит Египет, возвысься седой стариной: Абидос поднимает храм Сети; весь белый он высится на бесплодии у деревушки; и зеленеет по берегу «дурро»; порой желтоватые горы покажутся издали; вот – Дендарах, где богине Гатор был воздвигнут возвышенно храм среди бесплодной степи; под колоннами вечером реют гиганты летучие мыши; и далее – то поднимаются степи, то пальмовый лес зеленеет; Карнак поднимается храмами на таинственных, лотосоподобных колоннах; аллею сфинксов зовет; и Луксор улыбается розой под пальмами; немые колоссы мемноские; брызжут зеленые краски прибрежий; чинары, акации, пальмы; среди них обнаженные почвы; открыли святилища здесь Мариэтт и Навилль; здесь копался в грунтах Масперо, извлекая могилы. Воздвигнуты Гатор, храмы Менту-Хотеп, Рамессеум; оранжевы, желты обрывы ливийского пустыря.

Далее, поднимаясь по Нилу, вы видите храм, посвящен-

лет отрезанный от Египта махдистским восстанием и выреченный впоследствии экспедицией Стэнли.

ный могучему Гору в Эдфу, поражающий красотой своих форм; недалеко от храма Эдфу-Ком-Омбос, крокодиловы мумии, храм высоко над рекою; здесь царство пшеницы и сахарных тростников; вблизи острова Филэ природа меняется: жгучая, грозная; жадно пески подползают к воде; поднимаются с запада горы; здесь храм, посвященный Изиде; и далее – начинается Нильский изгиб; начинается Нубия от Ассуана к Хартуму – шесть нильских порогов. И вот поднимаясь к Нилу за Ассуан, к Уади-Хальфе, вступаем мы в область огромных порогов. Здесь Нил нам рисует извив: с Ассуана к Хартуму теперь громяхают экспрессы; проезда по Нилу здесь нет; к Ассуану подкрался порог; у Хартума – последний порог; он по счету – шестой; от Хартума бежит пароход к Кондокоро; и – далее: к Ладо; за Ладо же – область «нианз»: экваториальная Африка.

Побережье Бахр-ель-Абиада¹³⁸ с Хартума сначала безжизненно: здесь происходит слияние с Бахр-ель-Азраком¹³⁹, которого берег отвесен; отлог берег Белого Нила; его как бы нет; появляется остров Гассание; берег покрыт полосой мимозовых чащ; эти чащи порою затоплены; и лихорадки господствуют; далее – дали пустыни¹⁴⁰, где водится все еще *Dipus-aegyptiacus* (грызун); и летают ливийские голуби; но –

¹³⁸ Название Белого Нила.

¹³⁹ Голубой Нил.

¹⁴⁰ Беккер.

попадают: яйца страусов; страусы водятся¹⁴¹

Далее – мир расширения болот; появляются холмики; при отплывании против течения Нила, налево являются страны шиллуков, направо являются холмики, крытые сочной травой; страны дикков простерты отсюда; кругом берега поросли тростником; побережье шиллукского берега в мощных лесах; деревушки проходят, ютась над косматыми пальмами; всюду стада; на реке челноки странной формы: амбак¹⁴² служит им материалом; сидят в челноках чернокожие; ловят баграми обильную рыбу среди звона болотных москитов; мелькают в воде красноперые окуни; плавает *Tetrodon phica*, которая может раздуться, набрав много воздуха; и одиноко сидит на суку неподвижный журавль; вот вдали показался продолбленный ствол; притаился шиллук, прижимая багор; у него ожерелье на шее; слоновая кость обвивает браслетами руку его; иногда он покрыт толстым слоем золы, защищающей тело от роя москитов¹⁴³.

Между тем берега изменяются; там, где вливается тихий Собат; поражают пространства болот; и не знаешь порою: болотом или Нилом плывешь; изменяется вид побережий и быт чернокожих; здесь всюду деревни различных племен; исхудалые киттчи, накрывшись леопардовой шкурой, просунут свои черномазые морды из зарослей сахарных тростни-

¹⁴¹ Юнкер.

¹⁴² Дерево.

¹⁴³ Беккер.

ков; забелеет перо завитое убитого страуса с черной главы исхудалого киттча, пасущего где-то стадо быков; или на берег выбежит шир¹⁴⁴, размахавшись дубиной из черного дерева; или стоит он, склонясь на копье, на одной лишь ноге (то – любимая поза); с макушки торчат петушиные перья; а там – поселение широв: все – круглые хижины; около берега видишь посеvy белейшего лотоса; женщины будут потом собирать семена его; есть элиары, есть боры: подай руку им; они сделают вид, что хотят в нее плюнуть (то – вид благодарности)¹⁴⁵.

Спросишь, как имя; ответят тебе:

– «Джокциан!»

Очень звучное имя!

По берегу видишь ты дхуру (то хлебное дерево); видишь ассасиа, из которой готовят танин, есть колючки киттуро, а *rystia stratiotes*¹⁴⁶ плывет островками; амбак, тамаринд и папирус, пальма-долап здесь – всюду; сидит птица лонзик на... голове бегемота; вон тот, проезжающий здесь на дахабиэ пришлый араб, приготовит тебе бегемотовый суп (очень вкусный); пока же, напялив тарбохш¹⁴⁷, он играет на легкой рабабе¹⁴⁸, что делает он в этой местности? Приготавливает из

¹⁴⁴ Имя негритянского племени.

¹⁴⁵ Беккер.

¹⁴⁶ Водяное растение.

¹⁴⁷ Шапка.

¹⁴⁸ Арабская гитара.

гарра (плода) прекрасную краску, которую после везет вниз по Нилу.

Поплыв по Собату, увидишь ряды тростниковых голов (точно сахарных); яйца страусов их украшают; живут в них нуэры; коль ты попытаешься вдаль углубиться, оставив челнок, ты увидишь следы проходящих слонов; ты услышишь рыканье льва в баобабах, услышишь пронзительный крик попугая и рев павиана: и карморан пролетит (птица-хищник); жирафы и страусы здесь начинают пастись¹⁴⁹.

Ниже немного пустившись по Нилу до Бахр-ель-Газалья¹⁵⁰, увидишь в дождливое время – озера, озера, озера: в бездорожье видишь лишь русла иссохших болот; за болотами – дым и зарево; то выжигают сухую траву; вся страна, распростертая к юго-западу от впадения Бахр-ель-Газалья в Бахр-ель-Абиад, простирается в людоедские страны, Ньям-Ньям, по которым ходил еще Швейнфурт, впоследствии ж углубился в них Юнкер на семь долгих лет.

По Бахр-ель-Газалю плывут травянистые бары¹⁵¹, южнее – леса окаймляют притоки реки; и южнее еще деревушки Ньям-Ньям, засевающих «элевзину»; растет здесь «трекулия»; плод ее – с голову человека; и прячется страшный «шимпанзе», дерущийся палкою: рощи бананов, масличные

¹⁴⁹ Юнкер.

¹⁵⁰ Нильский приток.

¹⁵¹ Плавучие травяные острова; см. о них в кн. Полковника Баратье, следовавшего за Маршаном.

пальмы, гигантского вида жуки поражают тебя¹⁵²; углубившись южнее еще, ты выходишь на берег притока великого Конго; за ним в лесных чащах уже попадаются карлики; их изучили и Висман, и Стэнли, и Юнкер, и Вольф; и о них говорит Франсуа.

Если же опускаться все ниже по Нилу, минуя Кондокоро, то опустишься к Уаделау, изученному экспедицией Стэнли и Беккером; Юнкер сюда приходил; здесь истоки великой реки; это – область Нианз: экваториальная Африка; ниже, пройдя за Уганду к «нианзе» Виктории и опустившись еще, ты доходишь до Ньяссы, которой длина 200 миль; ширина – 50–60; далее – голубое простертое озеро: Танганайка; горами и лесом покрыты ее берега; окаймленное скалами красного сланца, лазурится озеро; фыркают в нем бегемоты и плавают рыба моиндэ; отсюда же начинается область, которую изучил Аивингстон: он прошел меж пространствами нижних озер (Танганайкой и Ньяссой) и меж пространствами, отделившими эти озера от берега океана по речке Ровуме¹⁵³.

Здесь пышная флора: копал простирает в потоки лучей свои парные листья, серея стволем, осыпаясь орехами; черное дерево точит смолу; мозикизи и нтибьэ растут всюду, – каменный дуб, рододендры, мазук; всюду мбэбва дарит чернокожих плодами; смоковницы, заросли фиговых пальм, бамбуки; молодую листвою, оранжево-красной и розовой ре-

¹⁵² Юнкер.

¹⁵³ Ее устье лежит 10° южной широты.

ют прибрежья Ньяссы; и всюду растет пальма-фикус; те гущи проплетены сетью толстых канатов; то вьющиеся растения; и они – паразиты¹⁵⁴.

Покрывают травой жирнейшие земли; трава итикатика простерла свои гляцевитые листья в моэр и моэмбо (то – травы); цветут имбири голубыми цветками; оранжевы здесь орхидеи, пурпурятся царские кудри, цветут полевые лобелии; и голубеют чилобэ; растительность носит остатки каменноугольного периода¹⁵⁵.

Здесь, меж цветов, пролетает подчас бич скота – ядовитая муха це-це; рой мошек «кунго» танцуют над мощным бугром муравейника; в листьях же прячется мзиэ, милейшая мелодичная птичка; и водятся белые ибисы; слышится звук «чук-чук-чук»; это весть подает молодой марабу.

Не перечислишь зверей: леопарды, слоны, носороги, гиены, львы, буйволы, зебры, певучая утка, крысоподобная «сензе», и прочие; изредка встретишь слона-альбиноса; и есть альбиносы среди негров.

Здесь водится чорт, или «соко» – мартышка¹⁵⁶; ее безволосая, светло-желтая морда с двумя бакенбардами, с жидкой бородкой порой нападает из-за ветвей на ребенка; с гримасою бросится с ним в гущу листьев, кричит и балует, и щиплет ребенка; и с криком бежит негритянка под желтую пят-

¹⁵⁴ Ливингстон.

¹⁵⁵ Ливингстон.

¹⁵⁶ Род павиана.

кою «соко», мелькающей в лиственных высях; и вдруг с вышины негритенок летит к ногам матери; в высях хихикает «соко»; и пальцами чистит огромные ногти; когда на него нападают, то он наступает; и – бьет по щекам; если ранят его, он рукою из раны своей вырывает копьё, подлетает к обидчику Монде или Мпонде, или Чимбве; и, откусив ему пальцы, спешит в густолистие, где он пучками травы затыкает глубокую рану.

* * *

Давно интерес возрастает к еще не исследованным видам странных животных, которые населяют центральную Африку; еще в семнадцатом веке давала она богатейшую пищу английским зоологам; в восемнадцатом веке они проникают уже жизнь животных по Гамбии и по верхнему Нилу; французы в истекшем столетии открывают на западе неизученных антилоп; варварийский олень, саблерогая антилопа впервые являются взорам ученых; ряды разнородных незнаемых обезьян (павианов, мандрилов и дриллов) являются нам; Вильям Бурчел классифицирует виды различные зебр, изучает куаггу (или кваггу); и белые носороги открыты им; в странах Судана открыты козлы водяные; из птиц – китоглав; в Абиссинии открывают геладу¹⁵⁷; описаны Рюппе-

¹⁵⁷ Род павиана.

лем антилопы Судана; вся область Сомали изучена Керком; Уганда же Спиком; а карликовый гиппопотам, обитающий в странах Либерии, точно изучен лишь Шомбурком (только что); Поль-дю-Шалью изучает гориллу; открыты богатые фауны Камеруна, Габона и Конго, где Юнкер описывает неизученных антилоп Арувими, а Стэнли указывает на существование неизвестных ученым ослов и огромных свиней; Гарри Джонстон недавно совсем открывает окапи, которого существование известно и Стэнли¹⁵⁸, еще открыто чудовище, близкое к ископаемым бронтозаврам; как знать, что еще таят недра?

* * *

Живут в этих недрах рои негритян; чипета, чипетока, чезумпи, балунго, болундо, бабемба; бобиза – плуты, и ийоу – все храбры, шутливы и веселы; здесь обитают мангаджа, мбагва, имбомба, манийемы, которые – кровожадны; мангаджа на ткацких станках вытыкают пестрейшие ткани себе; всюду – ряд городков, деревень, деревушек: Котоза, Казанга, Кавмиба, Казансо, Маренго, Морави, Макоза, Маранди, Моерва, Мамуна, Момбо, Монанпунда; какое обилие носовых мягких звуков! И в них, в деревнях, обитают не Жаны, не Поли, не Германы, а Камзуны, Каумы, Казембы, Копгене;

¹⁵⁸ См. статью путешественника сэра Гарри Джонстона «Последние тайны африканских лесов». – «Природа и люди», 1915 г.

а Читикол, Чаокил, Читанангва¹⁵⁹ одеты в пестрейшие ткани из pterocarpus'a, изукрашенные явно египетской арабеской; татуированы все: племя носит свой герб; и он вырезан в коже; те негры разводят в полях табак, рис и маис, дурро, сорго, потаты, маньоко; пекут из съедобных для них насекомых лепешки; приготавливают полебе (род пива); и пьют его много, растя животы, из желтеющей тыквы; их зубы обточены; женщины носят пелеле, кольцо на губе; огонь добывают иные сверлением палочек; спят в шалашах на жердях; под жердями разводят огонь, разгоняя дымками звенящих москитов; порой деревенька окружена палисадом; подходишь: и слышишь уже издали звук колотушки: то бьют, размочивши в воде волокнца «буозе», приготавливая какую-то ткань для одежды, которую часто вымачивают из древесной коры; ты подходишь, и – хлопают негры в ладоши, встречая тебя; где-нибудь за деревней, вооружившаяся длинными луками (в 6 с лишним футов) присела засада у «гопо», большой западни для животных; из-за ствола твердотелого птибье посмотрит косматая рожа; и – скроется; только торчит за листьями перо (под пером – голова); и виднеются издали колья густых палисадов деревни; кой-где на колу скалит зубы объединенный череп, наверно преступника; осудил суд, миландо, его выпить, верно, муаве (род яда); приходишь в деревню; ряд хижин, улепленных гнездами коричневеющих трясогузок (не наших); и видишь; перед центральной хижинной на

¹⁵⁹ Негрские племена.

слоновом клыке восседает король; и венец желтых перьев на нем; музыканты проводят по струнам морильбо (род гуслей); он – слушает; в отдалении где-то трубят в рог – «куду». Отчего так задумчив король, весь увешанный человеческими пальцами (роль талисмана)? Он только что съел прежде милое сердце жены; у маньемов обычай бежать за товарищем, уличенным в провинности, чтобы, зажаривши, съесть его; целые толпы гурманов частенько гоняются с криком за ним; утонченнейшим блюдом считает маньемский гурман человечье протухшее мясо; оно ему – бри.

Таковы нравы озера Ньяссы, как их наблюдал Ливингстон¹⁶⁰... Экватория одаряет их пальмами; сколько живы ею: их одевает она, укрывает, питает, поит; хоть бы Phoenix в своих разновидностях: Phoenix silvestris дает сладкий сахар, дает и вино; Dactilifera Phoenix мы знаем по плоду: по финику; Phoenix же farinifera дает саго. Арабский писатель четырнадцатого столетия Ибн-ель-Варди, говорит, что Аллах сотворил пальму Phoenix из той же земли, из какой он создал человека.

А Cocos nucifera, приносящая людям кокосовые орехи. Кокосовым молоком разбавляют и кофе, и чай, точно слив-

¹⁶⁰ Вот некоторые из сочинений, тракующих экваториальную Африку: Юнкер. Wissenschaftliche Ergebnisse der Reisen in Central Africa. 1890. *Ego же*. Reisen in Afrika (3 тома), 1889. *Casati-Lehn*. Zehn Jahre. Jaren in Aequatoria. Barth: Reisen und Entdeckungen in Nord-und-Central-Afrika. *Стэнли*. История поисков, освобождения и отступления Эмина-Паши. *Беккер*. Путешествие к верховьям Нила. Последнее путешествие Ливингстона. (Пер. с англ.)

ками; плод же съедобен; из скорлупы вырезают изделия: ручки, посуду, различные безделушки; она, скорлупа, пережженная, фигурирует, как прекрасная черная краска; отвар из кокосов – вернейшее медицинское средство; волокна, которые окружают орех, идут в выделку: мочат их и потом заплетают в канаты, которые крепче пеньковых, сплетают циновки; орех дает масло; известен белок из кокосов; кокосовый жмых поедает скотина, из листьев сплетают различные вещи; и хижины негров они защищают от ливней.

А пальма *Borassus (flabelliformis и aethiopum)*? Из крепких стволов вырезает оружие негр; сок дает опьяняющий крепкий напиток, перегоняемый и выделяющий сахар; лист – кроет, питает борассовый плод¹⁶¹.

Сколько жизней скрывается в пальмовых листьях от ярких лучей эфиопского солнца! Зверьями кишит акватория; в сумрачных темных болотах Родезии (к югу от Конго) живет европейцам неведомый зверь: между реками Лунга и Кафу; по описанию негров, его косолапое тело огромно (с гиппопотама), а шея длинна, как жирафова шея (скорее, как тело удава); на ней голова крокодила с отчетливым рогом на носе; в чудовищном звере воскрес ископаемый «бронтозавр»¹⁶².

Но зверье исчезает; везде пропадают слоны; колониальной политикой Леопольда I Бельгийского слон истреблен почти в Конго (король занимался торговлей слоновых клыков);

¹⁶¹ См. журнал «Природа и люди» за 1910 год. Статья о пальмах.

¹⁶² *Гагенбек Карл*. Животные и люди.

носороги, жирафы редуют; и львы пропадают; когда-то они обитали в Европе; недавно еще в изобилии львы населяли Алжир и Тунис; в Константине, в Ороне, на юге Тунисии, ныне они – величайшая редкость.

Культура возникает в сердце «Офейры» убийственной сталью железных дорог; европейские центры растут в Экватории; быстрый трамвай пробегает по берегу Конго; свистит паровоз по лесам Сенегала, везя пассажиров до... Нигера.

Бьется еще африканское сердце; в Уганде, в Дарфуре, в таинственном Кардофане, где был Нахтигаль¹⁶³ в Уаделае, в странах Ньям-Ньяма; и туда меня тянет. Душою уплываю по Нилу в центральную Африку; я уголок лишь ее посмотрел в удушающих пряностью пышных каирских садах.

Карачев 919 года

¹⁶³ См.: его «Сахара и Судан».

Сады

Не сады, – а – роскошества.

Бегают белые бэби в зеленых роскошествах; жеманный худой феллашенок гоняется в солнышке за косолапо в кусты убегающим ящером; немо сидит феллахиня-мамаша под розовой веткою: то – олеандры; папаша, почтенная «хаха», читает газету в жасмине; ороситель из пестрой лужайки стреляет струей в широчайшие листья банана; и кроет их перлами:

– «Видишь, другая струя застрелялась!»

– «В кусты – из кустов».

Из кустов с предлиннейшей кишкою выходит ленивый тюрбан: это – сторож; зеленокрылая птица вспорхнула; какая – не знаю. Но знаю: здесь водятся колпицы, ширококлювка, краснеют в водах фламинго; мы видели их, одноногих, – увы, не на воле: в каирском саду; и сидит над водой пеликан, прочитавши молитву над рыбой; и трелит «буль-буль» (соловей) из оранжевых цветиков – ранней весной (в феврале): не теперь; ибис – редок, хотя попадался, как, кажется, он Елисееву.

Тихо сидим под чинарой: толкаю притихшую Асю:

– «Смотри-ка на хаху-папашу, который читает «Revue».

– «Нет, какое достоинство: так и написано en toutes lettres на лице: Мы-мы-мы... Вот у нас... К нам съезжаются короли,

пэры, лорды, бароны и графы всех стран»...

– «И мошенники всех предприятий».

– «Смотри, что за нос: нос – изогнутый нос; а надутые губы, как... сочная слива: глаза – тараканы с усами»...

– «Оставь, не болтай таких гадостей»...

– «Буду молчать».

Упадаю глазами в раскрытую книгу; и в книге читаю про... хаху-фел-лаха. ^[1]

Феллах – куча пепла: вы тронете мумию пальцем; она распадается в пыль; эта пыль, разлетаясь, свивает тела современных феллахов; феллах пристаёт, навязавши себя, как раба: греку, римлянину, византийцу, арабу, прихожему берберу, чтоб усыпить господина, растлить его в пепле; воистину: «хаха» – страшнее врага; европейца она отрезвляет «пептонами» (трупными ядами).

* * *

Тронулись: тихо пошли по дорожке – под кружевом зелени нежно оделись и тоненький стволик, и ствол, и стволище, обвиснув нежнеющим листиком, лопастью равно-разлапой; сплетаясь в многолистие, переливаясь оттенками, переплетаясь лианами; дико торчит, протопорщась, косматая чаща, точащая капельки в слезоточивые камни, склоненные в вазы бассейнов.

Просунулась морда ушастого ящера в красных кустах;

провильнула, скрываясь хвостиком; и на красном песочке, в лучах, пресмыкаясь, бежит косолапая стая играющих ящеров.

Пышный газон; по газону, как будто к нам крадучись, тащатся стволики; я вспоминаю, где видел я это?

– «Не мангровый лес ли?»

– «А я не пойму: это дерево, или это – кучка деревьев?»

– «Нет – дерево».

С каждой изогнутой ветки протянут змеящийся в воздухе корень к земле.

– «Точно рощица!»

Да, сквозь орнамент египетской флоры в садах раскрывают орнамент Кашмир и Цейлон, и Малакка¹⁶⁴, и даже Сицилия.

– «Видишь – магнолия».

Веет своим зеленеющим вретисцем – бездна; и – проливень листьев посыплется лепетом, шелестом, треском; и чешется гребень чудовищный финика в ультрамарины небесного свода.

Здесь вечером, может быть, будет носиться, мертвея крылами, собака-летун¹⁶⁵; и в египетском страхе отчетливо дрогнет косматая роща.

Боголюбы 911 года

¹⁶⁴ Елисейев. По белу свету.

¹⁶⁵ Летучая собака (вид pteropus).

Акхуд-Куфу и Уэр-Кхафра

Издали пирамиды – не велики; из песков попросунулись: два треугольника цвета пустыни; вон та – пирамида Хеопса: затуплена малой площадкой она; а вот эта – острее вершиной; она – пирамида Хефрена; меж ними боками углов опрокинут лазуревый треугольник огнистых небес; где-то сбоку затеряна малым торчком пирамидка; она – не приметна.

Акхуд-Куфу¹⁶⁶ тянется по наклону на множество метров¹⁶⁷; ее вершина чуть не более ребер наклона¹⁶⁸; с тринадцатой стертой ступени чернеет отверстие входа, как малая точка.

Уэр-Кхафра¹⁶⁹ кверху торчит на сто тридцать шесть метров: ступеней же нет; верх красуется в розовом, скользком граните; гранит этот выветрен.

Третья – Нутир-Менкаура, простерта, как карлик, под первыми¹⁷⁰; и от нее не вдали укрываются три пирамидки: ступенчатые – все; укрываются боком Хеопсовой пирамиды.

Та группа есть близкая группа; а дальняя группа встает у Мемфиса; закрыта она за валами песков; между группами

¹⁶⁶ Пирамида Хеопса.

¹⁶⁷ 175.

¹⁶⁸ 210 аршин.

¹⁶⁹ Пирамида Хефрена.

¹⁷⁰ 66 метров.

путь через пустыню: на осликах (три или четыре часа).

Пирамиды стоят на песчаном плато; и змеится дорога сюда, защищенная камнем перил от ветров; у начала дороги туристов ждет трам, – пробегающий в немости пустыни из пальмовых парков.

Сливаются цветом с Ливийской пустыней бока пирамид (цвет пустыни изменчив, как море); сереют мертво желтоватые камни, едва забледняясь в еле видную прозелень; белесоваты на солнце поверхности бока; рябеют ступени тенями на боке, закрытом от солнца; цвета пирамид – серо-белый и серо-желтеющий; в них рябовато въедается злой серогрифельный тон. Оголтелые камни – рябые какие-то от мертвеющих, тухнувших промутней; промутни – в желтых налетах, с едва выступающей зеленью; в полдень галдеж красноватых рефлексов бросают бока; а к склоненью чуть-чуть лиловая дымка воздушнит углы выпирающих граней.

Какой же тут цвет?

Он – такой, как пустыня, которая тускло сереет от грифельных впадин седого песка, где оттенки, въедаясь друг в друга, слагают рельефы, откуда протычились обе громадных вершины: два трупа, две мумии.

* * *

Англичанин Р. Хиченс, которого чувство Египта во многом созвучно с моим, великолепно рисует изменности кра-

сок в громадах Гизеха; передаю его слово:

«Всматриваясь в даль за песками, я увидел пирамиду из золота, то чудо, которое создал «Khufu». Как золотое чудо она меня приветствовала после долгих лет моего отсутствия. Позднее мне предстояло увидеть ее то серую, как окружающие пески, то желтосернистого цвета – при – при-дневном освещении, то черною, как памятник, облеченный в траурный бархат – при звездном освещении ночью, то белую, как гигантская, мраморная могила на утренней заре»¹⁷¹...

И далее: «По мере того, как глубже изучаешь чудеса, созданные в Египте человеком, величие их все возрастает и все более подавляет наше воображение... Пирамида, как и некоторые другие памятники Египта, высеченные из камня и скал, обладают какою-то удивительною способностью держать себя вдали от всего окружающего, подобно душе человеческой, всегда готовой уйти в себя... Вы мало-помалу начинаете чувствовать все величие пирамид «Ghizeh»... Впечатление их глубокого покоя, классической простоты, значительно усиливается тогда, когда скрываются детали, когда они рисуются лишь черными формами, поднимающимися к звездам... Простота их форм внушает целый ряд... высоких порывов... Взор ваш медленно поднимается по каменистым стенам... Сколько таинственного... представляет собою контраст между основанием пирамиды и ее вершиною»... и т. д.

¹⁷¹ *Хиченс Роберт*. Чары Египта в его памятниках, с. 6.

* * *

Точно века заиграли рефлексом на этих облуплинах старого ноздреватого бока; а тот – Уэр-Кхафра – молодится; Акхуд-Куфу – морщится вся; Уэр-Кхафра – недоступна; меж складок морщинистых щек на Акхуд-Куфу ползают: паразиты-туристы, как вши, паразиты-феллахи, как блохи; Уэр-Кхафра – гордый богач, в розовеющем граннике шапки; Акхуд-Куфу – нищий: он шапку свою потерял.

Боголюбы 911 года

Приближение к пирамидам

Замучило нас пирамид выражение!¹⁷²

Пустыня их кажет в фате из обманов; миражи струятся от ребер; и легкими танцами ходит рефлекс световых изменений; в кадрили – «changez vos couleurs» – заиграло, вrostая в огнистое небо, – громадное тело; оно – лиловело; прошли лишь десяток шагов – рябоватыми зыбями нежно оно пожелтело, став вдвое огромней; еще пятьдесят лишь шагов – и вот каменно-серой щекой глядит труп: в отусклении, в розвальне сброшенных кубов, то – гранных, то – рыхло округленных средь осыпей щебня, простершего всюду меж ног ноздреватую рухлядь.

Над серою грудю камней беловатый верблюд, в груди камня – зеленый верблюд; облетают, как листья, цвета; и себя на боку поедают все краски.

Приблизилась: с бешеной мощью Акхуд-Куфу прет, раздвигаясь, надувши в сплошную опухлину тяжкой болезни; и кажется: вот из земли выпирают тысячи, сотни и тысячи тысяч пудов; за гробницей – гробница; за каменным кладбищем – кладбище, сдвинувшись, сплюснувшись: прет; выпирает – сплошной материк, заслоняя все небо; мы дышим не воздухом – камнем; и сотни веков побежали в обратном по-

¹⁷² Wake. The Origin and significance of the Great Pyramid.

рядке навстречу.

Достигли до каменных кубов умершей планеты, свалившейся боком на землю: и вот – завалилась на плечи моя голова; и я вижу огромный овал бредового и серого эллипса, телом ушедшего в землю; когда он упал, оборвал за собой атмосферу нездешних миров, проникающих ныне меня; я кажусь себе гаснущим контуром выпуклин жизни; меж нею и мною – провалы веков: через 5 тысяч лет прошагали от трама – до верха.

И не Георг VII царствует здесь, а... Хеопс.

– «Кто же «я?»»

– «Что же все?»»

– «Как же так?»»

– «Я оторван!»»

– «Вернуться нельзя!»»

А Хеопс гоготнею летящих развалин неслышно гудит:

– «Да, да, да!»»

– «Это – мы!»»

* * *

И вот – пирамида; она – ноздревато-ужасна, тиха: вне цветов и вне веса, вне всех измерений пространства и времени; дальше – туда. Если броситься вверх, то облупины бока зауются (сузив пространство вселенной) до малой площадки, которая вход – в иной мир, уже задувший своим сквозняком:

– «Слышишь?»

– «Слышу!»

– «Ты – помнишь?»

– «Я – помню...»

– «Что помнишь?»

– «Как мы до рождения в черно-желтых пространствах летали... сюда: в саркофаг».

– «Кто лежит в саркофаге?»

– «Душа, заключенная в сердце».

– «Что это за камни?»

– «То – чувственность!»

* * *

Слов не сказали, коснувшись ужасного бока; сказали – потом; заручились в года мировые ветра, понеся до порогов духовного мира, где я, увидав, оборвался; а Ася... промчалась... куда?

На массивы взвалились массивы; на них восходили массивы; ступенчатый мир из массивов бессмыслился; нам показалось, что рухнет массивная масса: массивами.

Хочется сбросить ступени столетий.

– «Смотри», – показал Асе...

– «Как рыжее она!»

Возникают вдруг мороки: в ней есть и вес, и цвета:

– «А пожалуй, в ней нет ничего любопытного».

Ложь восприятий – плотнеет; с увеличением раздражения – гаснет прирост впечатлений; и мы, постоявши, решаем:
– «Она – обыденна».

* * *

Опять вспоминаю кошмар.

Мне казалось, когда был ребенком: ненавидная грань выросла, деля меня надвое; «я», отделенный от «я» миллионными миль, беспредметно тянулся из ужаса мира – к кусочку земли, на котором лежу «я» в постельке: к себе; дико вскрикивал я и тянулся к склоненному образу няни; и слышал: стояли они у постели, шепчась:

– «Он кричит по ночам».

– «Это, барыня, – рост».

Проростал в миллионах из теменей, тщетно пытаюсь осилить растущую бездну.

И то ощутил я опять.

* * *

Современность не видит Химеры Хеопса; она – невесома, бесцветна; ее – невозможно измерить и взвесить; и вот выростают вокруг парадоксы журнальной пошлятины; вспомнил, что где-то читал: если б «В» пароход «С» компании вытянуть

вдоль по ребру пирамиды Хеопса, то носом просунется он над верхушкой; какая же, право, в ней ценность, когда пароход превышает длиной ее рост?

Ужас, петля тебе, человек современности!

Боголюбы 911 года, Карачев 919 года

У пирамидного бока

Смотрели на верх: рябоватый, пролупленный бок; опускалось солнышко:

– «Нам не осилить ее».

Окружали феллахи:

– «All right»...

– «Prenez vous»...

– «Карашо»...

Мы молчим:

– «Meine Herren»...

Какие же «Herren» мы с Асей. И вот: кто-то выкрикнул:

– «Orividerci!»

Кричали, визжали, жужжали они; мы решили хитрить; вероятно ужасные жители этой планеты хотели завлечь нас наверх, полонивши в пустых своих ширях – среди камня; я издали их заверял:

– «Nein, werden wir nicht...»

– «Aujourd'hui nous restons!..»

– «Остаемся».

– «А завтра подыдемся: в сопровождении ста человек... с караваном верблюдов, с тюками «бакшиша».

Они нам не верили; мы отошли, – и – подставили спину; они – дозировали.

Углом пирамиды искусно отрезали мы от дозора себя:

мы – одни; голова из-за твердейших массивов – просунулась, застрекотала; огромным прыжком, надувая пышнейшие складки абассий на нас, опрокинулся целый отряд этих бронзовых дьяволов: быстро одни побежали в обход (по песку), а другие скакали по мертвым желтым массивам, обскакивая, и – отрезая путь вверх; заломались их тени, ребя в массивах; так заговор наш был открыт.

Мы писали круги вдоль боков пирамиды, приблизясь, а то – отступив, погружаясь в море песка; а абассий, взвевя прозрачные шали, которыми кутали голову, – так же как мы, записали круги вдоль боков пирамиды.

И вот улучивши мгновение, придвинулись к боку, как воры; и стали карабкаться вверх, озираясь, – (не видят ли нас?), задыхаясь от пыли и жару; в многомассивную вышину побежали, забыв ощущение бреда, которым провеял облупленный бок, карабкались, одолевая усилием каждый ступенчатый выступ.

Ужасное вспрыгивание, где прыжок со ступени на острые грани – событие; третья, четвертая, пятая: уф! – отдышались: шестая. А всех их сто сорок.

– «Смелее: вперед!»

Я – назад не глядел: видел только ступени: ту самую, над которой я вспрыгнул, да ту, на которую надлежало подпрыгнуть; и —

– «Гоп!»

– «Восьмая!»

– «Десятая!»

Слава Богу, – десятая: сто еще тридцать!

А сердце – стучало, а ноги – дрожали; пятнадцать ступеней осилили мы; на пятнадцатой – мы повернулись: стояли высоко; массивная высь завалилась: без верха.

* * *

Тут снизу заметили нас; точно черные пьавки запрыгали снизу за нами: вдогонку. Я чувствовал воров себя; чернокубовый дьявол схвативши за руку меня, с высоты трехэтажного дома кричал на меня, обрывая стремительно вниз; потащили обратно, сдирая с массивов, и грубо пихая, как камни, которые сбрасывают с вершины островерхих оврагов – мальчишки; я вдруг обозлел:

– «Погодите, спущу вас, негодник, по желтому низу».

– «Отстаньте: спихну».

– «Как вы смеете?»

Он же, он – смел; он пихал меня в спину; я спрыгивал все же:

– «Восьмая!»

– «Седьмая!»

– «Шестая!»

И —

– «Пятая!»

Ух, – остановка; пинок: поскакал, – и —

– «Четвертая!»

– «Третья!»

– «Вторая!»

Пинок: на земле:

– «Как вы смеете?»

Стал я махать своей палкой на дьяволов: все же толпа их тащила от бока.

Куда?

Вдруг я жалобным голосом стал обещать «бакшиши»; мне ответили: великолепный «бакшиш» не уйдет при условии, что моя жизнь сохранится, а если мы с лэди полезем одни, то, как тот англичанин, который... мы тут разобьемся; прекрасный «бакшиш» ускользнет.

Тут осыпали мы друг друга упреками; я поглядел с величайшим презрением на хаху, которая потащила меня к малой будке, откуда просунулся тощий чиновник; и – что же? взяв сторону дьяволов, строго сказал он:

– «Во-первых полезли наверх, не заплатив податей».

– «?»

– «Во-вторых: вы не дали расписки, что сняли ответственность с администрации пирамид за свою, мистер, жизнь и за жизнь этой лэди».

Мы дали расписку; и даже: внесли подать мы; легализация нашего права разбиться взяла все же время. Где солнце? Склонилось оно. И теперь оставалось скорей пробежаться до сфинкса; пришлось отложить разбивание до соответствующей

щих разбиванию дней.

Сфинкс

Опустело плато пирамид; полицейский бросал на пески свою тень: египтянина времени фараона, Рамзеса Второго; у ног вдалеке заблестал «Mene House», расположенный прямо в пустыне, у склона плато¹⁷³, долетали откуда-то гамы феллахов; гудел на Каир побежавший трамвай; с горизонта, из облака пыли, глазели огнями каирские окна.

Покрытые пылью и бредом сидели в тропическом садике, у «Mene House»: пили чай; белоснежные слуги, пылая карминною феской и поясом, бегали мимо; и веяли белые складки аббасий; и бил тусклый гонг из отеля; с веранды, покрытой тропической флорой, шли надушенные лорды и лэди во фраках и в бальных белеющих платьях: к обеду; мы долго сидели в тропическом садике; ночь опускалась на землю.

Уже в половине десятого вышли в мир тусклостей, шорохов, теней (в отверстиях гробниц, саркофагов, немьА мастаба – открывались гнездилища томной египетской грусти); пространство в испуге присело на землю, развеяв по ветру вуали теней; и из-под ног родилась моя тень от лукавого месяца, севшего в пальмы.

Прохладно, прозрачно над нами летучилась ясная неизъяснимая синь с припадающей низко к земле семизвездной

¹⁷³ «Mene House» – всемирно известный отель.

Медведицей; вспомнил, что будто бы можно теперь наблюдать с горизонта на нас вылезаящий крест¹⁷⁴; к Ассуану¹⁷⁵ подкрался уже тропик Рака: жарюю.

Белели молочно туманы песков; в темно-кубовом воздухе, точно в настое из звезд, задышав синеродом, купалась вершина хеопской глыбы; на ней осаждались ярчайшие звезды, каких я не видел в Европе; и тембр голосов стал зеркальным металлом; а шали, чуть-чуть фосфорея на месячном блеске, пушили феллашские головы; и облачками трепались на небытийственной черни хитонов они; приставали:

– «Avec moi»...

– «Signor»...

– «Herr»...

– «Карашо»...

Подвели двух хорошеньких осликов: можно ли было вернуться в Каир в эту ночь?

Побежали на осликах: в мареве белых песков по пустыне.

Потом повернули на Сфинкса; вот снова – подъем на плато; вот ширеет песком седловина между Акхуд-Куфу, Уэр-Кхафра; вот и спуск по ту сторону; вот и... Но что тут сказать?..

¹⁷⁴ Южный крест.

¹⁷⁵ Город Верхнего Египта.

Время Сфинкса не точно известно¹⁷⁶; стоял уже тут, когда первую грудку Хеопса (квадратный массив) волокли на гужах голоногие массы людей; пятьдесят с лишним метров объемлют облупины старого тела; оно не высоко торчит из песков; с основания лапы до темени – 20 лишь метров; стремится к востоку его голова; на лице усмотрели следы бывших красок; столетием ранее высилось только лицо: поотрыв это тело, меж лап отыскивали изображение фараона, Тутмосиса; в письменах извещал фараон вереницу грядущих столетий о сне своем, здесь под теньями громадной главы; отдыхая от лвиной охоты, заснул фараон: и само божество посетило во сне, умоляя, чтобы он раскопал из песков Божество; фараон раскопал тело Сфинкса; песок постоянно его засыпает; недавно еще были видны огромные лапы; теперь под песком они снова.

Пустыня – вне цвета; внецветны цвета пирамид; внецветен цвет Сфинкса; лишь спереди он темноватый лицом; то – от ветхости; все оно в скважинах; двинутся тени из скважин: играет лицо; ни минуты покоя; дрожит от потока душевных движений, потоком душевных движений бросается в воздух он шесть тысяч лет; все пространство земли переполнено зы-

¹⁷⁶ Недавно еще его исчисляли в 5500 лет; по новейшим данным, время это более 6000 лет.

бью душевных смятений и мимикой Сфинксово лика; он – ток электричества, двигатель мира: бросает загадками; эти загадки, как кольца воздушных волнений, ширея – расходятся: сфера за сферой; в Нью-Йорке, в Мельбурне, в Москве слышат их; на Луне, за Луной и быть может за Солнцем уже расширяется лет авангардов загадок; феллахи гласят:

– «Не глядите в лицо!»

– «Безнаказанно в очи Божеств не взирают...»

И вот Бонапарт: отбил нос голове этой, выпалив пушкой в него, и... был брошен на остров Елены...

* * *

Я помню, как ослики пересыпали ногами песок; проводник погонял их, едва поспевая за ними (бежал он); клочком голубого тумана тянулась по ветру прозрачная шаль от его головы; мы летели на кубовых блесках из кубовых блесков по кубовым блескам; когда под ослиным копытцем сбежал тенью, точно феска обрезанный конус Хеопсовой глыбы, и стало кругом – молоко под ногами, мы вскачь понеслись по наклону к желтевшей змее с человечесьей головой: таким кажется сзади и издали тело чудовища.

Это был Сфинкс.

* * *

Сфинкс сидел в котловине, подъявля свою головную громаду из вычерпин старых раскопок, сложивших вокруг него вал из песку; на валу были кучи стоявших туристов пред ямами Сфинксовых глаз (пустых глаз); под массивами подбородка не раз разрывалась белейшая вспышка: жгли магний, чтоб лучше увидеть его: и бледнела смертельно глава в этих вспышках, как будто под градом обид; вознесся над подковою вала, глядела поперх наших туловищ, тщетно моливших божественных взоров; глядела на мглу горизонта – туда, где шумели ливанские кедры и розы Сарона цвели: там была – Палестина; туда – глядел Сфинкс.

* * *

И более – получаса сидели под Сфинксом, одолевая круги выражений большого немого лица: идиотское выражение сменяло, летя, эфиопское; зверское, трупное, каменно-титаническое, царственное, люциферическое, духовное, ангельское, и – младенческочистое; так как бежит за волною волна, так бежали, сменяя друг друга, круги выражений; и вдруг, закругляясь в единство, круги выражений; сцепились в одно выражение: и – прародимое время просунулось в круг выра-

жений времен, зашептав:

– «Да, ты – знаешь»...

– «Ты помнишь...»

* * *

– «Что? Что?»

– «Что я помню?»

– «Что времени больше не будет?»

* * *

– «Ты – знаешь. Ты – помнишь...»

* * *

– «Я – знаю, я – помню, но... что?»

* * *

Ослепленные Сфинксом, прошли от него к... храму Сфинкса, открытому сверху и сбоку: пришлось опускаться нам вниз меж огромных гранитов прочнейшей укладки; у входа, бегущего вниз, замирал озаренный луною феллах, драпируясь таинственно в темные складки абассии и распус-

кая по ветру сквозную, кисейную шаль; он склонил свою голову, нам дымовея, как в беленьком облачке, в шали своей; и – повел круто вниз по ступеням тяжелыми плитами в сжатую – те-образную комнату; здесь потолок есть лишь уровень вскрытого грунта; он – кубовый, в звездах; и – месяц там ходит; он – небо над нами; лишь кубы гранитов, здесь, там, разрежали небесный квадрат; на одном, прижав голову к корточкам, тихо уселся феллах, дымовея прозрачную тканью; и – каркал над нами:

– «Я вам погадаю, monsieur и madame!»

Мы прошли в коридор, укрываясь в гранитные ниши; их время относит к допирамидному времени.

* * *

Снова на осликах; рысью сечем перламутры песков – к пирамидному храму: он – розваленъ глыб; хаос глыб, избеленных луной; и – опять отдыхаешь; в белилах луны два феллаха, как черные дыры; отверстием прошлых веков отверзают в душе коридор: из пространства веков к неживому пространству веков.

* * *

Мы едва успеваем к последнему траму в Каир (уже пол-

ночь: по случаю лунных ночей нынче бегают трам в этот час к пирамидам); бросаюсь к площадке; и трам улетает; площадка набита людьми; сирю ежимся над леденящим порывом; ночь вдруг изменилась; повеяла холодом; бешеным визгом и вспышками полнит несущийся трам неживую равнину; и – вот уже травы; средь них – пролысения; травы прогнали их: вилочки, виллы, кусточки, сады; вот – садищи; вот – пальмы; предместий Каира, Булак; вот и мост Каср-ель-Нил: пересадка.

Лишь в два часа ночи вернулись.

Боголюбы 911 года

Египет

Пишу эти несколько слов через восемь томительных лет; впечатления Египта со мною повсюду; Египет – во всем: и в туманно глаголющем Лондоне, как и в Берлине, прошел предо мною он; подстерегает меня он в Москве; выявляется гибельной мощью в стремленьях и вкусах, поет декадансом; понятен он всюду: он – всюду.

В египетском плене мы точим под бьющим бичем неживые массивы культурою возродимого пирамидного трупа: под каменной глыбой продавится скоро земля.

Вспоминаю: отчетливый ритм наслоения эпох образует семь образов жизни, семь проходящих культур, где четвертая – неповторима, пятою отражается третья; в шестой воскресает вторая; в седьмой прорезается первая: 1) Индия, 2) древняя Персия, 3) древний Египет, 4) Рим, Греция, 5) Наша эпоха – проходит одна за другой; наша – пятая; в ней прорезается третья – Египет.

Он – с нами; он – в нас: коридоры квадратного мрака глухих подсознаний души пробегают до мумии нашей, лежащей в гранитном гробу: среди песков.

В Египте повернуты мы на себя: наши страстности ссохлись; проплюснулись в мумию; мумия эта спокойно лежит в саркофаге, пока не пронижет сознание наше ее – в нас самих: и она восстает двойником, нападает испугами; видим

тогда, что Египет таскаем мы всюду; Египет Второй, из которого должно бежать, – европейская жизнь; учрежденья ее – катакомбные затхлости; мы в коридорах, зажатых повсюду массивами зданий (в Москве, в Петербурге, в Берлине, в Париже), – казнимся: египетской казнью – за прошлое наше, Египет есть Карма; ее мы должны искупить: проработать в себе; только в этой работе – исход из Египта.

Пока – в безысходности мы.

Мне в Египте впервые открылся Египет Второй: наша жизнь; просквозила она транспарантом; гласящими иероглифами поглядела Москва на меня, когда я возвратился в Москву; и богиня Гатор распростерла вокруг меня древние тени: песьеголовых и птицеголовых шпионов своих из загробного мира; надев котелки и приклеивши усики к ликам звериным своим, замелькали они, выгоняя меня из Москвы, выгоняя из Брюсселя, из Парижа, из Лондона; мы бежали по странам и весям Европы; Египет тянулся за нами по Черному морю своей непокойною ратью: нас гнал фараон.

Исход из Египта, отплытие в обетованную землю совпал с осознанием ужаса современной культуры; у гроба Господня мы дали обет: не вернуться, и мы не вернулись в Москву: в наш Египет Второй; по Москве пролетали одни наши тени – не мы; и теперь, в этот трудный, мучительный год по московским разбитым, разрушенным улицам тень пробегала моя: я же был в аравийской пустыне, где ныне еще разбиваю палатку; сорокалетнее странствие – не окончено.

То, что увидено мной в «Петербурге» (в романе), увидено мною впервые в Египте: и нити, связавшие нас с «Мусагетом», издательством, принадлежащим друзьям, были сорваны здесь «мусагетским» письмом: то Москва нанесла свой египетский едкий удар – на египетской почве; исход из Каира был нам, как я понял, началом московских исходов.

* * *

Касанье к египетской почве, плененье в Каире и бегство оттуда к гробу Господню – все то оживает во мне, точно некий египетский знак, посвящающий в трудности сорокалетнего странствия; рать фараона еще угрожает: но скоро поднимутся волны ревущего моря (война, революция, голод, мор, что еще?..) – смоят культуру Второго Египта: восстанием Первого – в недрах души:

– «О, познай себя, – ты: человек современности».

* * *

Видел в Египте я облик Рамзеса II; когда я склонился к нему, распростертому под стеклянным, сквозным колпаком, наблюдая белевшие зубы, сквозившие между сухими губами, – он мне усмехнулся:

– «Ты – помнишь?»

– «Познай себя!»

Карачев 919 года

Вновь пирамиды

Зной марта: нет воздуха; кровь бьет в висках; трам уносит опять к пирамидам: Гизеха.

Сумятица станции; снова феллахи в нас целятся злыми крючками носов, переругиваясь, иронизируя над собой и над нами; и все же добившись всего, что им нужно от нас, Ахмет идет, закрываясь в складки абассии; робкою прорезью тихих мечтательных глаз упреждает отказ: отказать невозможно: и он затаскает опять по песку, пока вы, обтирая сту-чащий, расплавленный лоб, не обрушитесь грузно на край саркофага; и тут же проходит строй осликов в красных помпонах – с плато; и качается строй белогривых верблюдов вокруг грациозными шеями; важно расселись на белых горбах англичане; высоколукими седлами, красками ковриков пестро украшены спины верблюдов; несут паланкин; в паланкине – седой паралитик несется: узреть пирамиды; вон тот – гелуанский больной; он – чахоточный.

* * *

Солнце склонялось; расширилась там на Каир пирамидная тень, – на Каир она двинулась; там же теперь отусклялись взгляды; и руки, дрожа, опускали бокалы вина, – оттого,

что пошла на Каир: тень веков.

Серогрифельный бок рябоватой громадины высился наискось – вверх; вздернув голову, видел, как высями лепятся люди на боке, как кучечки маленьких оловянных солдатиков, или травинок, проросших из камня; все краски с них слезли; вон лепится кучка туристов; и выше, и ниже – по кучке: на пирамидном ребре: скачут в выси, как блохи; вон новая кучка открылась на новом ребре.

Я измерил массивы: метр, – более метра; скачки велики; и опять вздернул голову: не разберешь – опускаются, скачут ли вверх: так луна неподвижно висит в небосводе; а если взглядеться, то можно заметить движение ее; так и эта висящая кучка: она – опускается.

В солнце въедается пыль; лет пылинок и грозен, и тих: горизонты в египетской мгле; отупенье громадного верха восходит испугом в египетский пепел; час пробил: наверно теперь из своих саркофагов выходят озлобленно песьеголовые мумии; и тишиною Хеопсовой полнятся ревы в Каире; золотокарие помуты: пятна беззорных свечений; последняя кучка туристов над нашими головами, спускаясь, скачет с массива на желтый массив; пролетает, пыхтя, толстоносый, взволнованный мистер; над нами пролетает крикливо галдящий коричневый дьявол, толкающий мистера в спину; под ним скачет дьявол, снимающий мистера с желтых массивов, чтоб ловко поставить его на массивы; два дьявола ловко играют в пыхтящего мистера, точно в подброшенный мяч: он

– летит:

– «Бух!»

– «Бух!»

– «Бух!»

Так бросается лэди; и также бросаются бэби; мы – вспрыгиваем им навстречу (теперь – разрешение есть: нам разбиться... без дьяволов). Все-таки видим, что вверх нам одним не взойти: мы сидим на тринадцатом тусклом массиве; у нас за плечом расширяется черным жерлом душный вход в пирамиду; и дышит жарою на нас: мы решили, что если опустимся внутрь пирамиды, – задохнемся.

Вот уже пусто плато: мы бросаем испуганный взгляд в убегающий верх:

– «О, нет: не сегодня!»

– «Ты хочешь отсрочить?»

– «О, нет, уже – поздно: опять опоздали».

Ужели осилим мы в двадцать минут эту высь, как сказали нам? лучше часами карабкаться: сходить к подножию; и пробираемся к западу: там – пирамидки; их – три; по пятнадцати метров, не более; это – могилы: здесь сохнут века фараоновы дочери (по Геродоту – Хеопса); и так говорит Мариэтт.

Пирамидки когда-то стояли у храма Изиды.

Проходим на юг: тут ряды – мастаба; так арабы называли особую форму гробниц, состоявших из малых подземных построек, наклонно склоненных друг к другу, желтеющими, известковыми, или даже кирпичными стенами; смеси песка

с легким камнем – кирпичики стенок; вся форма гробнички есть «Пе – буква П»; иногда мастаба открывала в подземную комнатку вход; иногда в ней видна была ниша, а сверху – площадка; могильный колодезь поблизости где-нибудь черной дверью зиял (глубиной в двадцать метров спускался он вниз); мастаба, окружившие нас, вероятно, относятся к пятой мемфисской династии; здесь погребен благородный египетский муж: он – эпохи Снофру.

Мы идем на восток: все гробницы – четвертой и пятой династии; здесь упокоился прах сыновей фараона: Мераба и Сафкихоптом их звали когда-то...

* * *

Мы молча сидим на песках, приседая у камня: пред нами торчит незасыпанный вход в мастаба; желтенеют луной невысокие, плоские стены; друг к другу слегка наклонились они; прямоугольные плиты их сверху сдавили, чуть-чуть выступая из стены; здесь нет ни души; и до ужаса черная, четкая тень от гробницы лежит на песке; и чернеет отверстие входа.

* * *

Мы часто здесь бродим; и Ася уже к вечеру приезжает

сюда: зарисовывать Сфинкса; его голова передаваема только гравюрой, – не красками.

* * *

Почему фантастичен Каир? Неестественен он: миллион обитателей струнными хорами многих оркестров, роями лавших горл, граммофонами и бензинными шинами сотен и сотен авто, – осыпает пустыню своей эфемерною жизнью, пустыня, которая безостановочно сыплет песок в эфемерную жизнь, разрывая ее просквозившее кружево старым Египтом.

Боголюбы 911 года

На пирамиде

Массивы, осколки, осколки, осколки осколков лежат у подножия; всюду трухлявости; щели и впадины в камне, где тенью таится феллах; у него – амулеты. Ступени рябой пирамиды – сложенье массивов, которые то ноздреваты, то – гладки; иные массивы – по пояс; иные – по грудь, и немногие лишь до колен; выступая, они образуют ступень за ступенью (от метра и до полутора в вышину); ширина же не более пятидесяти сантиметров; поэтому, пирамида – крута; восхождение – трудно; и, кажется, что стоишь перед стеной; на ребре создается иллюзия: низ загибается; верх – загибается тоже; прямая ребра превращается точно в окружность; а ты – висишь в воздухе; головокружение нападает от этого.

Все же решили взобраться с феллахами, но – не с ватагой феллахов; отправились к шейху деревни (ее обитатели, главным образом, проводники; деревушку, как кажется, называют арабы Аквуд); шейх, нас выслушав, дал два феллаха; но каждый набрал себе по три товарища; черная кучка, крича, вокруг нас собиралась, как кажется, передвигать наши ноги.

Но мы не противились: сопротивление, знали мы, – тщетно; и вот: пирамидный туземец рванул мою правую руку; другой – рванул левую; третий уперся мне в спину своею головою; и тоже проделали пятый, шестой и четвертый – с растерянной Асей.

Галопом, сорвавшись, помчались по круче громадного боку:

– «Хоп!»

– «Хоп!»

– «Хоп-хоп-хоп!»

Справа – увидел, как лопость свою завивает крылатый хитон скакуна по массивам, прижавшего к черной груди грушевидный сосудик из глины (с водою, как кажется); слева – гляжу – галопирует рядом со мной шоколадная мордочка в кругленькой шапочке; это – мальчишка-кофейник; мелькают его шоколадные пятки – над пропастью:

– «Хоп!»

– «Хоп!»

– «Хоп!»

– «Хоп!»

В необорную вышину!

* * *

Так галопом покинули землю; нас – десять, или даже двенадцать; и – сжатою тесною кучкой неслись по ребру; справа, слева и внизу – грозили стремнины, мелькали огромные области, где ступени торчали отчетливо; далее – груды развалин (едва ли бы мы нашли путь без феллахов), где можно запутаться в многоступенчатых скатах; и – оборваться, разбившись до смерти; неизмеримости, точно поля желтова-

тые, серые, быстро от ног отрываясь, летели направо, налево, и – вниз; и они – загибались под ноги; казалось: стоит нам вспрыгнуть наверх, как отвалится узкий, тяжелый массив, на котором стояли мы только что; неизмеримость, спадая на нас выявлялась из воздуха (краем над нами ребро загибалось), казалось, мы – выперты в пропасть:

– «Хоп!»

– «Хоп!»

И галопом, галопом, галопом: куда мы неслись? Пролетала ступень за ступенью, отваливаясь; и – желтые заулыбались пространства; огромная пирамида, согнувши прямую ребра, представлялась нам шаром теперь зажелтевшей и мертвой планеты, повешенной где-то в пространстве, быть может, понесшейся в ужасы мира; и думалось: «Как мы могли очутиться над ней?»

– «Не вернуться на землю?»

– «Нет, нет!»

– «Никогда!»

Желтоваты и грозны все выступы этого неживого пространства: планеты; и снизу и сверху они уходили во тьму пепелений (уж вечер спускался); нога – оступалась; я грудью тогда припадал к рябоватым уступам; и билось разрывчато сердце о каменный бок: вырывался из бронзовой твердой руки; пирамидный туземец не слушал, тащил меня вверх:

– «Хоп!»

– «Хоп!»

– «Хоп!»

Пролетали галопом феллахи; и —

– «Хоп!»

– «Хоп!»

– «Хоп!»

Пролетали за ними галопами мы.

Остановка: каких-нибудь сорок ступеней осилили: сто впереди. И – помчались; массивы летели нам под ноги; мы перестали смотреть по бокам: понимать что бы ни было; я равнодушно, бесцельно кидался на камень углов, пребывая на месте; массивы же валились; и – набегали от верха; облупины падали из нависающей глубины нахмуренных пеплов: из высей пространства – такого пустого, немоего, где некогда (где это было?) твердела земля: где теперь – ничего, никого: на дуге желтневшего шара лепились из воздуха.

* * *

Пустынный шар в пустой пустыне.

Как дьявола раздумье,

Висел всегда, висит донныне —

Безумие, безумие.¹⁷⁷

¹⁷⁷ Из стихотворения З. Гиппиус.

– «Стой!»

Половина пути: мы стояли на семьдесят первой ступени; над ними валилось, как кажется, до семидесяти полуметровых глыб; посмотрели мы под ноги: неизмеримость лежала меж землею и нами; и – нет, не вернуться обратно; и – детский кошмар тут напал:

– «Кто же я?»

– «Что же все?»

– «Как же так?»

– «Неужели никак?»

Никого: ничего!

* * *

Мы застыли в каменном выступе; дружно телами сливаясь, феллахи составили свой полукруг под ногами у нас; трепетали их черные лопасти над пепелеющей бездной – в мглу сумерек, ни конца, ни начала не видалось в этих путях; нагладевшись, могли мы видеть, как там копошились люди; и – жили; мы были за гранью, за жизнью, на продолжении бесконечного, вероятно, загробного странствия; и показалось: лежат миллиарды ступеней меж нами; и – чем бы то ни было; я весь протянулся к феллахам; они – неизбежные спутники: через воплощенья проходят они; на земле они – гонятся, подозревают, выслеживают, чтоб схвативши, тащить за порог: за грань жизни; а здесь, в камалоке, они – утешают; и кажут-

ся даже родными, извечно – знакомыми. Вот одна тень, один темный феллах, приподнявшись, рукой показал на отметку:

– «До этой черты восходил Бонапарт: на вершине он не был, не мог приподняться»...

Опять:

– «Хоп!»

– «Хоп!»

– «Хоп!»

Побежали галопом, бросаемы быстро, с размаху феллахами на рябоватый массив, над массивом; массив же валился; и падал нам под ноги новый массив; остановка: и Асе тут дурно: сажают ее на ступень; и феллах с кувшином, наклонясь, ей мочит водою виски:

– «Ничего, ничего: лэди тотчас оправится; неужели вы думаете, что это серьезно? Обычная пирамидная дурнота».

Признаюсь, – в эту минуту, когда я собой прикрывал от нее безысходную серую бездну под ней, чтоб она не свалилась (так хочется сброситься), – сам я испытывал странное чувство: какое-то «я» вышло вовсе из «я».

– «Кто же я?»

– «Что же все?»

– «Как же так?»

– «Я – оторван!»

– «Вернуться нельзя».

И Хеопс гоготнею развалин гудел; и – кричали феллахи:

– «Да, да!»

– «Это – мы!»

* * *

И я вспоминал: я – маленький; странно предметы кругом выступают знакомыми знаками: и все то, как... не то; и какой-то ужаснейший сдвиг: нет ни пальца, ни кисти, – всего: сдвиг меня: «Ай, ай, ай!» Я кричу, потому что во тьме ощущающая висящим себя я над страшною пропастью (как вот сейчас!), непонятные лица (как будто бы мама и няня, а может быть, вовсе не мама, не няня) меня окружают и шепчутся:

– «Снова кричит по ночам!»

– «Это, барыня, рост!»

Но не верится, что это мама и няня: из неизвестных пустот неизвестности клонятся.

В миг, когда я, защищая собою висящую в воздухе Асю, клонился над бездной, я вспомнил: когда-то то самое нападало; но это – иллюзия; стоило внести свечку, и бездна – отваливалась: окружали знакомые стены; вот – детская, а вот шкапчик с игрушками; мама и няня со мною, мне шепчут:

– «Спи, милый!»

– «С тобою мы: мама и няня!»

И мне становилось легко: пропадал мой кошмар.

Так и здесь: и подумал, что все это – кажется; больше бы свету, увидели б мы те же стены синейшего неба; мир – детская комната; в мире всегда кто-то шепчет:

– «Спи, милый!»

– «С тобой вечно – «Я»...

* * *

– «Хоп!»

– «Хоп!»

– «Хоп!»

Понеслись к вершине. Еще только 20 ступеней!

И – вынеслись: прямо к площадке; площадка имела до десяти всего метров (в длину, в ширину); расстояние сверху донизу опять-таки скралось; и пирамида с вершины казалась нам маленькой; морок чрезмерности вдруг улетучился; высился шест от площадки, обозначая первоначальную точку вершины; феллахи отсюда, как гаркнут!

Им высыпал все, что имел.

* * *

Неопределенные дали простерлись с вершины; на севере брызгали искры каирских огней; днем отсюда видны все сто сорок мечетей Каира, сады зеленейшие Роды, Шубры, Гезирэ, даже часть Нильской дельты; на юге простираются дали Ливийской Пустыни; вон видны верхи пирамид Саккара; еще далее – там: вероятно, оазис Юпитера; тихо феллах по-

дошел: и – сказал:

– «Там – пустыня: два месяца нужно, чтобы пересечь ее...»

– «Вы там бывали?»

– «Бывал! А там вот уж никто никогда не бывал, потому что там – смерть...»

На вершине кофейник-мальчишка сварил кофе нам; мы спускались в густеющих сумерках; мгла закрывала подножную пропасть; поэтому спуск был и легче, и проще; кошмары – оставили нас...

* * *

В этот вечер мы мирно сидели в уютненькой, в пестренькой комнате нашей; Каир громыхал за окном; за стаканом вина вспоминали далеких друзей; было тихо, уютно; не верилось нам, что недавно еще мы висели, прилепленные к рябоватому боку громады; играла хозяйка какую-то арию – там, за стеной; нам хотелось спать.

* * *

Была ночь: выступали предметы знакомыми знаками; нет – незнакомыми. Мне начинало казаться, что все – не на месте; и «я» уже не я, а какое-то странное, полуживое «оно»,

уцепившееся за массив рябоватой громады; и под ногами – ничто:

– «Кто же я?»

– «Как же так?»

– «Как сюда ты попал?»

– «Не вернуться обратно!»

Я – вскакивал: и – открывал электричество: милые, пестрые стены уютно смеялись.

Боголюбы 911 года

Музей

Это – здание греко-римского стиля, украшенное изображением двух Египтов на Каср-ель-Нил; оно – задней стеною на Ниле; и остров подходит Булак; зачастую зовут музей древностей просто Булакским музеем.

Мы – входим; и вот саркофаги эпохи Саиса; два сфинкса из розовых, нежных гранитов эпохи Тутмосиса; тех же гранитов – четыре колосса: Жреца, Сенусерта и фараонов Рамзесов (Второго и Третьего), памятники мемфисской эпохи: Хефрен и Хеопс, обелиски и надписи (здесь – история Уны); прекрасная древняя статуя, жертвенный стол, барельефы; вот – «скриб»; он – из дерева; он – знаменит; вы видали, конечно, его; фигурирует всюду в альбомах, картинках, каталогах; статуя найдена Мариэттом; феллахи его называют, как помнится, «Шейх-ель-Белед»; поражает умом деревянный, круглеющий лик; великолепием реалистической техники мы удивляемся; статуя – ранняя, времени первой династии; как живой, стоит скриб; великолепные статуи Рахопту и супруги Нофрит вам, конечно, известны по снимкам; вот – статуя Пепи.

Дальнейшие залы ведут в жизнь фиванской эпохи: опять деревянные статуи и гранитные статуи (розовый, черный гранит); поражает гробница; на ней – барельефы; то – сцены из «Книги Мертвых»; изображение Тутмосиса Третьего;

черным гранитом твердеет Изиды; корова Гатор; перед ней – фараон: вновь – гробницы; вновь статуи; взор – утомляется.

То, что выносишь из этих немеющих зал, есть чреватая шумом далеких громов тишина; тишина – неестественна; странной улыбкой двоятся тяжелые лики; они переходят в «усмешки» уже – в архаической Греции; полуулыбкою, родственной полуулыбкам колоссов, глядит... Джиоконда.

Не стану описывать серии зал, где проходят позднейшие статуи Александрийской эпохи; о, как они грубы сравнительно с ранними; и как нелепо пестры саркофаги в кричащем уродстве своем; вот – изделия коптов.

Особенно интересны те залы, где пестрый египетский быт расставляется вазами, кольцами, веерами, булавками, ожерельями и ларями, папирусами и моделями картин жизни быта: из дерева; полк солдат, мастерская; везде – деревянные куклы; там рядом моделей представлена ярко старинная жизнь; драгоценности, принадлежащие фараоновым дочерям и т. д.

Зала – мумий, открытых неутомимейшим Мариэттом, среди которых есть мумия Тутмосиса III и др., вот почивает коричневым ликом под колпаком из стекла сам Рамзес, фараон, тонкий нос, гордый профиль, сухие поджатые губы; и – зубы белеют сквозь них.

Мы – притянуты ликом¹⁷⁸.

Боголюбы 911 года

¹⁷⁸ Масперо Г. Guide au Musee de Boulaque.

Мемфис

Было утро; еще Каср-ель-Нил не напряг свои грохоты; и фаэтоны, вуали и краски еще не сливались потоком; с собою забравши корзину с припасами, быстро отправились в путь; поезд нес в Бедрехэм; я подумал, что этой вот линией мчатся туристы на юг: да, там, далее – Васта, проходит побочная ветка к Меридову озеру, далее следуют: Ассиу и Луксор, где развалины Фив и камня Карнакского храма; затем – Ассуан, Вади-Халифа: Судан и пороги; и вновь потянуло в Судан; по дороге лежат Рамессаум, колоссы Мемнона, Элефантида, Дакке, остров Филэ, колоссы у Ибсамбула.

Пока же летели поля; начинались бестенные заросли пальм Бедрехэма; мы вылезли, выбрали осликов, договорились о ценах, установили маршруты и вот уже весело скачем по малой деревне; и малая кучка туристов рассыпалась издали; гладкие стены домов пробегают; толкает толпа кувшинами, локтями, сосут свои палочки; и – отрезают ножами кусочки от них; то освежительный сахарный сок тростника, уменьшающий жар; феллахины глядят из окошка одними глазами, а ветер играет азарами¹⁷⁹, как... «бородой фараона»¹⁸⁰; уже миновали солому деревни (солома и сено метаются вет-

¹⁷⁹ Азар – покрывает от носа лицо феллахины и прикрепляется желтенькой палочкой к носу.

¹⁸⁰ Выражение принадлежит Muriel Nazzari (см. Tunis la Blanche).

ром в пыли), и поехали пальмовым лесом; изрыта, бугристая бестенная почва песков, из которых выходят стволы: это – место Мемфиса.

– «Мемфис».

– «Это пальмовый пустырь?»

– «Да: нет ничего от Мемфиса...»

– «Когда-то здесь были дворцы...»

– «Хорошо, что мы не были в Гелиополисе и в Саисе: там нечего делать...»

Повсюду – приподнятый мачтовый лес.

* * *

Я, отдавшись мечтам, вызываю в душе трепетание древнего города времени фараона Рамзеса II, как внятно оно возникает по данным, встречающимся у Мариэтта, у Масперо, и других.

Вот, быть может, мы едем предместьем: серые стаи лагун, среди которых змеятся дорожки; вон – пруд: вон ведут к водопою быков; вон грязнейшая площадь, обсаженная сикоморой; постройки – кирпичные: смазаны глиной они: об одну комнатушку, о две комнатушки постройки; порой – двухэтажны; внизу или – скот, или – спальни рабов, или место для склада: полы тут расколотые пополам стволы пальм; крыши кроет солома; во время тропических ливней, бушующих раз в пятилетие, – стены смываются, падают крыши;

через несколько дней восстановлено все; обитают в предместьях этих все бедные люди; поэтому вовсе отсутствует здесь обстановка лачуг: только два табурета, циновки из пальмовых листьев, сундук деревянный, да камни (для растирания зерен), да кадка, где сложены: хлеб, котелки и припасы; очаг для огня – в глубине; и над ним – дымовая дыра; все убранство – ничтожно; и двери лачужек не заперты вовсе¹⁸¹.

Семья живет – дружно: муж – больше вне дома; работает, бродит по улицам он в облегаящем плотно главу колпаке; всюду в улочках толпы простоволосых мужчин, или колпачников, почти голых, в набедренниках, среди которых порой бредут воины в полосатых, пестрейших платках на глазах и в передниках, стянутых кожаным поясом, вооруженные кожаными щитами (посредине щита – металлический круг) и кинжалами, дротиками, топорами, хопшу, или кривыми ножами; и вот этот, почти вовсе голый солдат, облаченный в передник и с бумерангом, наверное в легкой пехоте, вон тот, диколикий нубиец – шардан (или – гвардеец); в короткой он юбке с разрезом (разрез – на боку), испещренный чернейшими и светлейшими полосами, с щитом (вовсе круглым), усеянным круглыми бляхами позолоченного металла, с мечем, в круглой каске, украшенной парюю острых рогов; вон солдат легиона Амона¹⁸², вон «скриб» (этот лучше идет); вон

¹⁸¹ Заимствую эти данные в кн.: *Масперо Г.* Египет. Фивы и народная жизнь (русс. пер. Е. Григорьевича).

¹⁸² *Масперо Г.* Набор войска.

– красильщик; и он издает запах порченной рыбы (которою красит он ткани¹⁸³); вон женщина в узком холстинном переднике; он облегает ее тело; она голоплечая; лоб, подбородок и груди раскрашены; обведены ее очи сурьмой, перемешанной с углем; волосы чуть отливают ее в голубое (подкрашены волосы); эта вон верно из более знатных (прическа ее так трудна); а на этой – сандалии из папируса; ту украшают браслеты, широкое ожерелье из бус; уж из хижины в уличку вьется дымок; как пахнет, так пахнет едчайшими запахами нашатыря; этот запах от топлива, приготавливаемого из замешанного как тесто помета, просохшего после: дрова – очень дороги¹⁸⁴.

Толпы бегут и спешат; закоулки ширеют; предместье вливается в город, где улицы – прямы, где здания так высоки, что полоской среди линии четырех-трехэтажных домов с чуть покатыми стенками, узких, напоминающих усеченные треугольники – малой полоской среди линии домов улыбаются небо¹⁸⁵; глухие фасады выходят на улицу; первый этаж – безоконен; лишь – дверь; она – низкая; вот – распахнулась; выходит богатая дама в цветочно-образном уборе; в раскрытую дверь видна лестница вверх; вон по улице снова проходят солдаты линейной пехоты ритмической стройной походкой: трубач и начальник отряда идут впереди. У начальника палка в руках (нет оружия); все головные уборы солдат

¹⁸³ Idem. Фивы и народная жизнь.

¹⁸⁴ Idem.

¹⁸⁵ Idem. Базары и лавки.

полосаты; передники кожаные; стянуты крепко на бедрах; на правой руке надет щит; и – сжимают топор; в левой – пики, которые положили на плечи; отряд замыкается знаменем¹⁸⁶; он, извиваясь, выходит в залитую солнцем площадь, где гуси, бараны, быки и козлы поднимают свои голоса в крик базарной толпы; вот – крестьяне; вот – рыбаки; вот – перекупщики перед корзинами громко уселись вдоль линий домов, продавая печенье, овощи, мясо, духи, ткани; все покупатели важно проходят меж ними; у каждого что-нибудь для обмена; у этого ларчик, обвешанный медными кольцами весом в утну¹⁸⁷; у этого – круглый веер; его он не меняет на лук; весь обмен вычисляется в утнах; циновка менялась на 25 утну; вол стоимостью равнялся циновке, пяти мерам меду, одиннадцати мерам масла; в придачу давались семь мелких предметов: все стоило – сто девятнадцать египетских утну¹⁸⁸; вот бритва из бронзы: она стоит – утну; а мех с ароматным вином – целых три.

В глубине громкой площади, там, где на площадь выходят три улицы, – лавки: пахучее дерево, ткани и смолы; вон – вышивки Вавилона, румяна, полотна; ювелирная лавочка – здесь; и сапожные лавочки – там; вот – харчевня: висят с потолка куски мяса; вы входите, вы выбираете сами себе кусок мяса; и повар бросает его перед вами в кипящий котел;

¹⁸⁶ Idem. Набор войска.

¹⁸⁷ Египетская утна, по исследовательским данным, весила 91 грамм.

¹⁸⁸ Переводя на франки: 143 франка 78 сантим. (*Масперо*. Египет).

вы же ждете; а вот и пивная: приемная заново смазана белой известью; всюду циновки и кресла: сюда идут посетители пить шоду¹⁸⁹, ликеры, которые нам показались противными бы, вина, пиво; вино – в осмоленных амфорах, закупоренных деревянною пробкою, залитою окрашенным илом; а сбоку чернилами сделана надпись: такого-то года, оттуда-то; входите, – к вам подбегает служитель с веселою шуткой: «Пей: не отстану, пока не напьешься¹⁹⁰»...; но вы не идете сюда; вы проходите следом за пестрым отрядом линейной пехоты в прекрасную улицу, где среди пестрых невольников бродят чиновники, офицеры и знатные иностранцы; везде темноватые лики; копченою бронзой лица промаячит там негр; красной охрой лица пережженный бежит египтянин; он – начисто выбрит; а тот, набеленный, идет в завитом парике, в перетянутом легком кафтане, слетающем складкой на юбку, в острейших сандалиях, с острой тростью; закутанный в белую мантию, важно проходит задумчивый жрец; два коня повлекли колесницу; в ней – дама: у ней сверх хитона надето гофрированное и в крахмале, слегка отвердевшее платье¹⁹¹; зубцами исходит стена (и в нее упирается улица); из-за стены пропышнела густейшая зелень; и дальше виднеется храм; перед храмом военный отряд тихо встал; офицер взмахнул палкой, равняя ряды: что такое? Тут ждут фараона; четыре

¹⁸⁹ Пальмовая водка.

¹⁹⁰ Idem.

¹⁹¹ Idem. Базар и лавки, с. 52–59.

отряда построены тут – четырех легионов, несущих названия главных богов: это воины – легиона Амона; а те – легиона великого Ра; те – Сутеху; те – Фта¹⁹².

Между тем из дворца под воротами ляпис-лазури стремительно вылетает на улицу колесница: галопом несут ее кони, за нею рои колесниц; в колеснице стоит Фараон; он в коротком набедреннике «из прозрачного полотна в мелких складочках»; хвост шакала висит со спины; опоясан передником, блестящим золотом и цветистой эмалью; поверх облачен он в длиннейшее короткорукавое платье; надеты сандали; ярко украшенный уреем белый и красный убор высоко поднимается к солнцу¹⁹³. Кто он, фараон? Ментопирри, Нимбаутри или Менматри? То – прозвища: «Ментопирри» – Тутмоса; и значит оно: «Прочна сущность Ра»; «Нимбаутри» – Аменхотепа, что значит, как кажется, «властелин правды – Ра»; а «Менматри» – Рамзеса II: «Светило дневное – неизменяемо в истине»... Он, фараон – воплощенное божество: и его называют – великим, благим; каждый жест его, официальный поступок – обряд, совершаемый среди пенья гимнов; сегодня сошел с золотого он трона, откуда блистал он венцом с двумя перьями, чтобы, взойдя на колесницу, галопом помчаться – куда¹⁹⁴?

Впереди побежали гонцы, разгоняя толпу; а за ними уж

¹⁹² Idem. с. 138

¹⁹³ Idem. Фараон.

¹⁹⁴ Idem.

понесли со всех ног пехотинцы гвардейских отрядов, носитель прекрасного знамени, биченосцы, наемники, опахалоносец; за ним полетел в колеснице стоящий владыка; супруга его полетела за ним в колеснице; морщинки на тонком лице выявляются в слое румян и белил; она в длинной одежде, развеянной ветром; за ней колесницы сановников; каждый сановник с распущенным веером; рывкает дружно толпа перед храмом¹⁹⁵.

И вот фараон величаво проходит под мощным пилоном огромного храма: направо, налево – колонны, изображают вершины разлапые пальмокопители колонн; тела – круглые; фон – желтотемный; на нем желтокрасные росписи человеческих контуров, обведенных отчетливо черной краской; навстречу идут два жреца; вот – упали ничком; фараон же, не глядя на них, бросил взгляды в пролет гипостиля; над головами молящихся издали видны ковчеги в косых лучах солнца, упавших в отверстие высочайшего потолка; пронесли в глубину широчайшее золоченое кресло (резное), покрытое пестрой подушкой для фараона; садится; жена села рядом; сановники встали за ними, между толстых колонн¹⁹⁶; приготовление к обряду свершилось жрецами; и вот фараон, поднимаясь с кресла, проходит под статую бога, умащает, подносит пять зерен от ладана полудневого Юга, пять зерен квасцов полуночного Севера: жертвенный дар! Благосклон-

¹⁹⁵ Масперо Г. Фараон.

¹⁹⁶ Idem.

ный Амон принимает дары.

Фараон – двуедин: в нем сливаются оба Египта (и Нижний, и Верхний); он носит двойную корону, по имени «пшент», соединяет эмблемы: змею Уасит (змею Дельты) с таинственным коршуном юга, цвета Севера (красный) с цветами спаленного юга (они – цветы белые), северный, стойкий папирус с цветочком нежнейшего лотоса; внятно подножие трона украшено связками лотосов, соединенных с папирусом; и облакаясь во власть, он венчается попеременно короною Юга, короною Севера; и – в двух дворцах обитает, соединенных единою кровлею¹⁹⁷; там он сидит на помосте, поставленном на парадном дворе, принимая подкрашенных и украшенных париками сановников – против входных ворот; с высоты четырех-пяти метров взирает на затканной красным и синим подушке, под балдахинном, поставленным на колонки, – взирает на подданного, распростертого прямо под тронном: – «Поднять его: пусть говорит», – обращается тихо к «Друзьям» (это – титул); и подданный – говорит; фараон даже шутит порою; но смех разливается по ступеням не сразу: сперва улыбнется владыка, потом улыбнется царица; потом – принцы крови, потом – улыбнутся «Друзья»; наконец, тихий, деланный смех всех охватит; а он, взявши с блюда из кучки серебряных ожерелий одно, его бросит под трон в знак награды кому-нибудь, кто воздевши горе две руки, запеваает под тронном торжественный гимн:

¹⁹⁷ Idem.

– «О ты, Сущий, как Гор на земле: мне даешь бытие... возвеличиваешь» – и т. д.¹⁹⁸

«Скриб» под троном заносит то в списки (ведет протоколы приемов). Прием – прекратился; сегодня поедет в пустыню владыка охотиться: истреблять гордых львов: Аменхотеп их убил сто двадцать; Рамзес Второй – менее: львы в это время уже поредели в Египте; их все истребляли; но вот: ни один фараон не убил еще человекоглавого Сфинкса, который, по уверению очевидцев, водился в далекой пустыне; водился там странный грифон с головой хищной птицы и с телом шакала, водился таинственный тигр со змеиной главой (вы увидите их на рисунке)...

* * *

Что это? Мечты? Быстро образы пронеслись предо мною: предместья, базары, солдаты, толпа, фараон; где то все? И – ни развалин; ни даже намек развалин¹⁹⁹; над почвой Мемфиса повсюду приподнятый пальмовый лес.

Перебила мечты мои Ася вопросом:

– «Какие тут пальмы: наверное финики?»

– «Нет: то – дум-пальмы»...

Но вспомнил: дум-пальмы находятся ниже – уже в Ассуане; в каирских садах можно встретить дум-пальмы, но лесом

¹⁹⁸ Idem. Жизнь в замке.

¹⁹⁹ Масперо. Древняя история народов Востока.

они не растут.

– «А пожалуй, что финики».

* * *

Статуи: что за колоссы?

– «Чьи статуи?»

– «Фараона Рамзеса Второго».

Вот первая: розова; ноги ее перешиблены; вся из гранита; глава – перебита; отдельно валяется каменный «пшент»²⁰⁰, или нет: та корона не «пшент»; знаменуется ею, наверное, верхний Египет; как лик грубоват! Сама мумия фараона Рамзеса Второго в булакском музее, по-моему, сохранилась лучше гранита: он – выветрен.

Рядом – второй известковый колосс, бледносерый, открытый в начале истекшего века; на правом – начертание фараонового имени; некогда был тут храм – Фта; это – центр.

Нет Мемфиса.

Туристы на осликах: верно из Лондона; мы выезжаем в поля; просинели абассии темных феллахов на грани пустыни; убогая деревушка; и то – Саккара.

²⁰⁰ Корона.

Саккара

Здесь гробницы IV и V династии; две пирамидные группы; здесь – Пепи Второй, Пепи Первый укрыли тела, под телами немых пирамид; и они – не прельщают.

Пески присосались к глазам, поглощая внимание; мы едем по самому краю пустыни; лишь валики темного ила поднимаются малой защитой зелени от беспредельности смерти; здесь – пышная зелень; там же грифельно-серая зыбь; свою правую ногу занес я над валиком ила, могу зацепить за пшеницу, а левой ногой занес над песком; поражает контраст.

Вспоминаю военную авантюру Камбиза: персидское войско в поход на жителей Куш углубилось туда – в серо-грифельной дали; и вдруг побежало обратно – со страху: страшила пустыня; проводники завели; пятьдесят тысяч персов погибли в пустыне – никто не вернулся.

Мы едем в песках: убежала, присела пышнейшая зелень; налево – песчаный бугор; и направо – песчаный бугор; опять пирамиды, как кажется, северной группы; и пирамида Уны среди них полузасыпанная, принадлежащая к шестой династии; а вон и другая – пятью округленными выступами выпирает из рухляди; на шестьдесят один метр приподнята она; в седловине ведется раскопка.

– «Ха, ха», – загалдел проводник, наклоняясь ко мне.

– «Да, да, да», – отвечаю рассеянно я; а он машет, и люди

с раскопок бегут; тут Ася теребит:

– «Слушай же: тебе ведь предлагают купить вновь раскрытую мумию».

– «Мумию? Это зачем: может быть, мое прежнее тело?»

– «Оставь!»

Я махаю руками:

– «Не надо, не надо!»

Мы скачем галопом в пески, не останавливаясь перед пирамидными градусами: это есть прототип ассирийских построек; мы скачем в пустыню, оставив совсем позади абуширские развалины; воды же абуширского озера издали блещут в пустыне; тут сходим мы с осликов; ноги по щиколотку тонут в песке; впереди, на песках вырастает треножник; на нем – аппарат: то какой-то турист англичанин снимает окрестности, всюду торчат треугольники: вид – очень скучный; и вот – мастаба.

Боголюбы 911 года

Гробницы Акхутхотепа и Тиセラпеум

«Мастаба» открывает отверстие входа: над ней бугорочек песка; под отверстием – серия комнат почившего Акхутхотепа: подземным проходом идем в вестибюль; в нем – четыре колонны; за ним теобразная комната, всюду покрытая раскрашенной росписью еле от плоскости стен приподнявшейся лепки; угольники плит: чистота, простота и уют: четырехугольные колонны.

Многообразна колонна Египта: четырехугольна, восьмиугольна, шестнадцатиугольна подчас она; или – круглеет массивное тело ее, или – форма ее есть компактная связка стеблей, перетянутых-вытянутых в вышину и увенчанных чашечками капители, изображающих лотосы; иногда капитель есть пальметта; порой же – четыре главы, обращенные к северу, к югу, к востоку и к западу; часто в колонном столбе – Озирис, изсекаемый в камне, и пестрою росписью крыты колонны; они и короче, и толще обычно дорических.

Росписи крыли цветистый, но матовый грунт; краски – белые, черные, коричневатые, синие и зеленые; цвет нарисованных бородатых мужчин есть коричневатокрасный; и желто-белый – цвет женщин; везде перспектива отсутствует; головы нарисованы сбоку; но спереди – очи, но спереди

– грудь, ноги – сбоку опять; все фигуры даются в очерченном контуре; контур же – черен; когда отделяет он две одноцветных поверхности, то он становится красным; предметы, идущие вглубь друг за другом, рисуются – друг над другом; в таких начертаньях расписана жизнь египтян на стенах до мельчайших подробностей быта; мы видим их игры, забавы, работы, ремесла, искусства, приемы и празднества.

Мы с восхищеньем стояли перед стеной, пестрой росписью теобразной обители акхутхотеповой мумии; вот – сбор папируса; это вот птичья охота, гимнастика, борьбы, события жизни почившего; маленькие фигурочки, выпуклясь чуть-чуть-чуть (много сотен фигурочек), радостно испестрили прелестным орнаментом комнатку; это – сплетение стилизованных человеческих тел и животных, градация поз, выражений и жестов; известная Европе символика; пестрые стены египетских бытов мне нравятся больше ее; веселят они глаз, вся гробница смеется: убежищем молодоженов назвал бы ее.

Но мы снова в песках: приближаемся к Мариэттову домику; это – убежище для туристов, располагающих на столах провиант, отдыхающих здесь, созерцающих грозную панораму пустыни; и мы – отдыхаем, закусываем, уничтожаем плоды апельсинов (замучила жажда); ослы жуют сено перед домиком; пусть отдыхают они.

Мы проходим четыреста только шагов по песку; и опять – мастаба; то гробница известного Ти, управляющего фара-

она, прекраснее всех саккарийских гробниц обиталище Ти; ты спускаешься по убегающему переходу; и попадаешь в пространство колоннок; в квадрат; сверху – просветы; справа бежишь в коридорчик; и – комнатка вновь изукрашена; стены чуть-чуть округлились сплошным барельефом (цветным); бледнонежные краски везде намечают тончайший рисунок.

У входа в немой коридорчик сам Ти – в трех картинах; во внутренней комнате серия изображений из жизни почившего; вот – Ти с женою, а вот – он охотится; лодочки, двоякоострый багор (если память не лжет); травят зверя; а вот мастерская: здесь точат слоновую кость.

И опять-таки: это ль могила? Опять впечатление жилья, где нет сменой печали, а – радость. Вот как англичанин Р. Хиченс рисует гробницу²⁰¹: «Представление о счастливой могиле «Thi» остается преобладающим. В этой могиле с удивительным умением, с яркою выразительностью воспроизводится радостная и деятельная жизнь. «Thi», наверно, любил жизнь, любил молитву и жертвоприношения, любил охоту и войну; он находил удовольствие в веселье и играх, в труде умственном и физическом, любил искусство, звуки флейты и арфы... Он любил душистые благовония и красивых женщин – разве мы не видим его иногда изображенным с женщиной, его женой? – любил ясные ночи и сверкающие дни, которые в Египте наполняют радостью сердце человека... В

²⁰¹ *Хиченс Роберт*. Чары Египта в его памятниках, с. 19, 20.

Египте чувство... веселья и жизнерадостности часто бывает связано с тяжелым, почти трагическим, и это чувство доставляет отдых, облегчение, как глазу, так и душе».

* * *

Серапеум: гробницы священных быков, или аписов, посвящаемых Фта; то название быка происходит от апи (судья) или гапи; когда Озирис стал судьей подземного мира, бык, апи, стал символом Озириса; из Озирапи возник уже Серапис, египетско-греческий; культ Сераписа был введен Птоломеем; огромный храм, посвященный Серапису, был сосредоточен миру, как... Мекка; за Капитолием тотчас же возникал по роскошеству храм Озирис-апи; и сотнями тысяч томов призывала к себе библиотека храма философов; храм был разрушен во времена Феодосия.

Мертвым песком позасыпало здесь Серапеум; случайно напал Мариэтт в середине истекшего века на эти гробницы эпохи Рамзеса Второго; поздней катакомбы (времен Псаметиха) пристроены к ним; мы туда спускались за темным феллахом.

Из черного, злого жерла духотою и жаром дышало на нас; гасли свечи под сводами; с лентами магния шли; где нужно в слепительном, немигающем свете вставляли вокруг катакомбы.

Мы шли коридором, расширенным и раздавшимся высо-

тою в четырнадцать футов; и справа и слева – везде разверзались огромные ниши с уступом на более чем аршин; в этих нишах – гранитные саркофаги гробниц; на одном – начертание печати Камбиза; светился из пастей кровавый гранит – в коридор, когда вспышка кидалась на стены от пальцев феллаха.

* * *

Мы вышли наверх; предстояло вернуться назад, в Бедрехем (два часа на ослах); или прямо пустыней к Гезиху (четыре часа на ослах); предпочли мы последнее; но проводник покачал головою:

– «Нет, нет: не поеду!»

– «?»

– «В такую жару; по этим пескам!»

Мы ему обещали бакшиш: не подействовал; мы – упирались:

– «Напрасно: опасно пустыню дразнить в этот час, когда солнце – отвесно; получите только удар».

– «Как хотите, мы – едем»,

– «Ну вот что: я дам вам мальчишку; пусть он отправляется с вами; ему у Гизеха верните ослов».

Боголюбы 911 года

По пустыне

Дорог никаких быть не может: ветра – занесут; потащились ослы в бездорожии; где-то торчки пирамид Абушира вдали маяками торчали; мы двигались к ним по пескам; жар душил и сушил, и блистал с черных горизонтов; как печалью дышало нам под ноги; сверху разили мечи громыхавшего солнца; казалось: мой пробковый шлем был рассечен огнями; холмы вырастая, повсюду душили пространство; а небо казалось выше, чем в городе: индиго-синего цвета. Кирпично рыжела пустыня; но стоило взор устремить в одну точку, как рыжий, кусающий тон мертвенел; по бокам же рыжели рефлексy, и – ржавились; перебегая глазами от точки до точки; мы видели, как выцветали пространства; в окраинах поля зрения – ржавилось все.

Я заметил, как лица Аси, плаксивого арабченка, сперва розовели, потом – забагрели; и – стали лиловыми, черными; грозные, красные пятна метались в глазах; на приподнятой палке развеял я плащ свой над собой, строя тень; уставали глаза: никуда не смотрели глазами; мир потусклостей быстро тонул в мире пляшущих пятен; я под ноги ослу; коленкорочерная тень под ногами казалась мне карликом.

Мальчик, бежавший за нами, нахлестывал крупы ослов; и ослы ускорляли пробег по пустыне; мы с ужасом видели: как задыхался мальчишка, как пот в три ручья проливался с ли-

ца на абассию; тщетно кричал я ему, чтобы убавил свой бег он, боясь за него (в этот час нападали удары); мальчишка не слушал: бежал и нахлестывал осликов; а шоколадное личико стало оливковоугольным; осликов я попытался насильно сдержать, но мальчишка поднял такой рев, что, махнувши рукою, мы снова помчались (он к ночи хотел прибежать в деревеньку обратно: с ослами).

– «Послушай, мальчишка сейчас упадет!»

– «Что нам делать тогда?»

– «Эй, мальчишка, стойте: потише, потише».

Мальчишка кричит благим матом; и – снова мы мчались; бросал я ему апельсины; ловил на ходу их, кусая, терзая, размазавшись соком.

Но вот отказались мы ехать; под тенью песчаного холмика сели в песок среди групп пирамид Абушира; их – целых четырнадцать; десять – лишь груды развалин, покрытые кучами щебня; не будь здесь мальчишка, мы долго бы сидели в сухих затененных песках; но мальчишка скандалил все время: и – гнал нас к Гизеху.

И нечего делать: мы сели на осликов вновь; и уже пирамиды Гизеха росли перед нами; и солнце, склоняясь, червонно златело; и жар не кусал головы; и багровые пятна исчезли в глазах; и лица из черно-лиловых теперь снова стали багрово-сожженными; зелень подкралась налево: то – хлопок; и выше громадились вышки Хеопса, Хефрена; и маленький камушек, выросши, стал головой набежавшего Сфинкса.

Боголюбы 911 года

Сфинкс

Зачастую сидели с Асей у сфинкса; он – зажил во мне, но о нем – что сказать?

Беспредельному нет выраженья: безобразность вечный удел беспредельного; образ безобразий есть безобразие.

Сфинкс – безобразен.

Да, есть целомудрие в геометрической форме, когда покрывает безумие сверх-рассудочных отношений она; такова пирамида; она – сочетание четырех треугольников с пятой фигурой: квадратом.

Но Сфинкс не таков.

Вы представьте себе: вот – великий ученый (психолог), чьи тонкие книги читают тончайшие; вот – он, напившись, бормочет цинизм; какое уродство! Представьте теперь: знаменитый ученый завыл, побежав на карачках перед строгим лакеем, подавшим ему его счет; безобразие здесь на границе с бессмысленной мерзостью; если же, устремив горе очи, перед толпами скромных студентов взвоят психолог, учетверится в неслыханный ужас поступок его; и предел безобразия будет раздвинут, коль после ужасного взвоя ученый сухим, докторальнейшим тоном объявит: поступок – эксперимент, ему нужный для собирания статистики действия воя; и розданы будут листки для скорейшего заполнения их; иные, задетые в чувствах своих (безымянных), почувству-

ют, верно, пощечину в действии опытного экспериментатора; а другие наполнят, быть может, невнятной бредом листки; их профессор – психолог, снабдит комментарием, обнародует после в объемистой книге для доказательства, что безумие часто таится под маскою здравости.

Как назовем мы поступок ученого?

Мерзостью, сыском, безумием или... гениальным умением угадывать тайны души? Мы почувствуем, что войною должны мы ответить на этот поступок: в нем чувствуется террористический акт над душой обывателя.

Вот такой акт совершает Египет, бросая в лицо безобразию старого Сфинкса: сплошным безобразием веет безобразность образа; старая эта глава – окаянна: сугубое, учетверенное безобразие в ней, возведенное в энную степень; она – за пределами человеческих мерок уродств и красот. Безобразие это, быть может, порыв красоты Херувимов; ужасно: безмерность проснулась человекоподобным лицом; воображение духов связало все то сквозь «Я» человека; взглянув в лицо Сфинкса, мы чувствуем: сорвано дно человеческой личности; мы же на собственном дне, как на утлом челне уплываем в бездонность: наш путь начался «до» того, как мы стали людьми, продолжается в то, что уже несет наше, людское; мы чувствуем: весь размах мира, в котором живем, – только малая лодочка; ужасы прошлых форм жизни чудовищно встали: ихтиозавр, динозавр, бронтозавр проторчали из прошлого:

– «Да: это мы!»

Проторчали над ними такие постыдные формы: что если бы их увидеть воочию, то – падешь бездыханным: и это мы носим в себе; в подсознании нашем:

– «Да, да: это – мы!»

И красоты несбывшихся грез (то, куда мы идем) промелькнули бы: разгон иерархической жизни архангелов, ангелов, – все пронеслось бы перед нами; и это мы носим в себе:

– «И – да, да: это – мы!»

Но все это (грядущее, прошлое) есть содержание нашего «Я», его «дна», нам невидного: Сфинксовым взором срывается дно нашей личности; «дно» безобразием, роем красот – по волнам роковой бездны мчится:

– «Куда?»

И, взглянувши на Сфинкса, мы чувствуем головокружение; нам кажется: взгляды уносят.

– «Куда?»

Красота, безобразие, – все это рухнуло: все это – «образы». Сфинкс же безобразен.

* * *

Тридцатью лишь веками мы, люди теперешних дней, отделяемся от великой культуры Микен; только сорок столетий прошло от событий древнейшей ханаанской культуры,

в которой уже отразился Египет (своим скарабеем); семь столетий назад и – перед нами уже пирамидальный период; за 3750 лет до рожденья Христа возвышался дворец Нарам-Сина с прекраснейшей библиотекой; Вавилон разблестался культурой своей: но дворец Нарам-Сина построен Саргоном на древних развалинах, принадлежащих остаткам таинственной сумерийской культуры, начало которой за восемьдесят веков от рожденья Христа²⁰². Но взгляд безобразного Сфинкса уже подсмотрел ту культуру; уже шестьдесят почти длинных веков он глядит на восток²⁰³; а исшел, воплотился он, верно, из более ранней эпохи.

По летоисчислениям рабби Гилеля мир был сотворен лишь в эпоху Саргона²⁰⁴; и Сфинкс – с сотворения гилелева мира стоит в этом месте; но он изошел из Египта древнейшего времени; есть изделия слоновой кости, находимые в почве Египта до времени Сфинкса²⁰⁵; в канале Махмудиэ и в Бессузе на глубине двадцати с лишним метров под уровнем моря нашли черепки от посуды, принадлежащие обитателям этих мест, коим ведомы были приемы культуры; на основании геологических данных отчетливо можно сказать, что они приготовлены были за 300 столетий до нашего времени. Не на десятки, на сотни столетий; и ранее; эта культур-

²⁰² *Hilprecht*. Die Ausgr. Im Balt-tempel zu Nippur, 1903.

²⁰³ Ему приблизительно 5600 лет.

²⁰⁴ См.: профессор *Вальтер*. История земли и жизни.

²⁰⁵ За 4300 лет до Р. Х.

ная линия теплилась в... Атлантиде, которую ныне признали ученые; так утверждает профессор И. Вальтер, что «Атлантида представляется нам первоначальной родиной»²⁰⁶.

Какова же линия жизни земли?

* * *

Эта линия – в Сфинксе, сквозь Сфинкса, взирала на нас.

* * *

В безмерном разбит символизм геометрии; и лицо провалилось треугольник Хеопса; и стало оно человеческим: приподнялась пирамида от почвы; и стала она вовсе маленькой; это глава львинолапного Сфинкса; само прародимое время нагнало позднейшее время; и – ухнуло ужасом:

– «Ты – убежал».

– «За тобою я гнался»!

– «Ты был при Рамзесе: и я тебя мучил».

– «Ты был при Саргоне».

– «И ранее: был ты за 300 столетий до этого времени».

– «Скверной поступков твоих из тебя изошли: папуас, обезьяна; тупой носорог – твои помыслы некогда».

– «Гадкая слизь, покрывавшая дно океанов – деянья

²⁰⁶ История земли и жизни (русск. пер.)

ТВОИ».

– «Я – с тобою был тогда».

– «Все я видел...»

– «И вот: твоим прошлым стою перед тобою».

– «Ты – «Я».

– «Мы – одно...»

– «Это знаешь ты».

* * *

– «Что, что я знаю?»

* * *

Молчание!

* * *

Есть два Египта: Египет мистерий; и знаю я: тени жрецов поднимаются ныне к вершинам немых пирамид.

Есть Египет другой: эфиопское что-то глядится в египетских древностях; песьи печати к остаткам Египта приложены; их приложил эфиоп: эфиоп приготовлен в Египте; глубь Африки есть декаданс; дикари – простота, получившаяся от переутончения жизни: мы знаем, что гении порождают

чудачества, а чудочество вырождается в идиотство: дикарь есть кретин утонченной, погибшей культуры; центральную Африку населяют кретины, но предки их гении, мудрецы и ученые: тот знаменитый ученый, который себе разрешил бы завить на студентов для нужного опыта, мог бы, наверное, быть чудачком; при повторении опытов, мог бы он стать сумасшедшим; и, сев на карачки, с пронзительным воем последовать в страны «ням-ням», учреждая культуру дикарства 20 века.

Сплошной кретинизм проплывавших культур нас встречает в Египте: феллахи кретины; другие кретины – уарумы, которых встречаем у Стэнли: кретины культуры Египта, предел утончения ее.

И таким кретинизмом глядел старый Сфинкс; в нем есть что-то от негра; курносая и безносая голова смотрит дико и злобно громадную впадиной глаза; такой дикий взгляд на последнем портрете безумного Ницше, сказавшего о последней культуре 20 века; к нему, как ко мне, приходил старый Сфинкс, и сказал:

– «Это – я: прародимое время!»

И Ницше не выдержал: расхохотался, хотел, может быть, убежать в леса Африки (там бы он стал проповедником диких уарумов); попал же в лечебницу.

Сфинкс-эфиоп объяснил мне меня самого, объясняя мне Ницше; быть может, мое увлечение Африкой – сфинксово дело; «кретин» мне грозит, если я не сумею... стать ангелом.

Сфинкс продичал эфиопом; бессмысленны жесты лица; предлагает бессмысленно тайны, загадки; посмотришь: и взоры темнеют, и небо в овчинку, и разум разорван, и все отвалилось от ног; не бегите: постоит, сквозь вопль одичалой души вы услышите вздох пресыщения; есть пресыщение в старой главе...

«Почему вы, профессор, чудите: зачем вы взревели?»

«Мне скучно: хочу необычного я».

Египтяне, наверное, некогда бегали к неграм: Жан-Жаки Руссо, вероятно, водились среди них: психоглавые куколки их, может быть, пресыщение сквозь все ужасы лика – отчаяние, горечь, пресыщенность чувствуется в каменной складке у губ; посмотрите: ушел сам в себя; он – испуган; он – маленький ребенок; боится песчинки.

Мягчится, кротчает лицо.

Есть забитые, робкие люди; страданье заставило их пережить вереницу мучений: и все просветление мучений; и вот пережив просветленье, остались в испуге они.

Да, испуг зажигает на сфинксовом лице угрюмое бешенство; и молодеет от гнева столетья пронзающий взор; и бежит он от вас по векам; вы же гонитесь; вы переходите с ним все черты, все пределы, все грани; и вот на пределе пределов стоит, озверев от страданья, просветление боли осталось да-

леко, далеко; за старой чертой оно.

Вот и луна: и луна просветлила, мягча все черты; застелила мягким налетом; исполнила негой; он был херувимом, но он воплотился во все безобразие: тяжким крестом подготовил нам крест.

Он – прекрасен!

* * *

Величие, безобразие, страданье, презренье, вызов, испуг и улыбка младенца – все, все сочеталось в одно выражение, это не вынести; незабываемым никогда посмотрел он на меня.

И я помню его.

Боголюбь 911 года

Лорды

Мы, в тот день, посидевши у Сфинкса, пошли в Мене House пообедать: как были с пустыни, покрытые слоем за-гара и пыли; вступили в сияющий зал: красноватые, аляповатые стены, орнамент, блистание электрических лампочек, белые лэди, длиннейшие вырезы их на спине, на груди; и сухие лопатки двух сморщенных, старых «пэрсс», продушенная лысина «пэра»; затянутый в крепкий крахмал надувал подбородок меж белыми баками кто-то, одетый в изысканный фрак, юных безусых выюнов, пробивающих тропки меж шлейфов ботинками столь сияющей чистоты, что, наверное, в кончики этих ботинок, как в зеркальца, дэнди смотрелись, кокетничая с белокурами мисс.

Я – совсем оробел: на мне не было фрака; я был в обыденном костюме туриста (о, ужас!) в коротких, ну как бы сказать, – невыразимых частях туалета; затянутый в крепкий крахмал надувающий бакены сэр, оказавшийся метрдотелем – о, ужас! – направив на нас подозрительно око, – направился к нам; и мне ясно представилось, что пока созерцал я сиявшую лысину лорда, катавшего катышки хлеба рукой и застывшего мумией, полагая, что... вот удивился бы лорд, если б я, подойдя, вознамерился бы вывести вдруг из покоя его, щекотанием легкой соломинкой пары надменных ноздрей, – пока я измышлял сей рискованный опыт над лордом, седой

метрдотель измышлял неприличнейший опыт над нами: над джентельменом и лэди!

Намеревался спросить, что ищем мы, «русские», в фешенебельном месте; и к ужасу понял я тут, что он прав: пропыленные наши одежды (мы жарились семь или восемь часов в раскаленной пустыне) являли контраст с этим строем ботинок, сияющих трэнов и фраков: здесь обедали лишь прекрасные жители места свиданий и завтраков, – королей, миллиардеров, знаменитейших проходимцев, авантюристов и прочих; и все они, вероятно, за час до обеда готовились к трапезе; все они простояли перед зеркалом, надевая и фраки и бальные платья; и потому-то, наверное, лорд, одиноко катавший перед белой салфеткой катышек хлеба, когда я стоял перед ним, сделал вид, что он видит орнамент стены (не меня!); будь на Асе белое бальное платье, и будь на мне фрак, он не то чтобы нас удостоил рассеянным взглядом, – но все же: не с этим обиднейшим жестом катал бы свой катышек, приготавливая из катышка беленькую сосиску; обиднейший жест просиявшего лорда заметил: метрдотель и лакей; метрдотель предо мною стоял и молчал – в великолепном величии; понял я: поздно спасаться позорнейшим бегством, и я, упреждая слугу проходимцев и пэров, атаковал его сам; с гордым вызовом я посмотрел на зеркальный ботинок его, и на мой, пропыленный, давая понять ему:

– «Сэр, эта пыль, как вы видите, есть пыль веков; пыль ливийской пустыни...»

– «Да, сэр!»

– «Мы с приема, который любезно нам дал Рамзес и бывлой царедворец, по имени Ти...»

– «Эта пыль не есть пыль обыденности: качеством не уступает она белой пудре, которой покрыла лопатки себе вон та лэди...»

– «Опудрили нас тени прошлого; и потому, сэр...»

Так сказал мой надменный, вскользь брошенный взгляд, с сожалением снисходительно брошенный на чистейший носок метрдотеля, увы, не уважаемый пудрой пустыни, Мемфиса и Ти...

Мы мгновенье впивались друг другу в глаза, как два носорога, готовые броситься друг на друга, чтобы быстрым ударом носов просадить крепким рогом друг друга; потом я надменно сказал:

– «Что ж нам не покажут места за столом!»

Я – был победителем: мобилизованное достоинство разложилось мгновенно меж баками; а метрдотель, покоренный моим независимым видом повел меня тотчас туда, за колонны; и показал нам два места за боковым малым столиком (нет, не за общим столом: и не против катавшего катышки лорда!). Я тотчас же снисходительным тоном заказал дорогого вина; и друг друга поняли; даже казалось: в лице метрдотеля теперь приобрел я союзника; и предпринял нападение на лорда: я в мыслях своих щекотал ему нос волосинкой.

Тут подали суп...

Беспредметная фешенебельность и вопиющая скука теперь водворилась над строем лопаток и лысин, принадлежавших, как знать, королям, принцам крови, купцам, адвокатам, ученым, парламентским деятелям, биржевым спекулянтам – Австралии, Полинезии, Африки и Европы (включая Америку).

Так, победив метрдотеля, служившего лорду, теперь полоскавшему зубы душистой водой, мы отбыли в половине десятого: из убежища королей на каирский трамвай.

Боголюбы 911 года

Последнее впечатление

Посещение Мемфиса, последнее воспоминание от Сфинкса, обед в Мене House мне стоят на исходе египетских впечатлений моих; потерявши надежду дожидаться московского перевода для посещения Ассуана, прожившись ненужно в Каире, уже не могли отдаваться по-прежнему мы непосредственно жизни в Египте; но все впечатления путешествия нашего здесь углубились: Египет во мне бурно взрыл сокровенные мысли души, пребывавшие за порогом сознания в России и обусловившие наш исход из Москвы; мне в Египте открылся Египет второй: моя жизнь до Египта; размах этой жизни перед размахами жизни возможной казался мне, нет, не полетом, как прежде, а малым и скучным качаньем московского маятника под стеклом между стенками никеля; да, часы моей жизни сломались; и сломы путей обнаружались тотчас же по возвращении в Россию, где я ощутил одиноким себя и откуда с женою бежали надолго через одиннадцать месяцев.

По возвращении в Россию увидел в тогдашней России сплошной «Петербург». Аполлон Аполлонович, мумия, встретил меня в Петербурге; ответственный пост, занимаемый им, и стремление к геометрии, и возводимый им крепкий кубизм, просочившийся в мелочи повседневности, показал мне воочию: из музеев египетской древности мумии

вышли; «Египет» проснулся: «Египет» не умер; и мы, как белые рабы, занимаемся вместо жизни тесанием гробницы XX века; я понял, что нужно искать «новой жизни» и «новой земли»; но для этого надо бежать в «Палестину», оставив Египет; мое путешествие мне впервые в Египет представило: иным путешествием по «старинному континенту» души, на котором зажил я в слепом бессознании: от Египта мои «Путевые заметки» меняют свое направление; и становятся: путевыми заметками странника, ищущего новой жизни души; «география» и «этнография» заменяются в них «психологией», «метафизикой», неуместной в простых «путевых наблюдениях».

О том, что я видел в Египте, о том, что потом пережил в Палестине – обо всем этом мог бы я дать очень толстую книгу à la Метерлинк, а не книгу à la Гончаров; потому-то в Египте и кончаются мои «путевые заметки».

Я странствовал мыслями, мучимый невралгией на улице Каир-ель-Нил, а египетский врач замышлял мне жестокую казнь: вырвать зуб.

Пред отъездом в священную землю повис на железном крюке я со стоном (мой зуб не хотел «вырываться»).

Запомнился мне напоследок египетский вечер: —
– фелюга качалась, а лодырь, совсем темносиний, стоял на корме; золотокарие светени вечера разливались на Ниле; легчайшим биением белоголубых парусов разбегались стаи фелюг; и бросали стекольные очи все желтые здания; скали-

лась старой зубчатой стеной Цитадель, просквозивши из дали, как черное кружево на желтеющей шее испанки; налево: пространство косматой кудрявицы, красный карминник цветов поднимали густейшие пряности; солнце, мертвея от немощи, немо катилось к закату, как желтый и сохлый папирус, в сплошном омутненьи хамсинной золы над косматыми лапами пальм пролилось тяжелейшее золото в карие сумерки; протянулись феллашки, поставив на плечи надутое дно пропеченных жарой кувшинок; был и странен и страшен Каир!

Больше я не увидел его: утром тронулись мы к Порт-Саиду, чтобы попасть на судно, увозившее к апельсинникам Яффы.

Боголюбый 913 года

Эпилог

Впечатления Палестины глубоко запали мне в душу: но трудно мне было, как прежде, вести протокольную запись летучих моих впечатлений; события души поднялись; и – стирали пестрейшие пятна пути. Я, быть может, позднее вернусь к впечатлениям Палестины; не здесь, в этой книге.

И ко всему примешалась тут внешняя трудность: Сицилию и Тунис я описывал там на местах, где любую деталь, поразившую нас, мог легко я проверить; Радес, Кайруан я описывал не на месте: в Египте; описывая, я бродил еще в дебрях своих впечатлений по свежим следам; мной описан Египет – позднее; уже на Волыни; меж мной и им легли страны: Сирийского побережья, Палестины, Архипелага; и лег многошумный Стамбул с грохотанием мечетей и с Айя-Софией, с семибашенным замком, с Босфором, легли Дарданеллы; поэтому впечатления Египта на расстоянии выглядят отвлеченнее, быть может, чем пестрые арабски Тунисии.

Я хотел описать Палестину, но... спешно уехал в Москву, и Москва ерундою своей многопышащей жизни совсем запылила мне нить путевых впечатлений; все то, что я видел – со мною; все звуки, все краски, все образы – там, в глубине моей жизни зажили в безобразном, только через год уже, в Брюсселе, мог отдаться свободно я пятнам заметок; но пятна те выцвели; и во-вторых: я работал тогда над романом своим;

так внимание переместилось от пятен земного пути к углубленнейшим линиям мысли.

* * *

Мне запомнились общие ноты моих палестинских заметок; и в них, точно искры, отдельные частности: помню, как мы поразились, проснувшись перед Яффою, стаям небесных барашек; в Египте не видели мы облаков; поразили огромные апельсинники Яффы; и тон голубой и иудейских холмов; поразили ливанские кедры: и пестрый камень, которым блистает постройка храма Гроба Господня весной: мы из пекла попали вторично в весну (переживши ее уже в Радесе): как часто сидел я на камне пред входом Дамасских Ворот, и я думал:

– «Вот здесь бы остаться навеки!»

Помню я происшествие перед мечетью Омара (тогда обокрали мечеть европейцы и их собрались убить мусульмане); кавасы, да два полицейских, которых мы взяли в участие, сопровождали нас в «Храм»; были первые мы европейцы, решившиеся проникнуть в мечеть после гнусного воровства, там совершенного: в русском подворье сказали нам, что за нас не ручаются; перед розовым мозаическим храмом неопишуемой формы²⁰⁷, в котором в грядущем свершит-

²⁰⁷ Построен храм Юстинианом, переделан в мечеть Омаром.

ся Пришествие (перед кончиною мира²⁰⁸), стояли безмолвно: толпа исступленных, разгневанных женщин, грозя нам руками, выкрикивала проклятия; спереди шел вооруженный кавас; полицейские шли по бокам; было жутко и стыдно (за европейцев, конечно).

* * *

Мне запомнился интересный момент: вырывается «святой» огонь из часовни над Гробом Господним, распространяется морем по храму; седой патриарх весь в атласе, испуганно мчится по храму с пучками «огня», охраняемый роем солдат от напора толпы.

Мне запомнились апельсинники Кайфы, запомнились домики Бейрута; горы, покрытые лесом (Александретты, или Мерсины – не помню).

Четырнадцать дней плыли мы по Сирийскому и Малоазийскому побережью; прошли розоватые башни Родоса; прошли бесконечные островки Архипелага (среди них прошел Патмос и Лесбос и тот островок, на котором родился Сократ); запахнулась глубокая гавань; мы видели издали Смирну: холера нам путь заградила; повеяли белой сиренью на нас Митилены; мы издали видели берег разрушенной Трои; слонялись в Стамбуле; когда на семнадцатый или во-

²⁰⁸ По мусульманским верованиям.

семнадцатый день мы глубокою ночью стояли пред портом Одессы, меня охватила глубокая грусть: промелькнули в обратном порядке Стамбул, Митилены, Архипелаг, Палестина, Каир, промелькнула «Arcadia»; промелькнули: Валетта, Тунис, Карфаген, Кайруан и Радес; промелькнул Монреале; промелькнули Палермо, Неаполь, Венеция, Вена.

И встала Россия: Москва, ее слякоть. Но Африка ждет меня: к ней я вернусь!

Москва 919 года

Примечания

1.

Пока вы созерцаете извне нескладицу жизни каирской, все блохи и «хахи» – досадные мелочи, но как скоро вы вспомните, что полнейшее творческое бессилие местной жизни есть торжествующее явление и веками давимый феллах с наслаждением разлагает все, что прикоснется к нему, вас охватывает ужас; вот что говорит герцог д'Аркур о победителях современных нам египтян в своей книге «Египет и египтяне»: «Если исчезла древне-египетская письменность, раса ее как будто пережила; сколько раз отмечали сходство египтян современных с наиболее древними египетскими статуями; эти статуи верно выражают черты еще доселе живой расы, единственной, которая способна размножаться и жить в этой загадочной стране. Роды победителей, сменявших друг друга и соблазненных богатством страны... исчезли, согласно пословице: «Египет пожирает в него вторгающиеся народы»... Действительно, веками бесчисленные рабы... приведенные смолоду в эту страну, не имели потомства; и в наши дни, поселяющиеся здесь семейства турков, вырождаясь физически и нравственно уже во втором поколении, пересекаются в третьем. Единственно, что можно предпринять, чтобы избежать деморализующего действия климата, это брак с феллахиной; но тогда пропадет у потомства европейский характер, потому что от такого

брака рождаются египтяне» (курсив наш). // Не ужасна ли месть древнего Египта за профанацию линий? // Что касается до сходства феллахов с древними египтянами, то на это указывает, например, Роберт Хиченс в своей книге «Чары Египта»: «Я спускался в могилу... расписанную фигурами. Взяв с собой 10-летнего мальчика Али... и глядя то на него, то на окружающие стены, я... проникался сознанием постоянства типа. В этих изображениях я повсюду встречал лицо маленького Али».